Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
(ИКСА РАН)
www.iccaras.ru

Научный информационно-аналитический журнал **«Кореeведение»** издаётся ежеквартально с 2022 г. Журнал посвящён новейшим исследованиям в области кореeведения и будет актуален как для экспертов в области международной политики, экономики, истории, культуры, так и для широкого круга читателей, интересующихся странами Корейского полуострова. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

URL: https://www.koreanology.ru

- Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научную электронную библиотеку eLibrary.ru
- Регистрация в СМИ № Эл № ФС77-83956 от 16 сентября 2022 г.

Главный редактор: Асмолов К.В., к.и.н. (Россия).

Заместитель Главного редактора: Захарова М.С. (Россия)

Редакционная коллегия: Дьячков И.В., к.и.н, доц. (Россия); Жебин А.З., к.полит.н. (Россия); Ким Ен Ун, к.филос.н. (Россия); Самсонова В.Г., к.э.н. (Россия); Семина Л.И. (Россия); Стрельцов Д.В., д.и.н., проф. (Россия).

Редакционный совет: Бабаев К.В. (*председатель*), д.филол.н., проф. (Россия); Акуленко В.С., к.и.н. (Россия); Воронцов А.В., к.и.н., доц. (Россия); Захарова Л.В., к.э.н., доц. (Россия); Кистанов В.О., д.и.н. (Россия); Кукла М.П., к.э.н. (Россия); Курбанов С.О., д.и.н., проф. (Россия); Петровский В.Е., д.полит.н. (Россия); Портяков В.Я., д.э.н. (Россия); Соловьев А.В. (Россия); Синякова А.Ф., к.э.н., доц. (Россия); Толорая Г.Д., д.э.н., проф. (Россия); Толстокулаков И.А., д.и.н., проф. (Россия); Ом Гу Хо (Сеул, Республика Корея); Пак Чон Су (Сеул, Республика Корея); Чхвэ Чжэ Док (Иксан, Республика Корея).

Редакция: Иванова Н.И., Шкатов Д.Е., Тарасов С.Ю.

Специальности ВАК:	OECD Fields of Science:
05.02.00 Экономика	5.02 Economics and business
05.05.00 Политология	5.06 Political science
05.06.00 Исторические науки и археология	6.01 History and archaeology

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

ISSN 2949-1010 электронная версия
ISSN 2949-2025 печатная версия
DOI: 10.48647/ICCA.2026.44.54.001

© ИКСА РАН
© МГИМО МИД

Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences
(ICCA RAS)
www.iccaras.ru

The scientific information and analytical periodical **"Koreanology"** is published quarterly since 2022. The journal is dedicated to the latest research in Korean studies and will be relevant both for experts in the field of international politics, economics, history, culture, and for a wide range of readers interested in the countries of the Korean Peninsula. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of China and Contemporary Asia RAS,
Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

URL: https://www.koreanology.ru

- Included in Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Scientific Digital Library "eLibrary.ru"
- Media registration № ЭЛ № ФС77-83956 dated September 16, 2022.

Editor-in-chief: Asmolov K.V. (Russia), PhD (History)

Deputy editor-in-chief: Zakharova M.S. (Russia)

Editorial Board: Dyachkov I. (Russia), PhD (History); Zhebin A. (Russia), PhD (Political science); Kim En Un (Russia), PhD (Philosophy); Samsonova V. (Russia), PhD (Economics); Semina L. (Russia); Streltsov D. (Russia), DSc (History).

Editorial Council: Babaev K. (Russia), DSc (Philology), Prof., (*Chairman*); Akulenko V. (Russia), PhD (History); Vorontsov A. (Russia), PhD (History); Zakharova L. (Russia), PhD (Economics); Kistanov V. (Russia), DSc (History); Kukla M. (Russia), PhD (Economics); Kurbanov S. (Russia), DSc (History), Prof.; Petrovsky V. (Russia), DSc (Political Science); Portyakov V. (Russia), DSc (Economics); Solovyov A. (Russia); Sinyakova A. (Russia), PhD (Economics); Toloraya G. (Russia), DSc (Economics), Prof.; Tolstokulakov I. (Russia), DSc (History), Prof.; Gu Ho Eom (Seoul, Republic of Korea); Chong Soo Park (Seoul, Republic of Korea); Jae Duk Choi (Iksan, Republic of Korea).

Editors Office: Ivanova N.I., Shkatov D.E., Tarasov S.Y.

Scientific specialities (VAK):	OECD Fields of Science:
05.02.00 Economic sciences	5.02 Economics and business
05.05.00 Political science	5.06 Political science
05.06.00 Historical sciences and archeology	6.01 History and archaeology

The Editorial Board's opinion may not coincide with the authors' point of view.

ISSN 2949-1010
ISSN 2949-2025
DOI: 10.48647/ICCA.2026.44.54.001

© ICCA RAS
© MGIMO University

СОДЕРЖАНИЕ

Речь заместителя председателя Совета ветеранов Корейской войны по Сибирскому федеральному округу и Дальневосточному федеральному округу О.Ц. Цыбикова 5

История

Гришина Д.Е., Костинская Д.В. Опасный блеф: американо-южнокорейский диалог на фоне переговоров о прекращении огня весной 1953 г. и позиция Ли Сынмана 10

Политика

Асмолов К.В., Мостов А.А., Зорич А.М. Современная военная пропаганда КНДР 22

Салтанов С.Д. Роль общей исторической памяти в российско-северокорейском сближении (на примере мемориалов в Чхонджине и Раджине) 39

Улезко Б.В. Строительство в КНДР Военно-морских сил дальней морской и океанской зоны 52

Культура

Романова И.С. «Описание Кореи» 1900 года: к 125-летию выхода трехтомника 66

Ким Хэ Ран. Жизнь и вклад в науку корейского лингвиста Ким Су Гёна 83

CONTENTS

Speech by O.Ts. Tsybikov, Deputy Chairman of the Council of Veterans of the Korean War for the Siberian Federal District and the Far Eastern Federal District 5

History

Grishina D.E., Costinscaia D.V. A Dangerous Bluff: The US-South Korean Dialogue Against the Background of the Ceasefire Negotiations in the Spring of 1953 and Syngman Rhee's Position 10

Politics

Asmolov K.V., Mostov A.A., Zorich A.M. Contemporary Military Propaganda of the DPRK 22

Saltanov S.D. The role of common historical memory in the Russia-North Korea rapprochement (on the example of memorials in Chongjin and Rajin) 39

Ulezko B.V. Construction of a Naval Force in the DPRK in the Far-Range Maritime and Oceanic Zone 52

Culture

Romanova I.S. "Description of Korea" (1900): On the 125th Anniversary of the Three-Volume Edition 66

Hye Ran Kim. The life and contribution to science of Korean linguist Kim Su-kyung 83

Речь заместителя председателя Совета ветеранов Корейской войны по Сибирскому федеральному округу и Дальневосточному федеральному округу О.Ц. Цыбикова

10.48647/ICCA.2026.36.96.002

Редакция журнала «Корееведение» считает важной тему исторической памяти о Корейской войне, поэтому публикует выступление заместителя председателя Совета ветеранов Корейской войны по Сибирскому федеральному округу и Дальневосточному федеральному округу О.Ц. Цыбикова на XXX научной конференции кореееведов России и стран СНГ «Современные проблемы Корейского полуострова» ИНЦ ИКСА РАН, г. Москва, 26—27 марта 2026 г.

Приветствую участников, гостей и организаторов сегодняшней встречи!

Знаменательно, что данное мероприятие проводится в начале 2026 г. Внимание к истории локальных войн демонстрирует вклад Министерства обороны РФ в исторический проект «На дальних рубежах, с Родиной в сердце», где первыми стоят участники Корейской войны 1950—1953 гг.

Актуальность темы обусловлена необходимостью глубокого осмысления истории Корейской войны с целью увековечения памяти её участников и их значимого вклада в борьбу корейского народа против американской агрессии. Целью проекта выступает формирование осознания важности сохранения исторической памяти и противодействия современному фашизму.

Корейская война — важное событие мировой истории, показавшее, настолько опасным может быть идеологическое противостояние в условиях глобального конфликта. Последствия этой войны ощущаются до сих пор, а вопрос объединения Кореи пока остаётся нерешённым.

В 2025 г. в г. Москве в музее на Поклонной горе прошла конференция по Корейской войне. Она была организована Научно-исследовательским институтом (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых Сил РФ, Российской общественной организацией «Совет ветеранов Корейской войны 1950—1953 гг.» и Музеем Победы. В приветственном письме участникам конференции заместитель министра обороны РФ, начальник Главного военно-политического управления Вооружённых Сил РФ Виктор Горомыкин отметил:

«Эта война оставила глубокий след в истории международных отношений и оказала серьёзное влияние на судьбы народов в регионе. Война стала не только испытанием для корейского народа, но и важным уроком для всего мира, напомнив о катастрофических последствиях крупномасштабных военных конфликтов. Сегодня, спустя десятилетия, мы отдаём дань уважения всем, кто проявил мужество и героизм, кто выстраивал советско-корейское братство, а также осмысливаем исторические итоги через призму преемственности. Особые слова благодарности — ветеранам, чьи подвиги и мужество позволили отстоять независимость КНДР. Для нас крайне важно сохранить правду о событиях тех лет, противостоять попыткам искажения истории и извлечь уроки, способствующие укреплению мира и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

Конференция предоставляет нам повод ещё раз обсудить вопросы исторической памяти, полноту изложения истории участия воинского формирования 64-го истребительного авиационного корпуса в Корейской войне 1950—1953 гг. В ноябре 2025 г. исполнилось 75 лет со дня его создания. Мы отдаём дань памяти и выражаем свою признательность отважным лётчикам, зенитчикам, советникам и другим воинам — мудрым, сильным духом людям, своим героизмом, трудом и всей своей жизнью заслужившим и почёт, и уважение, подавшим следующим поколениям яркий пример служения Родине. Как священная мантра для нас — это главное завещание: не допустить повторения страшной войны, последствия которой отражаются в нашей жизни даже спустя столько десятилетий.

Сегодня важно говорить о прошлом — чётко, громко, основываясь на достоверной информации, которой пока крайне мало... Наш долг — общими усилиями поддержать память об участниках Корейской войны. Собранная информация о событиях тех лет на этой площадке приобретает особую значимость. Таким образом, мы делаем общее дело. Именно общностью задач и целей мы должны объединяться в совместной работе, помогая народу восстановить его историческую правду. Теснейшим образом переплелись сейчас вопросы истории, в центре которых — Корейская война и её участники. Поэтому самая важная задача историков — создать правдивую картину, покончить с замалчиванием об этой войне, страницы которой полностью не раскрыты.

Я занимаюсь корейской темой в течение восьми лет как поисковик, исследователь, начав её с документов о своем отце Цыбике Жамьянове, участнике Корейской войны. Моей целью стало изучение вклада таких же участников этой войны через анализ исторических, периодических документов и научных достижений. Источниками информации послужил Интернет, газеты, музеи, библиотеки, Книги Памяти и др. Результатами моей работы являются собранные материалы на участников Корейской войны: это копии документов, фотографии мирных лет, справки о годах службы, номера войсковых частей во время войны, специальность, даты рождений и смерти, данные о трудовой деятельности в послевоенные годы, поощрения, награды, справки о семье, о детях, внуках, их адреса и телефоны — все это бесценные артефакты, которые могут рассказать о жизни участников войны. Запросы в различные организации и государственные инстанции, выступления по радио и на телевидении, публикации в газетах, проведение уроков мужества в школах и кадетских классах, выступления перед сту-

дентами — вот не полный перечень поисковой работы. Наряду с этим имеются трудности по поиску участников Корейской войны: нет единой базы данных на них, у населения отсутствует достоверная осведомлённость о военных событиях тех лет и осознанность необходимости сохранения исторической памяти. В работе мне оказывает всестороннюю помощь и поддержку правительство Республики Бурятия и Бурятское региональное отделение ВООВ «Боевое братство».

Про многие исторические события мы знаем довольно в общих чертах. Однако небольшие подробные эпизоды иногда открывают нам этот исторический момент с несколько другой стороны. Именно мелкие детали, раскрываемые в небольших сценах большого события совсем меняют уже привычную для нас картину происходившего. Это не просто изучение дат и событий, это погружение в личные истории, в судьбы людей, переживших невообразимые страдания и проявивших невероятное мужество.

Многие истории о Корейской войне остались нерассказанными или забытыми, ведь известно, что на этой войне участвовали 40 тыс. наших воинов. Активная поисковая работа и распространение информации помогают бороться с забвением, возвращая войне и её участникам заслуженное место в истории.

19 декабря 2025 г. прошёл круглый стол ИКСА РАН по Корейской войне. Одним из важных моментов было решение издать Книгу Памяти об участниках Корейской войны. Это очень важно! Продолжая мысль об издании Книги Памяти, могу сказать, что была издана моя первая книга «Забытые... на 45 лет». На данный момент готова к изданию вторая книга «Солдаты Корейской войны. Мы — ваша память!». Книга является справочной и документальной. В ней списки более 4 тыс. участников той войны, данные о которых собраны по всем регионам России на основе архивов, публикаций СМИ, личных встреч и переписок с детьми участников Корейской войны, семейных архивов, фотографий, Книг Памяти, данных из военкоматов и других источников. В книге описаны краткие биографии участников двух войн: и Великой Отечественной, и Корейской, а также Специальной военной операции — внуков участников Корейской войны, которые соединяют судьбы, показывают неразрывную связь времён и поколений. Книга является для близких и родственников участников Корейской войны настоящей находкой, из которой они могут узнать более подробно, где принимал участие в военных действиях их отец или дед. Для детей и внуков тех, кто прошёл войну, память об этом конфликте имеет глубоко личное значение. Война — это часть истории их семей. Родные и близкие, даже владея информацией, могут проследить путь своего родственника в той войне на основе невыдуманных очерков в этой книге, сопоставив все свои записи, потому что они очень похожи на своих соотечественников: тяжёлые довоенные, военные и послевоенные годы и Корейская война. После войны, вернувшись домой, они взялись за труд, воспитывали детей и даже в преклонном возрасте помогали и помогают семьям своих детей.

В 2023 г. глава Республики Бурятия А.С. Цыденов первым из глав российских регионов подписал постановление о единовременной выплате участникам Корейской войны в год 70-летия её окончания.

Ещё одним из важных событий стала постановка спектакля «Солдат “забытой” войны» в Агинском Бурятском округе Забайкальского края 26 марта 2025 г. Он был поставлен шесть раз. Это была не просто гастрольная поездка, а своего рода миссия — донести до сердец людей правду о трагических событиях, чьи отголоски до сих пор звучат в судьбах многих людей, в том числе и моей. Этот спектакль возник не вдруг. В те далекие годы участники Великой Отечественной войны со всего Советского Союза принимали участие и в Корейской войне, а теперь, в наши дни, их внуки и правнуки сражаются на полях СВО, опять защищая нашу Родину. И наши воины — наследники Великой Отечественной и Корейской войн — несут с честью знамя доблести и отваги, как Герой России, полковник Доржи Шойнхорович Чимитов. Спектакль, пропитанный болью, сопереживанием и состраданием, оживил ушедшую эпоху и заставил зрителей прочувствовать все то, что пережили солдаты Корейской войны. Спектакль призывает задуматься о важности мира и ценности человеческой жизни. Подвиги прошлого и сила настоящего учат нас ценить мир, за который боролись наши предки. Их подвиг — это не только мужество в бою, но и верность долгу, стремление защищать Отчизну. Специальная военная операция направлена против фашизма, который поднял голову на Украине, поддержанный США и Европой. В этих условиях единственная страна — КНДР, оказывающая помощь России, присылая снаряды, вооружение, и принявшая участие в боевых действиях по освобождению Курской области. В новогоднем поздравлении Путину В.В. и россиянам Ким Чен Ын отметил: «Хочу ещё раз заверить, что я, правительство КНДР и весь корейский народ всегда будут вместе с Вами и братским народом России». Также он подчеркнул прочность союза с Россией, заявив в речи во время своего визита в сентябре 2023 г., что за воинами «стоит Пхеньян и Москва». На праздничное мероприятие по случаю 79-летия Трудовой партии Кореи Ким Чен Ын прибыл на лимузине «Аурус», подаренным ему президентом В. Путиным, на котором были «фирменные» номера «лица № 1» КНДР: 7-27-1953. Цифры означают день окончания Корейской войны —27 июля 1953 г.

За многолетнюю работу по увековечению памяти участников Корейской войны 1 февраля 2025 г. меня — Очира Цыбикова — признали «Человеком года — 2024» Республики Бурятия. По традиции героями материалов издания «Информ Полис» становятся те лица, чьи судьбы тронули сердца читателей, а истории вызвали резонанс у общественности.

По традиции выстрелом из гаубицы г. Улан-Удэ встречает главный праздник России — 12 июня. Право произвести Полуденный выстрел удостоен был и я — Очир Цыбиков — с занесением в «Книгу почётных участников Полуденного выстрела». На память мне вручали ещё дымящую гильзу как сыну участника Корейской войны Цыбика Жамьянова.

В Национальной библиотеке в течение месяца проходила фотовыставка, посвященная Корейской войне. Каждый год 27 июля в г. Улан-Удэ в сквере у памятника участникам локальных войн мы отдаём дань памяти и почести участникам Корейской войны с возложением венков, цветов и минутой молчания. Я часто получаю звонки из разных концов страны — обращаются ко мне потом-

ки участников той «секретной» войны, которые верят, что имя их отца или деда спустя десятки лет будет вписано в историю золотыми буквами.

Так кто же они, участники Корейской войны? Прослеживая их жизненный путь, можно установить, что они являлись:

- участниками Великой Отечественной войны;
- участниками по разгрому японской Квантунской армии и освободителями в 1945 г. Северной Кореи;
- советскими корейцами, принимавшими участие в становлении Корейской Народной Демократической Республики по заданию партии и велению сердца, впоследствии ставшими участниками Корейской войны;
- детьми войны, потому что их детство пришлось на военные годы, а война стала частью их судьбы;
- тружениками тыла в годы ВОВ, девизом которых был лозунг «Все для фронта, все для Победы!»;
- участниками послевоенного строительства народного хозяйства СССР;
- бойцами, сражавшимися на стороне Северной Кореи;
- принимавшими после возвращения с той войны участие в становлении процветания и мощи Советского Союза.

А ныне это их преемники — участники Специальной военной операции — внуки и правнуки участников Корейской войны

Это наша память, наше наследие, наша гордость...

Вот результат моей многолетней общественной деятельности не только в Республике Бурятия, но и в других регионах России.

Прошлое определяет настоящее, а настоящее определяет наше будущее...

DOI: 10.48647/ICCA.2026.78.30.003

Д. Е. Гришина, Д. В. Костинская

Опасный блеф: американо-южнокорейский диалог на фоне переговоров о прекращении огня весной 1953 г. и позиция Ли Сынмана

Аннотация. Процесс урегулирования Корейской войны (1950—1953) завершился подписанием 27 июля 1953 г. соглашения о прекращении огня. В тексте документа отсутствовала подпись президента Республики Корея Ли Сынмана. Кроме того, перезапуск переговоров, поставленных на паузу в 1952 г., ознаменовался активными публичными попытками южнокорейского лидера саботировать усилия США и ООН по установлению мира на Корейском полуострове. Настоящее исследование ставит своей целью проследить процесс диалога между Республикой Корея и США на фоне стремления последних к скорейшему установлению режима прекращения огня на Корейском полуострове, проанализировать его особенности, а также, оценив риторику обеих сторон, обозначить риски, на которые администрация в Вашингтоне и Ли Сынман были готовы пойти для достижения своих целей.

Ключевые слова: Ли Сынман, Корейская война, ООН, США, переговоры, соглашение о прекращении огня, военнопленные.

Авторы: Гришина Дарья Евгеньевна, PhD., доцент Школы востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший преподаватель Восточного факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20; 119049, г. Москва, ул. Мароновский пер., 26).
ORCID: 0000-0002-9418-4677. E-mail: degrishina@hse.ru, dgrishina@gaugn.ru
Костинская Дарья Викторовна, студентка 5-го курса образовательной программы «Востоковедение», факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20). ORCID: 0009-0003-3377-7801. E-mail: dvkostinskaya@edu.hse.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гришина Д.Е., Костинская Д.В. Опасный блеф: американо-южнокорейский диалог на фоне переговоров о прекращении огня весной 1953 г. и позиция Ли Сынмана // Кореесведение. 2026. № 2 (15). С. 10—21.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.78.30.003.

D.E. Grishina, D.V. Costinscaia

A Dangerous Bluff: The US-South Korean Dialogue Against the Background of the Ceasefire Negotiations in the Spring of 1953 and Syngman Rhee's Position

Abstract. The process of settling the Korean War (1950—1953) culminated in the signing of the ceasefire agreement on July 27, 1953. The document lacked the signature of the President of the Republic of Korea, Syngman Rhee. In addition, the resumption of negotiations which had been paused in 1952 was marked by the South Korean leader's active and public attempts to sabotage the efforts of the United States and the United Nations to establish peace on the Korean Peninsula. This study aims to trace the process of dialogue between the Republic of Korea and the United States against the background of the latter's desire for the earliest possible achievement of a ceasefire regime on the Korean Peninsula, to analyze its features, and to identify the risks that the administration in Washington and Syngman Rhee were willing to take to achieve their goals by accessing the rhetoric of both sides.

Keywords: Syngman Rhee, Korean War, UN, USA, negotiations, ceasefire agreement, prisoners of war.

Authors: Daria E. Grishina, Ph.D. Associate professor, School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics, State Academic University for the Humanities (GAUGN) (address: 101000, Moscow, Myasnitskaya st., 20; 119049, st. Maronovsky lane, 26). ORCID: 0000-0002-9418-4677. E-mail: degrishina@hse.ru; dgrishina@gaugn.ru
Daria V. Costinscaia, 5th-year student of the educational program “Asian Studies”, the Faculty of World Economy and International Affairs of National Research University Higher School of Economics (address: 101000, Moscow, Myasnitskaya st., 20). ORCID: 0009-0003-3377-7801. E-mail: dvkostinskaya@edu.hse.ru

Conflict of Interests. The authors declare no conflict of interest.

For citations: Grishina D.E., Costinscaia D.V. Opasnyy blef: americano-yuzhnokoreyskiy dialog na fone peregovorov o prekrashchenii ognya vesnoy 1953 g. i pozitsiya Li Synmana [A Dangerous Bluff: The US-South Korean Dialogue Against the Background of the Ceasefire Negotiations in the Spring of 1953 and Syngman Rhee's Position] // Koreevedenie [Koreanology], 2026, 2 (15): 10—21.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.78.30.003.

Корейская война (1950—1953) стала одним из наиболее драматических событий в истории корейской государственности. Военный конфликт не только унёс миллионы жизней гражданского населения и военных, но и окончательно зафиксировал раскол корейской нации на два идеологически противоборствующих государства. Участие в конфликте СССР, США (через институции ООН) и Китая обусловило, помимо прочего, и сложность процесса урегулирования противостояния РК и КНДР, который на фоне непримиримых идеологических противоречий характеризовался также необходимостью учитывать интересы вовлеченных в него третьих держав. Именно поэтому, несмотря на то что уже к февралю 1951 г. конфликт принял позиционный характер, попытки его окончательного урегули-

рования растянулись на долгие два года и в конечном итоге не привели к прочному миру на Корейском полуострове.

В исследованиях, посвященных заключительному этапу Корейской войны, поведение южнокорейского президента Ли Сынмана обычно рассматривается через призму либо его рационального давления на США, либо его идеологической непримиримости. Одни авторы анализируют саботаж прекращения огня как продуманную тактику шантажа, где освобождение военнопленных и угрозы вывода армии из-под командования ООН служили рычагом для получения гарантий безопасности [Stueck, 1995; Cumings, 2010]. Другие фокусируются на глубоко укоренённом антикоммунизме и стремлении Ли к объединению Кореи, видя в его отказе от подписания соглашения логичное продолжение многолетней войны [이완범, 2007].

Однако данные исследования упускают из виду важный момент. Как правило, анализируется финальный акт саботажа — освобождение 25 тыс. военнопленных в июне 1953 г., но почти не рассматривается ключевой период, начавшийся весной того же года, когда Ли Сынман впервые открыто пригрозил выходом из командования ООН и выдвинул ультиматум о подписании пакта о взаимной обороне. В зарубежной историографии слабо прослежено, как именно эти действия стали поворотным моментом, заставившим администрацию Эйзенхауэра балансировать между стремлением к перемирию и сдерживанием собственного союзника.

Ключевую роль в прекращении ведения боевых действий на Корейском полуострове играли позиции США и СССР, изменения в которых обозначились лишь в начале 1953 г. С приходом к власти в США администрации Дуайта Эйзенхауэра[1] и внезапной смертью в Советском Союзе 5 марта 1953 г. Иосифа Сталина, оба государства обозначили своё стремление к скорейшему завершению войны [김보영, 2009, 185].

22 февраля 1953 г. командование ООН направило в объединённое командование войск КНДР—КНР предложение об обмене больными и ранеными военнопленными[2], что заложило основу для коммуникации между вовлеченными в конфликт сторонами. В ходе операции, получившей название Little Switch, в период с 20 апреля по 3 мая 1953 г. на Юг вернулись 684 военнослужащих сил ООН, а 6670 северокорейцев и китайцев было репатриированы в КНДР и КНР[3]. Кроме того, приняв предложение об обмене, Ким Ирсен и его союзники в ответ выступили с инициативой о возобновлении переговоров о прекращении огня[김행복, 2003, 54], прерванных в октябре 1952 г.[4]

[1] Дуайт Дэвид Эйзенхауэр (1890—1969) — 34-й президент США, вступивший в должность 20 января 1953 г.

[2] The Commander in Chief, United Nations Command (Clark) to the Joint Chiefs of Staff, March 28, 1953 // Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v15p1/d420 (дата обращения: 20.09.2025).

[3] The Korean War and the American Red Cross // American Red Cross. URL: https://www.redcross.org/content/dam/redcross/National/history-korean-war.pdf (дата обращения: 22.04.2025).

[4] В 1952 г. переговоры были поставлены на паузу. Стороны не могли договориться ни о конкретных условиях перемирия, ни о будущем устройстве Корейского полуострова.

К июню 1949 г. в соответствии с резолюцией ООН № 195[1] американские войска были полностью выведены с южной части полуострова. При этом после их вывода никакого соглашения о постоянном размещении военных контингентов США для обеспечения безопасности Юга заключено не было [차상철, 2001, 125]. Подобное развитие событий обеспокоило южнокорейского президента Ли Сынмана[2], сообщившему Уолтеру Робертсону, начальнику Дальневосточного отдела Госдепартамента США, что он намерен вывести южнокорейскую армию из-под контроля командования ООН[3] и продолжить наступление на Север до полной победы в случае, если условия соглашения о прекращении огня[4] позволят китайским войскам остаться на полуострове и после прекращения боевых действий[5]. Ли Сынман отметил, что присутствие китайских войск губительно для Республики Корея [김행복, 2003, 54].

Командование ООН, стремясь к скорейшему завершению конфликта, проигнорировало предостережения южнокорейского президента, и переговоры с представителями КНДР и китайских добровольцев возобновились 26 апреля 1953 г.[6] Кроме того, стараясь ускорить ход событий, ООН предложила заключить соглашение о прекращении огня до урегулирования позиций сторон по ключевым политическим вопросам[7], однако КНДР и Китай, проявляя осторожность, настаивали на подписании соглашения только после достижения прочных договоренностей [김행복, 2003, 54]. На фоне такого развития событий, осознавая важность участия южнокорейского лидера в переговорном процессе, 27 апреля 1953 г. командующий силами ООН в Корее генерал Марк Кларк в срочном порядке встретился с Ли Сынманом и попытался смягчить сопротивление южнокорейского лидера, пообещав, что после заключения перемирия

---

[1] Приняты на 187-м пленарном заседании 12 декабря 1948 г. // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на 3-й сессии, 21 сентября — 12 декабря 1948 г. 1948 г. Т. I. С. 25—27 (GAOR, 3-я сессия). URL: https://digitallibrary.un.org/record/210026?ln=en&v=pdf (дата обращения: 10.11.2025).

[2] Ли Сынман (이승만, 1875—1965) — президент Временного правительства Республики Корея во время японской оккупации, первый президент Республики Корея с 1948 по 1960 гг.

[3] 14 июля 1950 года Ли Сынман передал контроль над южнокорейский армией военному командованию объединенных сил ООН, действующих на юге Корейского полуострова.

[4] В корейской историографии используется термин «휴전협정», что в переводе буквально означает «соглашение о прекращении огня», которое и было подписано 27 июля 1953 года. Перемирия между КНДР и Республикой Кореей нет.

[5] Memorandum of the Conversation, by the Assistant Secretary of State for Far Eastern Affairs (Robertson), April 24, 1953 // Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v15p1/pg_933 (дата обращения: 20.09.2025).

[6] В начале Корейской войны в результате стремительного продвижения американских войск, из которых, в основном, и состояли вооруженные силы ООН, к северу корейско-китайской границы, в войну вмешались китайские добровольцы. Еще в сентябре китайцы были готовы помочь КНДР с наступлением на юг, ровно так же, как и Советский Союз. В связи с этим СССР предоставил китайским войскам поддержку в виде собственной авиации и 25 октября 1950 года китайцы двинулись на юг Корейского полуострова, чтобы защитить свои границы от американского наступления.

[7] Таким, например, как будущее политическое устройство Корейского полуострова.

все иностранные войска покинут Корейский полуостров. Однако, Ли продолжил упорствовать и снова пригрозил американскому генералу выводом южнокорейской армии из-под командования ООН в случае продолжения переговорного процесса. При этом, очевидно стремясь снизить градус конфронтации, Ли все же уточнил, что не планирует приводить свои угрозы в действие немедленно, и пообещал, в случае изменения ситуации, согласовать свои действия с командованием ООН [김행복, 2003, 53]. Смягчение позиции южнокорейского президента во время встречи привело Кларка к выводу о том, что Ли блефует. Докладывая руководству о результатах консультаций с южнокорейским лидером, американский генерал заявил, что «президент Ли торгуется, чтобы получить от Америки договор о гарантиях безопасности и большую экономическую помощь, а также заставить корейский народ почувствовать, что он [президент Ли] оказывает влияние на переговоры о прекращении огня»[김행복, 2003, 53]. Несмотря на высказанное Кларком предположение о несостоятельности озвученных Ли Сынманом угроз, правительство США отнеслось к ним очень серьезно. Администрации в Вашингтоне пришлось скорректировать свой дипломатический курс на Корейском полуострове, балансируя между стремлением максимально быстро достичь на переговорах соглашения о прекращении огня и сдерживанием непредсказуемых действий южнокорейского президента, поскольку США не могли их контролировать, что грозило сорвать мирные переговоры [김행복, 2003, 54].

Ли же тем временем, вероятно почувствовав, что его давление на США оказалось успешным, 12 мая 1953 г. потребовал от администрации Эйзенхауэра заключить с Республикой Корея пакт о взаимной обороне[1]. Подписание такого соглашения до вступления в силу режима прекращения огня с Севером, по мнению Ли, обеспечило бы защиту южнокорейской государственности и стабильность её политических процессов. Он отмечал, что после вывода войск ООН с Корейского полуострова Республика Корея без военной поддержки со стороны США будет не в состоянии отразить возможную повторную атаку Севера, что повышает риски захвата Юга коммунистами [차상철, 2001, 125].

Соединенные Штаты отнеслись к требованию Ли скептически, поскольку без предварительного обсуждения такого договора с представителями КНДР его заключение могло саботировать установление режима прекращения огня на полуострове [이완범, 2007, 210]. Опасаясь появления аналогичных соглашений о взаимной обороне между КНДР, СССР и Китаем, которые непременно бы затруднили переговорный процесс, президент Эйзенхауэр отклонил требование Ли Сынмана. Однако в качестве альтернативы американский лидер предложил пролонгировать присутствие войск ООН в Корее [김행복, 2003, 55]. Восприняв предложение Эйзенхауэра как неприемлемую полумеру, Ли продолжил непреклонно настаивать на исполнении озвученных им требований, к которым добавилось и

[1] The Commander in Chief, United Nations Command (Clark) to the Joint Chiefs of Staff, May 12, 1953 // Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v15p1/d513 (дата обращения: 25.09.2025).

новое: теперь южнокорейский лидер требовал от США еще и помощи в войне до полной победы над КНДР [김행복, 2003, 54].

Упорное нежелание южнокорейского лидера идти на уступки, а также нарочитое стремление продолжать военное столкновение с Севером обострили его конфликт с американской администрацией и Сынманом. 30 мая 1953 г. представители Министерства обороны и Государственного департамента США обсудили в Белом доме возможность корректировки политического курса в отношении Республики Корея с учетом текущих реалий и возможных провокаций со стороны южнокорейского лидера [김보영, 2009, 189]. На этом совещании обсуждались три альтернативных варианта: приведение в действие плана Everready[1], вывод войск ООН с Корейского полуострова либо же заключение с Республикой Корея договора о взаимной обороне при условии, что администрация Ли Сынмана согласится подписать соглашение о прекращении огня с КНДР[김행복, 2003, 57]. Опасаясь продолжения конфликта и дальнейшей дестабилизации ситуации на Корейском полуострове, несмотря на своё изначальное несогласие, президент Эйзенхауэр утвердил план о заключении пакта о взаимной обороне [김행복, 2003, 57].

В тот же день американскому президенту было доставлено очередное письмо от Ли Сынмана. В нем южнокорейский лидер, вероятно не посвященный в обстоятельства консультаций в Белом доме, сообщил, что подписание Республикой Корея соглашения о прекращении огня приведёт к «подписанию смертного приговора» для всей корейской нации, поскольку китайские добровольцы не покинут пределы полуострова. Южнокорейский президент вновь потребовал от правительства США заключения пакта о взаимной обороне, настаивая, что только после вступления его в силу можно будет одновременно вывести коммунистические (китайские) силы и войска ООН с Корейского полуострова[2]. Безапелляционная риторика Ли, очевидно, заставила американского президента пересмотреть свою позицию по вопросу Республики Корея. В своем ответном письме Эйзенхауэр пояснил, что цели политики США на Корейском полуострове заключаются в достижении воссоединения Кореи не насильственными, а мирными способами. Американский президент добавил, что переговоры о заключении пакта о взаимной обороне между РК и США возможны только после подписания мирного договора между Югом и Севером [차상철, 2001, 134].

---

[1] Обеспокоенное тем, что Ли Сынман может подорвать переговоры о прекращении огня, американское правительство сформировало план Everready («Вечная готовность»), согласно которому действующая власть в Республике Корея в лице президента Ли Сынмана должна была быть сменена. Согласно этому плану, если правительство Республики Корея не согласится на прекращение огня с коммунистами, американские войска должны арестовать Ли Сынмана, захватить воинские части, подчинявшиеся президенту, конфисковать все оружие и припасы и при необходимости разбомбить южнокорейские склады с оружием. Также должен был быть найден подходящий, выгодный американцам кандидат на пост президента Республики Корея. В конечном итоге план так и не был реализован правительством США. Подробнее см.: [Садаков, 2018].

[2] Memorandum of the Conversation, by the Assistant Secretary of State for Far Eastern Affairs (Robertson), April 24, 1953 // Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v15p1/pg_933 (дата обращения: 20.09.2025).

Эскалация противоречий между американской и южнокорейской администрациями еще более затрудняла и без того сложный переговорный процесс с КНДР. Обсуждая обстоятельства введения режима прекращения огня, ООН, КНДР и её союзники обнаружили принципиальные разногласия в отношении репарации военнопленных: в то время как американское командование силами ООН в Корее считало, что потенциальные репатрианты, опасаясь преследований либо же не желая жить под контролем коммунистического режима, могли отказаться от возвращения на родину, северокорейские представители настаивали на возвращении всех военнопленных[1]. Хотя изначально предложенный генералом Кларком план немедленного освобождения военнопленных сразу после заключения соглашения о прекращении огня был одобрен американским правительством, настойчивые и ультимативные заявления Ли Сынмана, требовавшего гарантий для Республики Корея, включая право возобновления войны, существенно осложнили переговорный процесс. Под давлением требований южнокорейского президента, администрация Эйзенхауэра была вынуждена снова пересмотреть свою позицию и принять ключевые аргументы КНДР при составлении окончательного проекта соглашения, чтобы ускорить его подписание и наконец завершить затянувшуюся Корейскую войну [차상철, 2001, 135].

Таким образом, сложившаяся к июню 1953 г. в американо-южнокорейских отношениях ситуация обозначила критическую точку глубокого и многосоставного кризиса. По мере продвижения переговорного процесса между КНДР, КНР и ООН, Ли Сынман все больше опасался, что судьба Республики Корея будет решена без его участия. Это провоцировало его усиливать давление на администрацию Эйзенхауэра. 2 июня 1953 г. он вновь направил письмо американскому президенту, где прямо заявил, что не может гарантировать выполнения условий, изложенных в соглашении о прекращении огня, в случае если договор о взаимной обороне между США и Республикой Корея будет заключён после подписания этого соглашения [김보영, 2009, 189]. Упорство, с которым южнокорейский президент продолжал добиваться от США письменных гарантий военной поддержки, лишь усугубило его конфликт с американской администрацией.

В ответном письме от 6 июня Эйзенхауэр пообещал инициировать переговорный процесс о заключении договора о взаимной обороне между США и Республикой Корея сразу после подписания ею соглашения о прекращении огня с КНДР. Кроме того, стремясь смягчить непреклонную позицию своего южнокорейского визави, американский лидер также гарантировал ему поддержку в стремлении к объединению полуострова и пообещал экономическую помощь Республике Корея [김보영, 2009, 190]. Однако на Ли Сымана это впечатления не произвело. Более того, южнокорейский лидер пошел в своих угрозах еще дальше,

[1] Проблема северокорейских и китайских военнопленных на переговорах заключалась в принципиальном разногласии сторон. Американская сторона, опираясь на принципы Женевской конвенции 1949 г., настаивала на индивидуальном добровольном выборе пленных, а КНДР и Китай рассматривали полную репатриацию военнопленных как вопрос государственного суверенитета и идеологической легитимности. Эти разногласия затянули переговорный процесс и вызвали напряженность.

намекнув на возможность наступления на Север в одиночку, без помощи со стороны США или ООН. Он также заявил, что не позволит отдать на «перевоспитание коммунистическим агитаторам» северокорейских военнопленных, которые, несмотря на своё происхождение, добровольно отказались от репатриации, выразив категорическое неприятие коммунистического режима [김보영, 2009, 190].

Несмотря на очередной ультиматум южнокорейского президента, переговоры с объединёнными силами КНДР—КНР продолжились. 8 июня их участники достигли соглашения, предусматривающего взаимный обмен военнопленными и окончательное закрепление договоренностей о прекращении огня [Cumings, 2010, 48]. В тот же день члены Национального собрания Республики Корея опубликовали открытое послание к председателю Генеральной Ассамблеи ООН, президенту США и обеим палатам американского Конгресса, в котором осудили режим прекращения огня и потребовали немедленного освобождения военнопленных, отказавшихся от репатриации [차상철, 2001, 136]. Не дожидаясь реакции, переходя от слов к делу, в тот же день президент Республики Корея Ли Сынман передал управление военной полицией, охранявшей лагеря для военнопленных, в руки своего сторонника, генерала Вон Ёндока[1]. 18 июня по распоряжению Вона и без согласования с военным командованием ООН, примерно 25 тыс. китайских и северокорейских военнопленных были отпущены из южнокорейских лагерей, в том числе из крупнейших — Кочхан и Масан. Подавляющее большинство из них отказалось от репатриации в КНДР или КНР, заявив о своей антикоммунистической позиции и желании остаться на Юге или эмигрировать в третьи страны [김보영, 2009, 191].

В Вашингтоне действия Ли Сынмана были расценены как попытка саботировать переговорный процесс о заключении соглашения о прекращении огня. Это привело американских чиновников в ярость. Администрация Эйзенхауэра стремилась к скорейшему завершению конфликта на Корейском полуострове, однако поиск и повторный арест беглых коммунистов затягивали этот процесс. Американские военные предприняли попытку отыскать и задержать беглых военнопленных, однако, на фоне отказа южнокорейской военной полиции сотрудничать, ожидаемого результата это не принесло [김행복, 2003, 59]. Подписание соглашения о прекращении огня было под угрозой срыва.

19 июня генерал Кларк заявил, о том, что «Ли Сынман прилагает последние усилия для срыва переговоров о прекращении огня»[2]. Исчерпав все возможности договориться с южнокорейским лидером, он, очевидно намекая на реализацию плана Everready, призвал правительство США «принять самые жёсткие меры» для стабилизации ситуации на Корейском полуострове[3].

---

[1] Вон Ёндок (원용덕, 1908—1968) — глава Главного управления южнокорейской военной полиции.

[2] The President of the Republic of Korea (Rhee) to the Commander in Chief, United Nations Command (Clark), June 18, 1953 // Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v15p2/d607 (дата обращения: 21.09.2025).

[3] The President of the Republic of Korea (Rhee) to the Commander in Chief, United Nations Command (Clark), June 18, 1953 // Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v15p2/d607 (дата обращения: 21.09.2025).

Однако, несмотря на жёсткую риторику, Эйзенхауэр не был готов к радикальным действиям. Поэтому, в попытке все же достичь компромисса с южнокорейским лидером, в Республику Корея был направлен личный эмиссар американского президента — Уолтер Робертсон[1]. Он прибыл в Сеул 22 июня [차상철, 2001, 138]. По иронии в этот же день Ли Сынман снова встретился с генералом Кларком. В беседе южнокорейский лидер снова отметил, что готов продолжать сотрудничать с администрацией Эйзенхауэра [김행복, 2003, 60]. Очередное смягчение риторики Ли позволило военному командованию ООН возобновить переговорный процесс, приостановленный из-за своевольных действий южнокорейского президента.

29 июня 1953 г. генерал Кларк вновь предложил КНДР продолжить переговоры об установлении режима прекращения огня. Однако северокорейская сторона потребовала гарантий полного контроля США над действиями южнокорейского правительства и армии [Stueck, 1995, 339]. Требование об изоляции Ли Сынмана и установления контроля над его гражданскими и политическими инициативами являлось прямой реакцией на события 18 июня и манифестировало стремление КНДР контактировать исключительно с ООН[김보영, 2009, 195—196].

В ответ Ли Сынман, выдвинув новое условие, потребовал от союзников гарантировать право Республике Корея возобновить войну, если послевоенные переговоры[2] окажутся безрезультатными [김보영, 2009, 198]. Безусловно, американское правительство не могло на такое пойти. В ответном письме от 3 июля президент Эйзенхауэр отклонил очередной ультиматум южнокорейского лидера, тем не менее отметив, что, в случае чрезвычайной ситуации, он готов приостановить переговоры для консультации с южнокорейским правительством. Загнанный в тупик и лишенный возможности прямого влияния на переговорный процесс, Ли Сынман вновь попытался вынудить США заключить пакт о совместной обороне с Республикой Корея до подписания соглашения о прекращении огня с КНДР, намекая на возможное саботирование его положений. Однако, исчерпав терпение в отношении действий южнокорейского лидера, американское правительство решительно отвергло эту инициативу Ли [김보영, 2009, 198].

В конце концов, осознав риски утраты поддержки со стороны США и провал стратегии давления на Вашингтон, а также невозможность добиться гарантий возобновления боевых действий или предварительного заключения договора о взаимной обороне, 9 июля в беседе с Робертсоном Ли Сынман заявил, что не будет возражать против подписания соглашения о прекращении огня. Он также пояснил, что хотя не сможет подписать соответствующее соглашение сам, поскольку оно институализирует фактическое разделение Корейского полуострова, однако не будет препятствовать ему. Ли также согласился с тем, что корейская армия останется под командованием ООН согласно достигнутым договоренностям.

[1] Уолтер Робертсон (1888—1954) — специальный представитель госсекретаря Даллеса в Корее и помощник госсекретаря США по Дальнему Востоку.

[2] Это переговоры после прекращения боевых действий, направленные на решение политических вопросов, таких как политическое управление Кореей и судьба военнопленных. Они нужны, чтобы установить прочный мир и решить, как будет устроена страна после подписания соглашения о прекращении огня.

Единственным условием, выдвинутым южнокорейским президентом в ответ, стала просьба о предоставлении Республике Корея более выгодных условий[1] в рамках двустороннего соглашения РК—США[2].

Переговоры с КНДР и Китаем в Пханмунджоме продолжились 10 июля [Stueck, 1995, 340]. 27 июля 1953 г. командующий войсками ООН Марк Кларк, верховный командующий Корейской народной армией Ким Ир Сен и командующий Китайской народной добровольческой армией Пэн Дэхуай подписали Соглашение о прекращении огня. Подпись южнокорейского президента на этом документе отсутствовала [김보영, 2011, 355—356].

Вместо этого в тот же день Ли Сынман опубликовал заявление. В нем южнокорейский президент пообещал, что в случае, если вывод китайских войск с территории Корейского полуострова не будет реализован, ООН поможет корейскому народу в деле объединения страны [김보영, 2009, 200—201].

На следующий день президент США Эйзенхауэр и госсекретарь Джон Фостер Даллес обратились с речью, где сообщили, что им удалось успешно пресечь агрессию и отстоять принцип добровольной репатриации военнопленных, которого они придерживались на протяжении переговоров. США оценили это как общую победу всего антикоммунистического мира [김보영, 2009, 200—201]. Показательно, что высшие чины американской администрации не вступили в публичный диалог с южнокорейским лидером, оставив заявление Ли Сынмана от 27 июля без комментариев.

Итак, Корейская война завершилась соглашением о прекращении огня, подписанным 27 июля 1953 г. в Пханмунджоме представителями ООН, КНДР и Китая, без участия президента Ли Сынмана. Ключевыми факторами затяжного урегулирования конфликта на полуострове стали не только непримиримые позиции Севера и Юга и геополитические интересы сторонних держав, но и протесты Ли Сынмана против переговоров, неоднократно ставивших процесс на грань срыва.

Угрозы президента Ли Сынмана были неоднородны: обещание наступать на Север в одиночку при отсутствии ресурсов действительно выглядело блефом, тогда как освобождение военнопленных спустя месяц стало актом практического саботажа, едва не сорвавшим переговоры. В итоге давление президента Ли оказалось успешным и вынудило США пойти на значительные уступки в контексте требований южнокорейского лидера: обещание немедленных переговоров о пак-

[1] Ли Сынман выдвинул следующие требования:

– правительства обеих стран признают, что законная юрисдикция Республики Корея распространяется на районы к югу от рек Туманган и Ялуцзян;

– для достижения целей данного договора продолжить взаимную помощь и, если необходимо, установить военно-морские и военно-воздушные базы США на Корейском полуострове и в прибрежных водах;

– в случае вооруженного вторжения на одну из сторон, другая сторона немедленно вмешивается, причем это касается не только территории одной из сторон, но также островов, войск, кораблей и самолетов.

[2] The Assistant Secretary of State for Far Eastern Affairs (Robertson) to the Department of State, July 10, 1953 // Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v15p2/d683 (дата обращения: 23.09.2025).

те взаимной обороны[1], экономическая помощь и гарантии поддержки в случае новой агрессии. В ответ Ли Сынман дал согласие не мешать прекращению огня, однако само соглашение подписывать не стал. Его принципиальная позиция хотя и не саботировала подписание соглашения, тем не менее ярко продемонстрировала глубину раскола между РК и США, а также стала предвестником длительного тлеющего конфликта между двумя Кореями.

Библиографический список

Садаков Д.А. «На крайний случай»: США, Ли Сынман и операция “Everready” в годы Корейской войны (1952—1953 гг.) // Вестник Пермского университета. 2018. № 4 (43). С.40—49.

Приняты на 187-м пленарном заседании 12 декабря 1948 г. // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на 3-й сессии, 21 сентября — 12 декабря 1948 г. 1948 г. Т. I. С. 25—27. (GAOR, 3-я сессия). URL: https://digitallibrary.un.org/record/210026?ln=en&v=pdf (дата обращения: 10.11.2025).

Cumings, B. The Korean War: A History. New York: Modern Library, 2010.

The Korean War and the American Red Cross // American Red Cross. URL: https://www.redcross.org/content/dam/redcross/National/history-korean-war.pdf (дата обращения: 22.04.2025).

Office of the Historian. Foreign Relations of the United States, 1952—1954, Korea, Volume XV. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v15p1 (даты обращения: 29.03.2025—24.09.2025).

Stueck, W. The Korean War: An International History. Princeton: Princeton University Press, 1995.

김보영. 한국전쟁 시기 이승만의 반공포로석방과 한미교섭 [Ким Боён. Освобождение коммунистических военнопленных Ли Сынманом и американо-южнокорейские переговоры во время Корейской войны] // 이화사학연구. 2009. Т. 38. С. 183—206. (На кор.)

김보영. 한국전쟁 휴전협정과 전쟁의 유산 [Ким Боён. Освобождение коммунистических военнопленных Ли Сынманом и американо-южнокорейские переговоры во время Корейской войны] // 연구동향. 2011. С. 345—359. (На кор.)

김행복. 이승만 대통령의 전쟁지도 [Ким Хэнбок. Ведение войны президента Ли Сынмана] // 안보군사학연구. 2003. № 1. С. 35—70. (На кор.)

이완범. 1950년대 이승만 대통령과 미국의 관계에 관한 연구 [Ли Ванбом. Исследование отношений между президентом Ли Сынманом и Соединенными Штатами в 1950-е годы] // 정신문화연구. 2007. Т. 30. № 2 (107). С. 199—229. (На кор.)

차상철. 아이젠하워, 이승만, 그리고 1950년대의 한미관계 [Чха Санчхоль. Эйзенхауэр, Ли Сынман и корейско-американские отношения в 1950-е годы] // 미국사연구. 2001. № 13. С. 121—167. (На кор.)

References

Adopted at the 187th plenary meeting, 12 Dec. 1948. *Resolutions adopted by the General Assembly during its 3rd session, 21 September-12 December 1948.* 1948. Vol. I. P. 25—27 (GAOR, 3rd sess.). URL: https://digitallibrary.un.org/record/210026?ln=en&v=pdf (accessed: 10.11.2025).

Cumings, B. The Korean War: A History. New York: Modern Library, 2010.

[1] В конечном итоге пакт о взаимной обороне между Республикой Корея и США был подписан 1 октября 1953 г., через два месяца после подписания соглашения о прекращении огня. Пакт обязывает две страны оказывать взаимную помощь в случае внешнего нападения и позволяет США размещать вооруженные силы в Республике Корея.

The Korean War and the American Red Cross. *American Red Cross*. URL: https://www.redcross.org/content/dam/redcross/National/history-korean-war.pdf (accessed: 22.04.2025).

Office of the Historian. Foreign Relations of the United States, 1952—1954, Korea, Volume XV. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v15p1 (accessed: 29.03.2025—24.10.2025).

Sadakov, D. A. (2018). For the Extreme Case: USA, Syngman Rhee and the Everready Operation in The Korean War (1952—1953). *Vestnik Permskogo Universiteta*. Vol. 43. No. 4: 40—49. (In Russian)

Stueck, W. The Korean War: An International History. Princeton: Princeton University Press, 1995.

김보영. 한국전쟁 시기 이승만의 반공포로석방과 한미교섭 (*Kim Boyeong*. Hangukjeonjaeng sigi iseungmanui bangongporoseokbanggwa hanmigyoseop). [*Kim Boyeong*. Syngman Rhee's release of anti-communist prisoners of war and ROK-US negotiations during the Korean War]. Ewha History Research. 2009. Vol. 38: P. 183—206. (In Korean)

김보영. 한국전쟁 휴전협정과 전쟁의 유산 (*Kim Boyeong*. Hangukjeonjaeng hyujeonhyeopjeonggwa jeonjaenguiyYusan). [*Kim Boyeong*. The Korean War rmistice Agreement and the Legacy of War]. Research trends. 2011: P. 345—359. (In Korean)

김행복. 이승만 대통령의 전쟁지도 (*Kim Haengbok*. Iseungman daetongnyeongui jeonjaengjido). [*Kim Haengbok*. President Syngman Rhee's war leadership]. Security and Military Studies. 2003. No. 1: P. 35—70. (In Korean)

이완범. 1950년대 이승만 대통령과 미국의 관계에 관한 연구 (*Lee Wanbom*. 1950nyeondae iseungman daetongnyeonggwa migugui gwangyee gwanhan yeongu). [*Lee Wanbom*. A Study on the Relations between President Syngman Rhee and the United States in the 1950s]. Mental and Cultural Studies. 2007. Vol. 30. No.2 (107): P. 199—229. (In Korean)

차상철. 아이젠하워, 이승만, 그리고 1950년대의 한미관계 (*Cha Sangcheol*. Aijenhawo, iseungman, geurigo 1950nyeondaeui hanmigwangye). [*Cha Sangcheol*. Eisenhower, Syngman Rhee, and US-ROK Relations in the 1950s]. American History Studies. 2001. No.13: P. 121—167. (In Korean)

Поступила в редакцию: 25.04.2026 Принята к публикации: 13.05.2026
Received: 25.04.2026 Accepted: 13.05.2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.63.54.004

К.В. Асмолов, А.А. Мостов, А.М. Зорич

Современная военная пропаганда КНДР

Аннотация. В массовом сознании северокорейская военная пропаганда нередко рассматривается как пережиток эпохи холодной войны, сохраняющий неизменными как свои идеологические установки, так и методы воздействия на аудиторию. Однако анализ современных северокорейских материалов показывает, что подобное представление является существенным упрощением и не отражает реальной динамики развития пропагандистской системы страны.

Целью исследования является выявление основных трансформационных процессов, происходящих в военной пропаганде КНДР в XXI в.

Источниковую базу исследования составляют видеозаписи северокорейских военных парадов, документальный фильм «Курская освободительная операция», материалы выставки «Плечом к плечу» в Музее Победы в Москве, а также нормативно-правовые документы КНДР. Основным методом исследования выступает контент-анализ визуальных, аудиовизуальных и текстовых источников.

В ходе исследования установлено, что современная северокорейская военная пропаганда сохраняет идеологическую преемственность, однако одновременно демонстрирует существенную адаптацию к новым политическим и технологическим условиям. Выявлены изменения в символическом представлении вооруженных сил, формах визуальной коммуникации и мемориальной политики. Особое внимание уделяется освещению участия Корейской народной армии в освобождении Курской области, которое стало основой для формирования нового пласта внутренней военной пропаганды, ориентированного на осмысление реального боевого опыта и увековечивание памяти погибших военнослужащих.

Также важной деталью является изменение официального образа Ким Чен Ына, который в современных пропагандистских материалах все чаще предстает не только как высший руководитель государства и армии, но и как человек, демонстрирующий личную ответственность, эмоциональную вовлеченность и готовность к публичной саморефлексии.

Современная военная пропаганда КНДР представляет собой развивающуюся систему политической коммуникации, сочетающую идеологическую преемственность с адаптацией к изменяющимся внутренним и внешнеполитическим условиям.

Ключевые слова: КНДР, военная пропаганда, сонгун, Ким Чен Ын, военные парады, Курская освободительная операция, документальный фильм.

Авторы: Асмолов Константин Валерианович. Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0000-0003-1584-2748. E-mail: asmolov@iccaras.ru
Мостов Александр Андреевич. Директор Департамента Азии Международной ассоциации фондов мира, директор 4-го административного департамента Международной группы солидарности с КНДР (адрес: 119034, Москва, ул. Пречистенка, 10, с2). ORCID: E-mail: redstartv.kp@yandex.ru
Зорич Анна Мохаммадовна, студентка 3-го курса факультета международных отношений и геополитики, Университет мировых цивилизаций (адрес: 119049, Москва, Ленинский пр-т, 1/2, к.1). ORCID: 0009-0004-5932-7486.
E-mail: gusomilk@mail.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Асмолов К.В., Мостов А.А., Зорич А.М. Об ошибочности трактовки личности Ким Ир Сена как марионетки СССР в свете критического анализа источников // Корееведение. 2026. № 2 (15). С. 22—38.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.63.54.004.

K.V. Asmolov, A.A. Mostov, A.M. Zorich

Contemporary Military Propaganda of the DPRK

Abstract. In the public consciousness, North Korean military propaganda is often viewed as a relic of the Cold War era, preserving unchanged both its ideological tenets and its methods of influencing audiences. However, an analysis of contemporary North Korean materials shows that such a view is a significant oversimplification and does not reflect the actual dynamics of the country's propaganda system.
The aim of this study is to identify the main transformational processes taking place in North Korea's military propaganda in the 21st century.
The source base of the research includes video recordings of North Korean military parades, the documentary film «Kursk Liberation Operation», materials from the «Shoulder to Shoulder» exhibition at the Victory Museum in Moscow, as well as North Korean legal and regulatory documents. The primary research method is content analysis of visual, audiovisual, and textual sources.
The study finds that contemporary North Korean military propaganda maintains ideological continuity, yet simultaneously demonstrates significant adaptation to new political and technological conditions. Changes have been identified in the symbolic representation of the armed forces, forms of visual communication, and memorial policies. Particular attention is paid to the coverage of the Korean People's Army's participation in the liberation of the Kursk region, which has become the foundation for forming a new layer of domestic military propaganda focused on understanding of actual combat experience and commemorating fallen soldiers.
Another important detail is the change in the official image of Kim Jong Un, who in modern propaganda materials increasingly appears not only as the supreme leader of the state and army, but also as a person demonstrating personal responsibility, emotional involvement, and a readiness for public self-reflection.
Contemporary North Korean military propaganda represents an evolving system of political communication that combines ideological continuity with adaptation to changing domestic and foreign policy conditions.

Keywords: DPRK, military propaganda, Songun, Kim Jong Un, military parades, Kursk liberation operation, documentary.

Authors: Konstantin V. Asmolov. Ph.D (history), Leading Researcher Fellow of the Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia, RAS. (Address: 117997, Moscow, Nakhimovskii pr., 32). ORCID: 0000-0003-1584-2748.
E-mail: asmolov@iccaras.ru
Alexander A. Mostov, Director of the Asia Department of the International Association of Peace Foundations, Director of the 4th Administrative Department of the DPRK International Solidarity Group (Address: 119034, Moscow, Prechistenka St., 10, Building 2). ORCID: E-mail: redstartv.kp@yandex.ru
Anna M. Zorich Third-year student, Faculty of International Relations and Geopolitics, University of World Civilizations (Address: 119049, Moscow, Leninsky Prospekt, 1/2, Building 1). ORCID: 0009-0004-5932-7486. E-mail: gusomilk@mail.ru

Conflict of Interests. The authors declare no conflict of interest.

For citations: Asmolov K.V., Mostov A.A., Zorich A.M. Sovremennaya voennaya propaganda KNDR [Contemporary Military Propaganda of the DPRK] // Koreevedenie [Koreanology], 2026, 2 (15): 22—38. DOI: 10.48647/ICCA.2026.63.54.004.

В массовом сознании современная пропаганда КНДР нередко рассматривается как пережиток эпохи холодной войны, сохраняющий неизменными как свои идеологические установки, так и методы воздействия на аудиторию. Подобное представление во многом обусловлено ограниченной доступностью северокорейских материалов и тем обстоятельством, что за пределами страны наибольшее внимание обычно привлекают самые необычные и экзотические элементы официального дискурса. В результате современные процессы трансформации северокорейской пропаганды зачастую остаются вне поля зрения исследователей и широкой аудитории.

Особенно заметны подобные изменения в сфере военной пропаганды. За последние десятилетия КНДР пережила существенные политические и социально-экономические преобразования, связанные как с завершением эпохи политики *сонгун*, так и с изменением роли вооруженных сил в системе государственного управления. Эти процессы нашли отражение не только в официальной идеологии, но и в способах репрезентации армии, военнослужащих и военной службы в пропагандистских материалах.

Особый интерес представляет внутренняя военная пропаганда КНДР, ориентированная прежде всего на собственное население. В отличие от материалов, предназначенных для зарубежной аудитории, она позволяет проследить, каким образом государство стремится формировать представления собственных граждан об армии, воинском долге, героизме, памяти о погибших и месте вооруженных сил в общественной жизни.

Дополнительную актуальность данному вопросу придало участие Корейской народной армии в освобождении Курской области. Впервые за многие десятилетия КНДР получила возможность открыто формировать пропагандистский нарратив вокруг реального боевого опыта своих военнослужащих, что привело к появлению документальных материалов и других способов публичного освещения военной службы.

Российская аудитория получила возможность предметно ознакомиться с современными образцами северокорейской военной пропаганды по двум основ-

ным каналам. *Во-первых*, через выставку «Плечом к плечу» в Музее Победы. *Во-вторых*, через северокорейский документальный фильм «Курская освободительная операция», переведённый на русский язык усилиями Международной группы солидарности с КНДР.

Указанные материалы позволяют сформировать представление о современном состоянии северокорейской военной пропаганды и проследить основные направления ее трансформации в XXI в.

Предыстория

Для понимания современных тенденций необходимо кратко охарактеризовать место армии в политической системе КНДР конца XX — начала XXI в.

После распада социалистического блока и начала экономического кризиса 1990-х годов северокорейское руководство оказалось вынуждено искать новые механизмы поддержания устойчивости государства. В этих условиях была сформулирована политика сонгун («армия прежде всего»), предполагавшая приоритетное положение вооруженных сил в политической, экономической и идеологической жизни страны.

Армия рассматривалась не только как инструмент обороны, но и как важнейший государственный институт, обеспечивающий функционирование экономики, инфраструктуры и системы управления в условиях международной изоляции и дефицита ресурсов. Военнослужащие активно привлекались к строительству объектов, сельскохозяйственным работам и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Однако к середине 2010-х годов ситуация постепенно изменилась. По мере стабилизации внутреннего положения и развития ядерного потенциала необходимость в чрезвычайной модели управления стала снижаться. Это привело к постепенному отходу от сонгунской риторики и поиску новых форм взаимодействия государства, армии и общества.

Об определенных трендах пропаганды и об изменении некоторого отношения к военному блоку

Эпоха чрезвычайных мер завершилась — вместе с ней исчерпала себя и обслуживавшая ее идеологическая рамка.

Показательным примером здесь служит отказ от политики сонгун, которая в свое время играла важную роль, но в определенный момент утратила актуальность и в конечном итоге была отменена.

29 июня 2016 г. на 4-й сессии 13-го Верховного народного собрания был упразднен Государственный комитет обороны (국방위원회) и создан заменивший его Государственный совет (국무위원회). Разница — в одном иероглифе [Асмолов, Захарова, 2022, с. 54].

Конституционная реформа 2019 г. закрепила статус председателя Госсовета как верховного руководителя партии, государства и вооруженных сил, одновре-

менно исключив из Конституции КНДР идеологемы эпохи Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, в том числе сам термин «сонгун» (он остался в Конституции лишь в историческом разделе — просто как упоминание, но к 2026 г. был полностью убран даже из преамбулы). Еще в 2016 г. Ким Чен Ын был избран председателем Госсовета, который объединил функции прежнего Комитета обороны и получил расширенные полномочия в сферах экономики и внешней политики.

Параллельно происходило последовательное изъятие хозяйственных элементов, унаследованных от сонгунского периода. В эпоху Трудного похода классическая смычка — подсобные хозяйства при дивизиях, или подконтрольные министерствам коммерческие структуры — была рабочим механизмом выживания на местах. Сегодня, в принципиально иных условиях, Ким Чен Ын неуклонно проводит линию на централизацию экономики, стремясь усилить её контроль со стороны кабинета министров.

Статья 31 Конституции КНДР гласит: «Государство на основе коллективного разума и усилий масс производителей научно, рационально управляет и руководит экономикой, решительно повышает роль кабинета министров. В управлении экономикой государство внедряет систему социалистической ответственности предприятий за руководство и правильно использует такие экономические рычаги, как себестоимость, цена, рентабельность» [Тхонъильбу, пукхан кэджон хонбоп чонмун конгэхэ].

Таким образом, именно кабмин всё чаще выступает в роли ключевого звена экономической политики, замыкая на себе ресурсные потоки, ранее распыленные по силовым ведомствам.

Все это не означает изменение роли армии в худшую сторону. Военные продолжают работать на стройках и в сельском хозяйстве, отношение к армии в речах Ким Чен Ына по-прежнему лишено какой-либо критики, поэтому нельзя сказать, что достижения армии освещаются меньше и хуже. Кроме того, в 2025 г. стало известно, что КНА получила боевой опыт при освобождении Курской области, и это тоже было отражено в пропагандистской политике. Фильм «Курская освободительная операция» изначально ориентирован именно на внутреннюю аудиторию и попал во внешнюю во многом стараниями Международной группы солидарности с КНДР. И те элементы пропаганды, которые были продемонстрированы на выставке в музее Победы в Москве, также ориентированы на внутреннюю аудиторию. Таким образом, важность роли армии все еще является в Северной Корее широко освещаемой темой.

Парады

Довольно четко изменения в военной пропаганде можно проследить, обратив внимание на процедуру военных парадов КНДР.

В 2020 г., после долгого перерыва, Северная Корея провела первый ночной парад — в честь 75-летия Трудовой партии Кореи[1].

[1] North Korea Military Parade October 10th, 2020 (KCTV) // YouTube. 11.10.2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=KGAxhnGntgU (дата обращения: 16.05.2026).

Выбор ночного формата преследовал сразу несколько целей:

Во-первых, он стал зримой демонстрацией того, что в стране достаточно электроэнергии, чтобы в ночные часы парадная площадь выглядела так же ярко, как и днем.

Во-вторых, ночной парад позволил сократить число участников массовки: благодаря продуманному освещению люди стоят на большем расстоянии друг от друга, но визуальная плотность сохраняется. Это органично вписывается в курс на повышение качества жизни народа — в том числе через уменьшение его мобилизационной нагрузки при сохранении церемониального ритуала.

Также заметно планомерное избавление от эстетических элементов, некогда эффективных, но сегодня изживших себя. Самый яркий пример — изменение шага солдат. В 1997 г., в разгар Трудного похода, сформировался «подпрыгивающий» парадный шаг[1]; с возвращением ночных парадов от этой практики отказались, вернувшись к советской гусиной походке. Это также может быть связано с увеличением нагрузки на солдат: если народноармеец 1990-х или 2000-х годов в легкой экипировке без бронежилета с автоматом Калашникова физически мог спокойно пройти по парадной площади таким шагом, то в 2018 г., когда солдат подпрыгивал в полной экипировке, с противотанковой ракетницей и в очках ночного видения, он мог травмировать свои суставы.

В 2022 г. полностью завершился процесс отмены использования флага и символики Верховного главнокомандующего, начавшийся в 2020 г. Тогда флаг, плотно ассоциирующийся у населения с политикой сонгун, впервые не был поднят на военном параде и после этого постепенно перестал использоваться как на военных объектах, так и в оформлении городов. Более того, на Корейском центральном телевидении имелись случаи радикального цензурирования флага: кадры с ним часто вырезались из музыкальных клипов, а в новостях его старались забрюлить[2]. Аналогичные меры КНДР применила и к символике «единой Кореи» после отмены политики объединения по итогам декабрьского пленума ЦК ТПК 2023 г.[3]

Одновременно меняется и композиция парадных расчетов: на военном параде в честь 80-летия Трудовой партии Кореи впервые появились смешанные колонны трех родов войск, включая кибервойска и спецназ, что отражает переход к более технологичному и профессиональному облику вооруженных сил[4].

Существенные изменения произошли и в визуальном оформлении парадов. Если в предыдущие десятилетия основой трансляции являлись преимуществен-

[1] North Korea Military Parade April 25th, 1997 (Full HD 60fps) // YouTube. 17.06.2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=dfWXdeEVaXw (дата обращения: 16.05.2026).

[2] North Korea completes erasure of Kim Jong Un's 'supreme commander' symbol // NK News. 17.02.2022. URL: https://www.nknews.org/2022/02/north-korea-completes-erasure-of-kim-jong-uns-supreme-commander-symbol/ (дата обращения: 16.05.2026).

[3] Сообщение о расширенном заседании 9-го пленума ЦК ТПК 8-го созыва // ЦТАК. 31.12.2023. URL: https://web.archive.org/web/20231231090439/http://kcna.kp/ru/article/q/5a9ffe6e4d6704ac1838b14785365295.kcmsf (дата обращения: 16.05.2026).

[4] [Full Ver.] North Korea unveils Hwasong-20 ICBM at largest-ever military parade // YouTube. 11.10.2025. URL: https://www.youtube.com/watch?v=I3QxWCyjG34 (дата обращения: 20.05.2026).

но статичные телевизионные планы, то современные северокорейские парады демонстрируют активное использование технологий, характерных для мировой индустрии массовых мероприятий.

В последние годы значительно возросло количество аэросъемки с использованием беспилотных летательных аппаратов. Камеры регулярно показывают парадные расчеты сверху, позволяя зрителю оценить масштаб используются низкие ракурсы, подчеркивающие размеры военной техники и создающие эффект монументальности.

Изменилась и структура монтажа. Вместо длительных статичных кадров все чаще применяются динамичные последовательности съемки, сочетающие общие планы площади, крупные планы колонн военнослужащих и панорамные пролеты над ними. Тем самым северокорейская военная пропаганда постепенно осваивает современные визуальные стандарты, характерные для крупных международных медиапроектов.

Выставка «Плечом к плечу» в Музее Победы в Москве

Среди материалов выставки наибольший интерес представляют материалы, посвященные участию северокорейских военных в освобождении Курской области.

Слухи о пребывании на Курщине корейских военных стали появляться еще в конце 2024 г.: циркулировали видео, на которых предположительно были изображены корейские солдаты; распространялась информация о «тысячах корейцев», проходящих подготовку на Дальнем Востоке России.

Официально же факт участия военнослужащих КНДР в боевых действиях в Курской области был признан 26 апреля 2025 г. В ходе доклада Верховному главнокомандующему РФ Владимиру Путину начальник Генерального штаба ВС РФ Валерий Герасимов заявил, что корейские военнослужащие, «действуя плечом к плечу с российскими бойцами, проявили стойкость и героизм» в рамках освобождения региона. Двумя днями позже, 28 апреля, последовало официальное заявление со стороны Пхеньяна. ЦТАК впервые подтвердило отправку своих войск для участия в операции по освобождению Курской области.

Примечательно, что в северокорейских официальных документах действия военных КНДР на нашей территории стали обозначаться как «зарубежная военная операция» (ЗВО). Само использование данного термина заслуживает внимания, поскольку ранее КНДР крайне редко публично акцентировала участие своих вооруженных сил в боевых действиях за пределами страны. Это не первое зарубежное участие КНА в вооруженных конфликтах — достаточно вспомнить Вьетнам и арабо-израильскую войну, — но это первое открыто признанное. До этого были ограниченные контингенты летчиков и т. д., здесь же, по южнокорейским данным, было задействовано около 11 тыс. человек[1]. Для страны с населением примерно 25 млн человек это означает, что, условно говоря, в дельта-ок-

[1] N. Korean troops absent from combat in Kursk since mid-Jan.: spy agency // Yonhap. 04.02.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20250204006600315 (дата обращения: 20.05.2026).

рестности каждого будет знакомый или член семьи, участвовавший в освобождении Курской области. То есть военная операция и события, происходившие на войне, — явно распространенная в обществе тема. И отчасти понятно, что власти с этой темой работают, ибо они очень внимательно стали смотреть на опыт массовых движений и пресекать на корню те тренды, которые могут привести к умалению лояльности. Социальная поддержка участников ЗВО и семей погибших носит подчеркнуто щедрый характер: в Пхеньяне существует очень благоустроенный микрорайон, заселенный в основном семьями военнослужащих, принявших участие в ЗВО. Соответственно, благодаря усилиям власти у северокорейцев нет такого отношения к своим военным, какое, допустим, было к участникам Афганской войны у граждан СССР ближе к его распаду.

В экспозиционном материале выставки «Плечом к плечу» можно заметить боевые листки, поминальные вещи, показывающие определенную связь с традицией и в принципе иное отношение к смерти.

Особый интерес вызывают представленные на выставке боевые листки. Они явно пишутся прямо на месте, как это было во время Великой Отечественной войны, при этом их бланки, вероятно, централизованно печатаются заранее. Остается не до конца ясным организационный механизм их создания: готовятся ли они специально назначенными людьми или являются результатом инициативы масс.

Показательно также представление среди экспонатов выставки как писем военнослужащим, так и писем самих военнослужащих со следами боевых повреждений и крови. В российской практике подобные предметы обычно не демонстрируются или их показ ограничен, тогда как в северокорейском контексте они используются значительно чаще. Это отражает иное культурное восприятие смерти и памяти о павших, характерное не только для северокорейской военной среды, но и для корейского общества в целом (рис. 1).

Под этим углом зрения мы видим, как выглядит пропаганда, направленная именно на внутреннюю аудиторию.

Возникает закономерный вопрос о причинах высокой устойчивости северокорейских военнослужащих и практически полном отсутствии добровольной сдачи в плен. Вероятно, данное явление обусловлено сочетанием нескольких факторов.

Во-первых, действительно наблюдается серьезная работа по мониторингу и поддержанию правильного политико-морального состояния. Это касается не только военнослужащих, но и членов их семей. Согласно Конституции КНДР от 2026 г., семьи погибших на ЗВО внесены в список особо защищаемых лиц, получающих государственную поддержку:

«Статья 75. Герои, ветераны войны, лица, имеющие военные заслуги, почетные военнослужащие, семьи павших героев революции, семьи павших патриотов, семьи павших воинов — участников зарубежной военной операции, заслуженные социалистические патриоты, уволенные в запас генералы и старшие офицеры, семьи военнослужащих Народной армии пользуются особой защитой государства и общества» [Тхонъильбу, пукхан кэджон хонбоп чонмун конгэхэ].

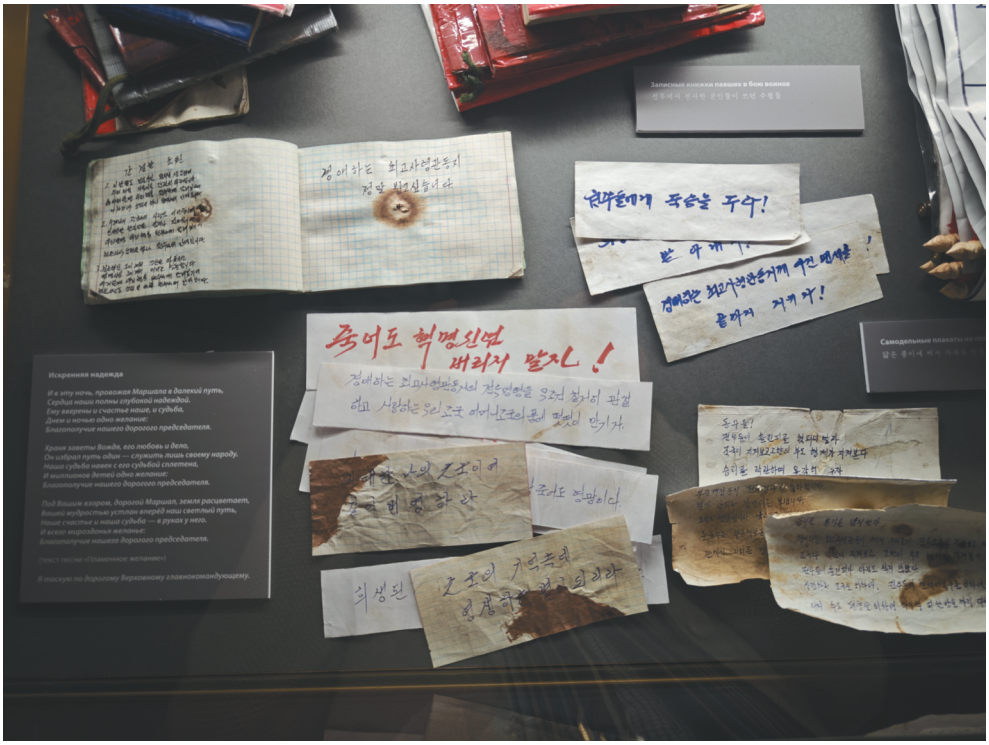

Рис. 1. Экземпляры вещей павших солдат с выставки «Плечом к плечу»

26 апреля 2026 г. в КНДР состоялась церемония открытия Музея подвигов героев военной операции за рубежом, посвященного именно курским событиям. На большой стене из черного мрамора выгравированы имена 1144 погибших — 143 строки по восемь имен и фамилий в каждой[1].

Во-вторых, в северокорейской военно-политической культуре плен традиционно рассматривается как крайне нежелательный исход. Историческая память о военных конфликтах XX в. формирует представление о пленении не как о способе сохранения жизни, а как о ситуации, сопряженной с унижением, принуждением к сотрудничеству с противником и использованием военнослужащего в информационно-пропагандистских целях.

Известно, что те два северокорейца, которые попали в украинский плен, просто были настолько тяжело ранены, что не смогли физически подорваться. Варианта осознанного перехода в плен на сторону противника по идейным соображениям или из-за нежелания умирать мы не видим. Более того, стоит отметить, что желание этих пленных перейти на Юг существует только в заявлениях южнокорейских депутатов-правозащитников, которые якобы с ними разговари-

[1] Состоялась торжественная церемония завершения строительства Мемориального музея боевых подвигов в зарубежной военной операции // ЦТАК. 27.04.2026. URL: http://www.kcna.kp/en/article/q/7e23e2f3ac145e4d707cc3c99758a277.kcmsf (дата обращения: 17.05.2026).

вали. Дополнительно можно отметить, что северокорейская армия воюет не в гуманистической парадигме, где на первом месте — сбережение жизни солдат. Такая парадигма часто бывает обусловлена двумя вещами: демографической ситуацией, при которой любые человеческие потери очень чувствительны, и уровнем прозрачности общества, когда информация о гибели военнослужащих быстро распространяется и наносит власти репутационный урон. В КНДР демографическая ситуация не так плоха, а государство довольно хорошо контролирует слухи и не только.

Документальный фильм «Курская освободительная операция»

Примечательным событием в новой военной пропаганде КНДР является документальный фильм о Курской освободительной операции.

Несмотря на то, что изначально фильм не планировался к показу за рубежом и был предназначен скорее для внутренней аудитории, он был оперативно переведен непосредственно силами Международной группы солидарности с КНДР, и впоследствии этот перевод начал использоваться посольством КНДР как официальный [Курская освободительная операция (Документальный фильм...].

В фильме по отношению к происходящим событиям используется термин «авантюрное вооруженное вторжение». Таким образом, общий контекст СВО остается за кадром: авторы фокусируются именно на помощи в освобождении Курской области.

Российская власть поступила грамотно: северяне не выходили за пределы традиционных границ Российской Федерации. Таким образом, все было строго в рамках Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве [Договор о всеобъемлющем стратегическом...].

Северокорейские солдаты немного отличаются по экипировке, отсылая зрителей к классическим полотнам о партизанах прошлых лет, благодаря чему мы можем видеть пересечение старых и новых пропагандистских мотивов (рис. 2, 3).

Представленный документальный фильм дает нам пример официальной пропаганды, а то, как сражаются сами военнослужащие (как и в случае с боевыми листками), — неофициальной. Это не может не проходить через цензуру, но все равно демонстрирует нам взгляд снизу.

Фильм отличает использование съемок с дронов (в том числе трофейных), что подчеркивает способность северокорейцев адаптироваться к современным методам войны. Довольно много боевой непостановочной съемки, исходя из чего возникает вопрос: кто все это снимал (есть практика фронтовых кинооператоров). Вероятно, используется съемка с нательных камер, как в свое время делали американцы, — снимали на GoPro на шлеме и затем имели возможность посмотреть видео боя, устроив по нему разбор. Это опять же говорит о том, что северокорейские военные перенимают современные методы видеофиксации боя.

Показана перевозка раненых, перетаскивание обмундирования на понтонах через болото, детали установки антенны — в целом больше повседневности войны. Показана наглядная агитация на поле боя: самодельные плакаты в блинда-

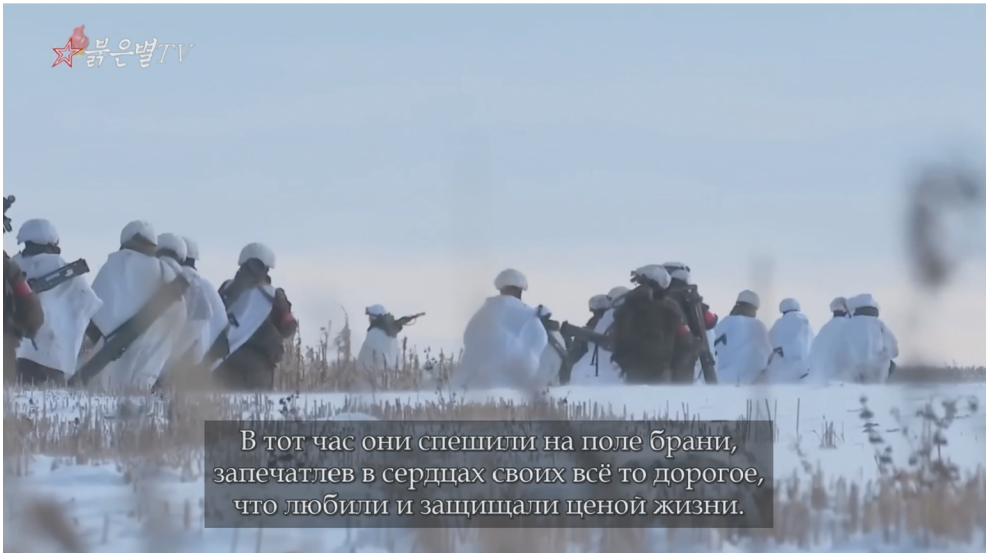

Рис. 2. Кадр из фильма «Курская освободительная операция»

Рис. 3. Картина «7-й полк, вперед на защиту Ставки командования!», Ким Иль Гван

жах, отрывки из блокнотов, письма. Момент внутри блиндажа: солдаты выступают с трибуны в импровизированном зале для политзанятий. Это важно, потому что в той же исламской пропаганде военной повседневности встречается значительно меньше.

Также по фильму четко видно, что русские присутствуют не на поле боя, а на этапе обсуждений и наставлений: не было ситуаций, когда северяне играют роль

пушечного мяса для русских. У них есть свой участок фронта, и они на нем полноценно работают.

Возрастной разброс военнослужащих КНА весьма показателен: 41, 38, 35, 32, 31, 22, 20, 19, 18 лет. Это далеко не однородная масса, а социально разнообразный контингент — важный месседж внутренней пропаганды. Вопрос о конкретном механизме комплектования остается открытым: речь могла идти как о добровольцах, так и о целенаправленном отборе различных военнослужащих. Однако сам возрастной разброс свидетельствует о том, что армия продолжает рассматриваться руководством КНДР как универсальный кадровый резерв, охватывающий представителей различных поколений и социальных групп.

В фильме не раз звучит фраза «Берегите жизни наших бойцов». Это принципиальное отличие от условно иранской или палестинской пропагандистской модели, где центральное место занимает мотив шахады (мученичества) и героизации гибели; в них смерть участника борьбы регулярно представляется как почетный и желательный исход, а погибшие обозначаются как мученики. Здесь же, напротив, осознанное отношение к потерям. У северокорейцев нет абстрактного гуманизма: каждая смерть тяжела, но «не может быть боя без жертв».

Ким Чен Ын в письме солдатам говорит: «Но, товарищи... хоть и дорога нам та честь, что вы желаете сберечь, если вы действительно думаете обо мне, то, прошу вас, избегайте жертв» (рис. 4).

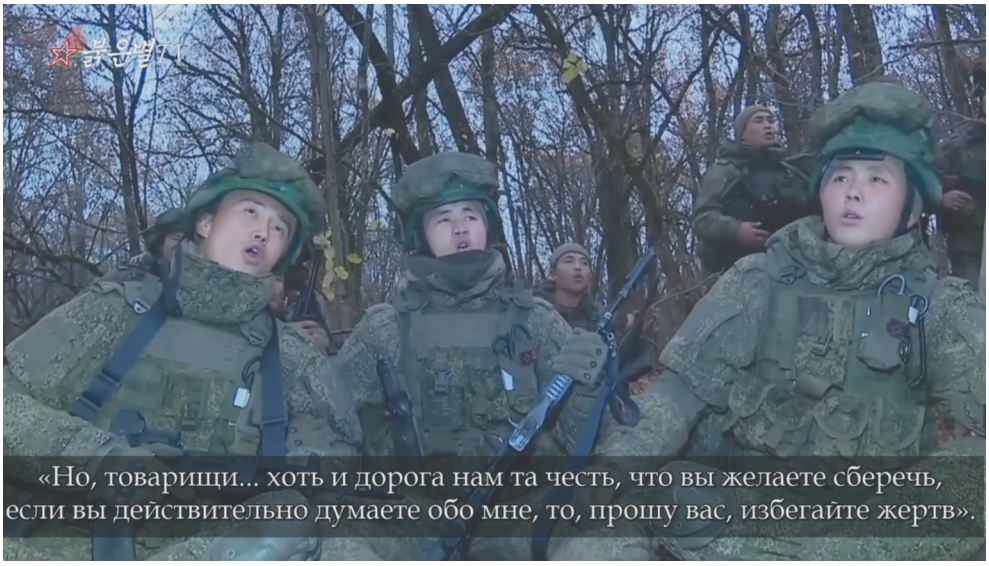

Рис. 4. Кадр из фильма «Курская освободительная операция»

При этом стоит понимать, что в контексте северокорейской военной культуры спасение отдельно взятого бойца не рассматривается как ультимативная ситуация. В отличие от западной парадигмы, выраженной в стремлении «положить полк ради спасения рядового Райана», северокорейская доктрина предполагает,

что личный состав не покидает поля боя. Военнослужащий, получивший ранение, несовместимое с жизнью, обязан скорее принять смерть на поле боя, чем подставлять санитаров.

Данный подход обнаруживает сходство с принципами медицинской сортировки (триажа), при которой полевой медик оперативно идентифицирует пострадавших с травмами, несовместимыми с жизнью, и относит их к категории «черных» чтобы перенаправить ресурсы на тех, у кого есть шанс на выживание. Эта практика обусловлена не жестокостью, а необходимостью спасения максимально возможного числа жизней. Аналогичным образом, если военнослужащий осознает неизбежность скорой гибели, его задача — как минимум прикрыть товарищей, поскольку смерть в любом случае неизбежна.

Следует учитывать, что подобная модель поведения приобрела дополнительную практическую актуальность в условиях современной войны беспилотников. Массовое применение разведывательных и ударных дронов существенно осложнило эвакуацию раненых с поля боя, превратив спасательные мероприятия в самостоятельный источник риска.

Опыт современных вооруженных конфликтов показывает многочисленные случаи, когда попытки эвакуировать тяжелораненого приводили к гибели не только спасаемого, но и всей группы эвакуации. С этой точки зрения северокорейский подход ориентирован прежде всего на максимизацию общей боевой эффективности подразделения. Если военнослужащий осознает невозможность собственного спасения, приоритетом становится сохранение боеспособности группы и выполнение боевой задачи.

В качестве иллюстрации показательны истории солдат, которые приводятся в фильме, подтверждая их героизм и самоотверженность в бою:

- Ким Чхоль Ги: «Даже после того, как ему оторвало руку в результате атаки вражеского беспилотника, он не покинул поле боя и отважно сражался. Затем он своим телом заслонил боевых товарищей от пулеметной очереди, спас их и героически пал в бою».
- Чо Хек Чхоль: «В тяжелом состоянии (одна нога была перебита вражеским снарядом) в течение шести часов он ползал по окопу, оказывая помощь раненым. Он снял жгут со своей ноги, чтобы перевязать другого раненого, и героически пал в бою».

Подобные примеры могут восприниматься как безумная пропаганда, однако с физиологической точки зрения в условиях экстремального выброса адреналина человек способен сохранять активность еще на протяжении некоторого времени даже после тяжелых травм. Поэтому рассказы в духе «боец с оторванной рукой перед своей гибелью добил противника этой же оторванной рукой» не обязательно являются вымыслом северокорейской пропаганды, а могут объясняться предельными психофизиологическими возможностями организма в экстремальной обстановке.

Большое внимание в фильме уделяется дальнейшему развитию характерного для эпохи Ким Чен Ына образа руководителя. В отличие от модели, преобладавшей при его предшественниках, современная пропаганда все чаще демонстрирует лидера не как безусловно непогрешимую фигуру, а как человека, несущего тя-

желую ответственность и постоянно сомневающегося в достаточности собственных усилий.

Показано, что он не сверхчеловек: он устает, испытывает боль, переживает эмоции, способен к саморефлексии. Это видно через фразы по типу «И когда приходили вести о том, что пали бойцы, бывшие ему как родные, ночи его проходили в неизбывной боли и муке».

Публичная самокритика вождя в правление Ким Чен Ына в принципе стала новым полноценным элементом пропаганды. Начиная с 2017 г. он периодически укоряет себя за то, что недостаточно много работает, не в полной мере оправдывает доверие народа, таким образом, жёстко спрашивая не только с других, но и с себя [Асмолов, Захарова, 2022, с. 76].

Характерным примером было его выступление на военном параде по случаю 75-летия ТПК. Ким вел себя не как непогрешимый вождь, а как человек, который думал, например, с какого слова начать обращение к народу, и не нашёл ничего подходящего, кроме слова «спасибо». Спасибо за то, что «было много и душевных переживаний, и опасений, однако народ поддержал все меры партии и государства и преодолел все суровые трудности». Ким Чен Ын говорит о своем чувстве неловкости от того, что он пользуется бесконечным доверием народа, но не может оправдать это доверие в полной мере, и что из-за его «недостаточной отдачи наш народ всё ещё испытывает трудности в жизни». Такую достаточно смелую фразу в публичном выступлении может сказать человек, который действительно пользуется доверием народа и не имеет оснований считать иначе. Устроив себе аналог сессии самокритики, Ким предстаёт в своем выступлении не непогрешимым лидером, а человеком, который честно признаётся в чувстве неловкости за то, что он сделал, возможно, меньше, чем следовало бы, и торжественно заявляет, что будет оправдывать доверие народа, даже если его тело раскрошится на куски. Примерно в этот момент Ким на мгновение снял очки, чтобы вытереть слезы [Асмолов, Захарова, 2022, с. 77].

При этом в фильме снова используется классический образ, знакомый еще с 1990-х годов: ночь, здание ЦК, горящее окно — руководитель не спит, работает, думает о том, как сделать жизнь граждан лучше. Таким образом, в очередной раз переплетаются старые и новые пропагандистские мотивы.

Ким Чен Ын в письме солдатам по сути показывает свой внутренний диалог:

«Я тоже все время во время концерта думал о вас, и многое передумал. Уберечь честь или уберечь жизнь... Кажется, я и сам никогда не отвечал себе на этот судьбоносный вопрос».

«Я прохожу через суровое испытание, понимая, что нет ничего труднее, чем ждать и молиться о благополучии дорогих людей».

Подобные фразы были очень маловероятны у его отца или деда. Ким Чен Ир позволял подобную саморефлексию только в узком кругу как человек с сильной самоиронией; Ким Ир Сен такого себе вообще не позволял ввиду воспитания. А Ким Чен Ын, учитывая свой статус и заслуги, может позволить себе быть обычным человеком.

Эти цитаты также довольно много говорят о нем как о руководителе. Да, с поправкой на то, что это пропаганда, но это опять-таки — пропаганда, направ-

ленная именно на внутреннюю аудиторию, то есть это то, каким, по мнению Кима, его должен видеть народ.

Он мог бы ограничиться формальным новогодним поздравлением, но написал именно этот текст, говорящий о том, что его действительно беспокоила судьба людей на фронте. На кадрах новогоднего концерта заметно, как дочь лидера улыбается, а он сидит серьезный и погруженный в мысли.

Ким Чен Ын лично встречался с вернувшимися солдатами, обнимал плачущих военнослужащих и вручал им государственные награды — эти сцены также вошли в фильм.

«Тщательно записывайте имена, звания и части павших товарищей. А тела их, аккуратно собрав, обязательно привезите ко мне после победы». Это мощный идеологический посыл — ни один павший не забыт, о чем впоследствии и напомнила мраморная стена мемориального музея с 1144 именами военнослужащих КНА, участвовавших в освобождении Курской области[1].

Заключение

Проведённый анализ показывает, что современная военная пропаганда КНДР существенно отличается как от распространенных зарубежных представлений о ней, так и от пропагандистской модели периода политики сонгун. Несмотря на сохранение в общественной жизни страны традиционных идеологических элементов и высокого статуса вооруженных сил, северокорейская пропаганда XXI в. претерпела заметную трансформацию.

Одним из важнейших факторов этих изменений стал постепенный отказ от чрезвычайной логики сонгунского периода. Конституционные реформы, институциональные преобразования и изменение места армии в системе государственного управления свидетельствуют о стремлении руководства КНДР встроить вооруженные силы в более широкую модель развития государства, где армия остается важнейшим институтом, но уже не выступает единственным центром общественной мобилизации.

Данные изменения нашли отражение и в визуальном языке пропаганды. Современные военные парады демонстрируют использование новых технологий съемки, изменение эстетики церемоний и стремление соответствовать актуальным стандартам массовой коммуникации. Одновременно происходит обновление символического ряда: часть образов и ритуалов, характерных для эпохи сонгун, постепенно исчезает или переосмысливается.

Особое значение для формирования нового этапа северокорейской военной пропаганды имело участие Корейской народной армии в освобождении Курской области. Впервые за многие десятилетия КНДР открыто признала участие своих военнослужащих в крупной зарубежной военной операции и создала вокруг этих событий развернутый мемориальный и пропагандистский нарра-

[1] (LEAD) N. Korea welcomes engineer troops' return from Russia's Kursk region // Yonhap News Agency. 13.12.2025. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20251213000251315 (дата обращения: 17.05.2026).

тив. Документальный фильм «Курская освободительная операция», выставка «Плечом к плечу», мемориальные практики и социальная поддержка семей погибших демонстрируют стремление государства не только героизировать подвиг военнослужащих, но и интегрировать их опыт в коллективную память общества.

Не менее важной тенденцией является трансформация образа высшего руководителя. В пропагандистских материалах периода правления Ким Чен Ына все чаще присутствуют элементы самоумаления, эмоциональной открытости и публичной саморефлексии. Руководитель предстает не только как верховный главнокомандующий, но и как человек, переживающий за судьбу военнослужащих и их семей. При этом речь не идет об отказе от культа личности, а скорее о его адаптации к новым общественным и политическим условиям.

В целом современная военная пропаганда КНДР представляет собой не карикатурный пережиток прошлого, а развивающуюся систему политической коммуникации, сочетающую традиционные идеологические установки с новыми формами визуального представления, мемориальной политики и взаимодействия государства с обществом. Именно это сочетание преемственности и обновления определяет ее специфику на современном этапе.

Библиографический список

Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 19.06.2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/ (дата обращения: 16.05.2026).

Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012—2021): монография / К. В. Асмолов, Л. В. Захарова; Российская академия наук, Институт Китая и современной Азии. М.: ИКСА РАН, 2022. 440 с.

Курская освободительная операция (Документальный фильм КНДР, 2025) // Международная группа солидарности с КНДР. 14.10.2025. URL: https://vkvideo.ru/video-144745573_456242479 (дата обращения: 16.05.2026).

[전문] 통일부, 북한 개정 헌법 전문 공개해 [[Полный текст] Министерство объединения обнародовало текст пересмотренной Конституции КНДР] // Чаджусибо. 07.05.2026. URL: https://www.jajusibo.com/70111 (дата обращения: 16.05.2026).

References

Dogovor o vseob”emlyushchem strategicheskom partnerstve mezhdu Rossijskoj Federaciej i Korejskoj Narodno Demokraticheskoj Respublikoj [Comprehensive Strategic Partnership Agreement between the Russian Federation and the Democratic People's Republic of Korea] // Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. 19.06.2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/ (accessed: 16 May, 2026). (In Russian)

Asmolov K.V., Zakharova L.V. Contemporary North Korea: the First Decade of the Kim Jong Un Era (2012—2021). Moscow, ICCA RAS, 2022.

Kurskaya osvoboditel'naya operaciya (Dokumentalniy film KNDR, 2025) [Kursk liberation operation (DPRK Documentary, 2025)] // DPRK International solidarity group. 14.10.2025. URL: https://vkvideo.ru/video-144745573_456242479 (accessed: 16 May, 2026).

[전문] 통일부, 북한 개정 헌법 전문 공개해 ([jeonmun] tongilbu, bukhan gaejeong heonbeop jeonmun gonggaehae) [[Full Text] Unification Ministry Releases Full Text of North Korea's Amended Constitution] // Jajusibo. 07.05.2026. URL: https://www.jajusibo.com/70111 (accessed: 16.05.2026).

Поступила в редакцию: 21.05.2026
Received: 21.05.2026

Принята к публикации: 18.06.2026
Accepted: 18.06.2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.26.56.005

С.Д. Салтанов

Роль общей исторической памяти в российско-северокорейском сближении (на примере мемориалов в Чхонджине и Раджине)

Аннотация. В статье исследуется роль общей исторической памяти как активного инструмента стратегического сближения России и КНДР в период с 2022 по 2025 г. На примере конкретных практик — содержания мемориалов в Чхонджине и Раджине, организации первого туристического поезда и синхронизации ритуалов с дипломатическими жестами — показывается, как нарратив о совместном прошлом используется для легитимации современного военно-политического и экономического партнёрства. Этот процесс анализируется через концепцию «мнемонической дипломатии», которая служит формированию новой политической идентичности альянса, выходящей за рамки ситуативной геополитической необходимости. Ключевой вывод работы заключается в выявлении двойственной и прагматичной функции общей памяти: она работает одновременно на внутреннюю консолидацию, создавая образ «братства по оружию» для мобилизации общественной поддержки внутри обеих стран, и служит мощным внешним сигналом единства перед лицом международного давления и санкций. Примечательно, что устойчивость этой конструкции обусловлена не унификацией исторических трактовок, а гибким сосуществованием различных, порой конкурирующих национальных нарративов. Общие памятники и ритуалы становятся нейтральной символической платформой, где каждая сторона может проецировать свою версию прошлого, не отказываясь от демонстрации единства в настоящем. Это превращает историческую память не в статичное наследие, а в адаптивный политический ресурс, позволяющий гармонизировать идеологические различия ради текущих стратегических интересов. Таким образом, прочность формируемого союза напрямую зависит от способности сторон поддерживать тонкий баланс между совместными символическими действиями и сохранением внутренних идеологических рамок, что определяет память как ключевой элемент современных отношений России и Северной Кореи.

Ключевые слова: Россия, КНДР, историческая память, мнемоническая дипломатия, места памяти, Чхонджин, Раджин.

Автор: Салтанов Станислав Дмитриевич. Ассистент департамента психологии и образования Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ (адрес: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10).
OCRID: 0009-0005-5145-8649. E-mail: saltanov.sd@dvfu.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Салтанов С.Д. Роль общей исторической памяти в российско-северокорейском сближении (на примере мемориалов в Чхонджине и Раджине) // Корееведение. 2026. № 2 (15). С. 39—51.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.26.56.005.

S. D. Saltanov

The role of common historical memory in the Russia-North Korea rapprochement (on the example of memorials in Chongjin and Rajin)

Abstract. This article examines the role of shared historical memory as an active tool for strategic rapprochement between Russia and the DPRK from 2022 to 2025. Using specific examples—the maintenance of memorials in Chongjin and Rajin, the organization of the first tourist train, and the synchronization of rituals with diplomatic gestures—it demonstrates how the narrative of a shared past is used to legitimize contemporary military-political and economic partnerships. This process is analyzed through the concept of "mnemonic diplomacy" which serves to shape a new political identity for the alliance that goes beyond situational geopolitical necessity. The key conclusion of the paper is the identification of the dual and pragmatic function of shared memory: it simultaneously promotes internal consolidation, creating an image of "brotherhood in arms" to mobilize public support within both countries, and serves as a powerful external signal of unity in the face of international pressure and sanctions. Remarkably, the stability of this construct is not based on the unification of historical interpretations, but on the flexible coexistence of different, sometimes competing, national narratives. Shared monuments and rituals become a neutral symbolic platform where each side can project its own version of the past without sacrificing unity in the present. This transforms historical memory not into a static legacy, but into an adaptive political resource, allowing for the harmonization of ideological differences for the sake of current strategic interests. Thus, the strength of the emerging alliance directly depends on the ability of the parties to maintain a delicate balance between joint symbolic actions and the preservation of internal ideological frameworks, making memory a key element in contemporary relations between Russia and North Korea.

Keywords: Russia, DPRK, historical memory, mnemonic diplomacy, sites of memory, Chongjin, Rajin.

Author: Saltanov S.D., Assistant Professor, Department of Psychology and Education, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University (Address: 690922, 10 Ayaks, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Krai). ORCID: 0009-0005-5145-8649. E-mail: saltanov.sd@dvfu.ru

Conflict of Interests. The author declares no conflict of interest.

For citations: Saltanov S.D. Rol' obshchey istoricheskoy pamyati v rossiysko-severokoreyskom sblizhenii (na primere memorialov v Chkhondzhine i Radzhine) [The role of common historical memory in the Russia-North Korea rapprochement (on the example of memorials in Chonjin and Rajin)] // Koreevedenie [Koreanology]. 2026. № 2 (15): 39—51. DOI: 10.48647/ICCA.2026.26.56.005.

Введение

В условиях трансформации глобальной системы международных отношений российско-северокорейские связи приобретают особую значимость как пример стратегического партнёрства в условиях западных санкций и региональной нестабильности. Подписание Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве в июне 2024 г. ознаменовало качественный скачок в отношениях РФ и КНДР, вернув их на уровень тесного сотрудничества, характерный для советско-корейского периода [Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерст-

ве]. Однако современное измерение этих связей не ограничивается прагматичными военно-экономическими интересами — важную роль играет и историческая память, формирующая идентичность взаимодействия двух стран.

Историческая память о вкладе Советского Союза в освобождение Кореи от японской оккупации в августе 1945 г. и последующей поддержке становления КНДР остается ключевым элементом взаимопонимания. Места захоронений советских воинов в Раджине и Чхонджине, где покоится прах сотен бойцов Красной Армии, служат материальным воплощением нашей общей истории, регулярно посещаются официальными делегациями и используются на официальных нарративах обеих сторон. В мае 2025 г. автор совершил поездку по этим мемориальным объектам, что позволило оценить состояние сохранности, ритуалы чествования павших воинов и роль данных мест в современной дипломатии.

Тема исторической памяти приобретает особую остроту в свете целенаправленных попыток западных стран и их союзников искажать события Второй мировой войны и последующего освобождения Азии от японского колониального господства. Москва и Пхеньян последовательно отстаивают историческую правду о роли СССР в победе над фашизмом и освобождении Кореи от японского милитаризма, противодействуя попыткам Запада её искажать. Однако эта внешнеполитическая риторика вступает в сложное взаимодействие с внутренними историографическими традициями КНДР, где роль внешних сил в освобождении Кореи традиционно минимизируется. Возникает закономерный вопрос: как именно официальный нарратив о «советском освобождении» согласуется с северокорейской версией событий 1945 г. и позволяет ли это противоречие использовать общую память как действенный инструмент современного стратегического партнёрства? Мемориалы в Раджине и Чхонджине не только служат почитанию павших воинов, но и напоминают о братских связях наших стран, способствуя укреплению их сотрудничества в условиях информационного давления.

Особого упоминания заслуживает вклад северокорейских военных в освобождение Курской области. В ходе Специальной военной операции российские войска при поддержке северокорейских военных успешно завершили её освобождение от украинских формирований, вторгшихся туда в августе 2024 г. К настоящему времени контроль над территорией полностью восстановлен, что стало важным результатом совместных усилий [Завершена операция по освобождению Курской области от ВСУ]. Это сотрудничество показывает практическую пользу партнёрства РФ и КНДР для региональной стабильности, где общая историческая память дополняет текущие усилия.

Цель исследования — проанализировать роль исторической памяти о советско-корейском прошлом в укреплении российско-северокорейских отношений на фоне современных вызовов.

Теоретическая база исследования

Классическая теория международных отношений долгое время рассматривала историческую память как второстепенный, почти декоративный элемент на

фоне материальных факторов: баланса сил, экономических интересов или военного потенциала. Однако «конструктивистский поворот», инициированный работами Александра Вендта, радикально изменил этот подход. Вендт утверждал, что «анархия — это то, что государства делают из неё» [Wendt A, 1992, с. 391], подчёркивая, что структуры международной системы не даны объективно, а конструируются через практики, дискурсы и разделяемые смыслы. В этой парадигме идентичность государств — не строго фиксированный объект, а пластичный продукт социального взаимодействия. Именно здесь историческая память обретает статус ключевого политического ресурса, поскольку она предлагает набор нарративов, символов и уроков прошлого, через которые государства определяют «кто мы», «кто наши друзья и враги», «каковы наши законные интересы» и т. д.

Развивая конструктивистский подход, современные исследователи вводят понятие «мнемонической безопасности» [Севастьянова, 2018, с. 67], которое ставит контроль над прошлым в один ряд с традиционными приоритетами национальной безопасности. Угрозой здесь выступает не военное вторжение, а конкурирующие или враждебные исторические нарративы, которые могут подорвать легитимность власти, оспорить территориальную целостность или разрушить желаемый образ страны на мировой арене.

Таким образом, политика памяти становится инструментом внешнеполитической стратегии — целенаправленным конструированием образов прошлого для достижения конкретных целей в настоящем: легитимации союзов, оправдания экспансии или мобилизации населения вокруг образа общего врага.

Для формализации и конкретизации этих идей в исследованиях используют понятие так называемых мемориальных (мнемонических, культурных или символических) практик — конкретные материальные и ритуальные действия, с помощью которых память воплощается и воспроизводится [Ассман, 2014, с. 29]. К ним относится создание мемориалов, проведение юбилейных церемоний, подписание совместных исторических деклараций, выпуск учебников. Эти практики не просто отражают уже существующую общность, но активно её создают и закрепляют, предлагая участникам разделяемый эмоциональный и смысловой опыт. Особую значимость обретают «места памяти» — локации, где история «материализуется в камне», превращая абстрактный нарратив в осязаемое, обладающее сакральным смыслом место, которое можно посетить, поклониться ему или использовать как фон для политических жестов [Сабанчеев, 2020, с. 35].

Применительно к анализу российско-северокорейских отношений этот теоретический аппарат позволяет выйти за рамки упрощённых объяснений через геополитическую необходимость или экономический прагматизм. Он даёт ключ к пониманию того, как два государства, переживающие глубокую конфронтацию с Западом, активно реанимируют и перезагружают общий пласт истории середины XX в. Через совместные мнемонические практики — реставрацию старых и возведение новых памятников советско-корейскому братству по оружию — они не просто вспоминают прошлое, а конструируют особую реальность. В этой реальности их нынешнее сближение предстаёт не ситуативным тактическим альянсом, а закономерным продолжением многолетней дружбы, укоренённой в общей истории.

Таким образом, память становится не фоном, а активным действующим агентом в формировании политической идентичности и траектории двусторонних отношений.

Как уже отмечалось ранее, с 2022 г. российско-северокорейские отношения претерпели качественный скачок, когда историческая память перестала быть фоновым элементом и превратилась в один из центральных инструментов стратегического сближения. Если ранее мнемонические практики носили эпизодический и в основном дипломатический характер, то теперь они стали системными, публичными и нацеленными на консолидацию союза на уровне не только элит, но и общества. Этот процесс достиг своего формально-правового пика с подписанием Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, закрепившего взаимные обязательства, включая положение о военной помощи. В новом контексте общее прошлое было активно мобилизовано для легитимации беспрецедентного настоящего.

Ключевой чертой этого периода стала интенсификация и диверсификация культурных практик, которые стали связывать исторические нарративы с конкретными экономическими и инфраструктурными проектами. Ярким примером стал запуск в мае 2025 г. приуроченного к 80-летию Победы первого туристического поезда в КНДР по маршруту Владивосток—Раджин [Из России в КНДР отправился].

Мероприятие сочетало посещение мемориалов советским воинам с развитием логистики, расширяя круг участников политики памяти за счёт простых граждан. Аналогично международный марш дружбы «Катюша» в Расоне в октябре 2025 г. транслировал образ братства через формат массового спортивно-туристического мероприятия, создавая новый канал «народной дипломатии» [Жители Приморья и еще 21 региона России].

Наиболее показательными стали примеры появления исторических символов в военной сфере, что демонстрирует глубину формируемой солидарности. В 2025 г. на совместных учениях солдаты КНДР исполнили на корейском языке легендарную советскую песню «Катюша» [Появилось видео с воинами КНДР].

Эта деталь символизирует переход от внешней коллективной памяти к усвоению общего прошлого как части собственной идентичности и боевого духа: создание новых «мест памяти», таких как памятник в Курске и закладка мемориального музея в Пхеньяне [В Курской области появится памятник военным из КНДР. Ким Чен Ын провел церемонию закладки мемориала], закрепляют нарратив о современном «братстве по оружию», рожденном уже в ходе Специальной военной операции.

Наиболее ярко этот нарратив проявляется в том, как историческая победа 1945 г. проецируется на события 2025 г. в Курской области. Например, в заявлении Центрального военного комитета ТПК от 28 апреля 2025 г., распространённом через ЦТАК, было официально подтверждено участие северокорейских войск в операции по освобождению Курской области. В документе подчёркивалось, что решение о вступлении в войну было принято Ким Чен Ыном на основании ст. 4 Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве, а сами подвиги названы «немеркнущими подвигами, вписывающимися золотыми буквами в ис-

торию развития корейско-российских отношений» [조선로동당]. Эта риторика, где термин «освобождение» применяется и к событиям Второй мировой войны, и к Специальной военной операции, создаёт устойчивую смысловую связь между прошлым и настоящим, превращая исторический прецедент в моральное обоснование текущего военного сотрудничества.

Процесс интеграции символов показывает, как совместно воспроизводимые исторические образы формируют общее смысловое поле, вытесняя представление об альянсе как о временном прагматическом союзе. Включение общего прошлого в военную сферу, туристические проекты и инфраструктурные инициативы ведут к его превращению из искусственно созданной политической общности в естественную и неизменную реальность.

Таким образом, память работает на опережение, конструируя историческое обоснование для сегодняшнего и завтрашнего союза.

Эти конкретные практики наглядно реализуют несколько ключевых стратегических функций, которые систематизированы в таблице ниже. Они показывают, как память была конкретизирована для решения актуальных политических задач в условиях глубокой конфронтации обеих стран с коллективным Западом:

Таблица 1. **Функции и проявления политики памяти в отношениях РФ и КНДР (после 2022 г.)**[1]

Функция	Конкретные проявления
Легитимация военно-политического альянса	Создание нарратива о современном «братстве по оружию» (участие КНДР в СВО, договор 2024 г.)
Сакрализация пространства и экономических проектов	Привязка мнемонических практик (туристический поезд, марш «Катюша») к ключевым точкам сотрудничества (Раджин), что «освящает» инфраструктуру общей историей (проект «Хасан—Раджин», строительство автомобильного моста через р. Туманган)
Консолидация антизападного фронта и внутренняя мобилизация	Активное использование риторики общей борьбы против коллективного Запада для идеологического сплочения
Расширение социальной базы альянса	Вовлечение в мнемонические практики новых социальных групп (туристы, спортсмены, военные), что создает более широкую общественную поддержку сближения

Анализ мемориалов в Раджине и Чхонджине становится ключевым эмпирическим подтверждением выдвинутых ранее тезисов. Эти объекты — не статичное напоминание о прошлом, а активные инструменты современной политики, материализующие стратегический курс на сближение. Их географическое расположение, архитектурный замысел и сопровождающие практики напрямую связывают исторический нарратив о советском освобождении Кореи в 1945 г. с теку-

[1] Составлено автором.

щими и планируемыми инфраструктурными и экономическими проектами, создавая сакральную легитимность для партнёрства в настоящем.

Немаловажным будет отметить тот факт, что нарративы РФ и КНДР об освобождении Кореи в 1945 г. содержат фундаментальное расхождение. Российская (ранее советская) версия акцентирует внимание на решающей роли Красной Армии как освободительной силы. В то же время северокорейская официальная историография, следуя идеологии *чучхе*, минимизирует внешний фактор и делает акцент на руководящей роли Ким Ир Сена и партизанском движении как главной силе освобождения, а Красной Армии отводит роль сопутствующей силы, лишь помогающей Ким Ир Сену освобождать Корейский полуостров от Японии.

Однако именно этот контраст и делает современное мнемоническое сотрудничество РФ и КНДР не просто «вспоминанием прошлого», а сложным процессом переговоров о значении, характерным для конструктивистского подхода.

В рамках символической политики политика памяти понимается как публичная деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование. Она представляет собой не противоположность, а специфический аспект «реальной» политики [Малинова, 2019, с. 288—289]. Следовательно, анализ ритуалов у мемориалов в Чхонджине и Раджине — это анализ поля символической борьбы за утверждение определенного, политически востребованного взгляда на общее прошлое и настоящее.

С точки зрения конструктивизма: память — это не статичный набор фактов, а гибкий инструмент, который можно адаптировать под текущие политические нужды. Вместо того чтобы пытаться унифицировать трактовки, стороны создают такие условия, где оба нарратива могут сосуществовать. Объектом почитания становится не единая интерпретация, а сам факт совместной жертвы и общей победы над Японией. Это позволяет каждой стороне проецировать на общие памятники свой собственный смысл, находя в них подтверждение своей версии истории, но при этом совместно участвуя в ритуале. Таким образом, мемориал в Чхонджине для российской делегации — это памятник советским бойцам, а для северокорейской — символ братской помощи в деле, которым руководил Ким Ир Сен.

С практической точки зрения это расхождение не ослабляет, а усиливает функциональность общей памяти как инструмента альянса. Оно превращает историю из фиксированного факта в гибкий ресурс. Общие церемонии у таких памятников позволяют избегать идеологических споров, фокусируясь на эмоционально объединяющих элементах: подвиге, жертвенности, победе над общим врагом. Это создаёт мощный эффект, где участники могут по-разному воспринимать детали, но сама история укрепляет их связь.

Поэтому посещение мемориалов в Раджине и Чхонджине официальными лицами и простыми гражданами двух стран — это не дань объективной истории, а акт подтверждения лояльности общему, хотя и по-разному понимаемому прошлому, что гораздо важнее единой трактовки. Он демонстрирует готовность отложить различия в интерпретации ради демонстрации единства в настоящем. Материальная форма этого акта служит нейтральной платформой, на которой

встречаются два национальных мифа, чтобы совместно обслуживать потребности современного стратегического партнёрства, доказывая, что политическая целесообразность настоящего способна гармонизировать исторические нарративы прошлого.

Полевые наблюдения (май 2025 г.)

Характер, масштаб и организация исторического первого рейса туристического поезда в КНДР в мае 2025 г. служат иллюстрацией того, как инфраструктурные и гуманитарные проекты становятся каналом для целенаправленной политики памяти. Уже сам факт отправления состава из Владивостока и его прибытия в приграничный Раджин, превращенный в публичный ритуал с участием высоких должностных лиц, достаточно показателен. Группу провожал лично губернатор Приморского края Олег Кожемяко, а по прибытии встречал генеральный консул России в Чхонджине Олег Кощеев, устроивший в честь туристов торжественный банкет, на котором присутствовали представители руководства г. Раджин и Свободной экономической зоны Расон.

Знаковым событием также стало то, что руководитель регионального отделения Общероссийского общественного движения «Народный фронт «За Россию» в Приморском крае Э.И. Игнатова, участвовавшая в поездке, вручила Генеральному консульству России в Чхонджине лампаду с частицей Вечного огня, взятого с мемориала «Могила Неизвестного Солдата» в Москве [«Поезд Победы» в КНДР].

Этот акт можно рассматривать как практическую реализацию «мнемонической дипломатии», имеющую сакральный смысл: он физически и символически транслировал «огонь памяти» из геополитического центра России в ключевые точки её внешнеполитического присутствия.

Повсеместно — в отелях, ресторанах, на вокзалах — сотрудники принимающей стороны выходили встречать гостей аплодисментами и приветственными возгласами. Эта тщательно выверенная, безусловно организованная сверху, но от этого не менее впечатляющая реакция ясно демонстрировала, какой важный смысл руководство КНДР вкладывает в подобные гуманитарные жесты, превращая туристический визит в акт публичной демонстрации солидарности.

Непосредственный осмотр мемориалов советским воинам в Чхонджине и Раджине подтвердил их статус не как формальных или заброшенных объектов, а как активно используемых «живых мест памяти». Визуальный анализ выявил безупречное состояние памятников, свидетельствующее о системном уходе: свежая краска на ограждениях (на момент последнего визита автора в КНДР в 2015 г. ограждения отсутствовали, что говорит о целенаправленном благоустройстве и повышении статуса данных объектов за последнее десятилетие) и монументах, отсутствие следов разрушения или выцветания, чистая, выметенная территория без мусора и сорняков. Важным показательным элементом стали информационные таблички с параллельными текстами на русском и корейском языках, что подчеркивало адресованность послания двум аудиториям и создава-

ло общее смысловое поле. Эта материальная опрятность и ухоженность является не просто следствием хозяйственной деятельности, а прямым указанием на политическую волю, направленную на поддержание сакрального статуса этих мест.

Анализ подкреплялся полевыми наблюдениями за воспроизведением ритуалов прямо во время визита нашей делегации. Наши гиды не просто констатировали исторические факты, а встраивали их в актуальный политический нарратив. Особенно показательным стал момент, когда гид, отмечая значимость дат нашего пребывания, сообщил, что именно в эти дни, 9 мая 2025 г., председатель Государственного совета КНДР Ким Чен Ын лично посетил российское посольство в Пхеньяне, чтобы поздравить россиян с 80-летием Победы. Как сообщало Центральное телеграфное агентство Кореи (ЦТАК), северокорейский лидер передал корзину цветов и заявил, что «Пхеньян всегда будет рядом с Москвой», подчеркивая, что дружба двух стран превратилась в «настоящие боевые товарищеские отношения» [Ким Чен Ын на 9 Мая пришел в посольство России с корзиной цветов].

Системный характер мнемонических практик подтверждается не только единичными, но и регулярными визитами, приуроченными к ключевым датам общей истории. Так, в августе 2025 г. в рамках празднования 80-летия освобождения Кореи от Японии члены посольства России в Пхеньяне и Генерального консульства в Чхонджине совершили официальные церемонии возложения цветов к памятникам Советской Армии в гг. Вонсан, Синыйджу, Ыйджу, Тонним и Чхонджин [로씨야대사관]. Эти визиты, подробно освещённые государственным информационным агентством Северной Кореи, демонстрируют, что уход за мемориалами и ритуалы, связанные с ними, являются не спонтанными акциями, а частью двустороннего дипломатического календаря. Публикация этих церемоний в официальной прессе КНДР выполняет двойную функцию: для внешней аудитории она служит сигналом о консолидации альянса, а для внутренней — подтверждает легитимность сотрудничества с Россией через апелляцию к историческому прошлому.

Анализ официальных сообщений ЦТАК и газеты «Нодон синмун» позволяет эмпирически подтвердить тезис о гибком сосуществовании нарративов и их прямой связи с современной геополитикой. Если в прошлые десятилетия риторика КНДР зачастую обходила роль СССР в освобождении Кореи, то в 2024—2025 гг. наблюдается адаптация северокорейского исторического нарратива под задачи текущего альянса.

Ярким свидетельством этого является речь Ким Чен Ына во время визита в Посольство РФ в Пхеньяне 9 мая 2025 г., о котором говорилось ранее. В своем выступлении, опубликованном в газете «Нодон синмун», лидер КНДР фактически интегрировал советскую победу в корейскую историографию, заявив: «Если бы не 9 мая — День Победы России, не было бы и 15 августа — Дня освобождения Кореи и других восточных стран... Мы никогда не должны забывать, что счастливы сегодня благодаря бесценной, самоотверженной борьбе России, спасшей мир» [경애하는 김정은동지께서]. Эта формула позволяет Пхеньяну, не отказываясь от догмы о руководящей роли Ким Ир Сена, официально признать ре-

шающий вклад СССР/России, создавая идеальную символическую платформу для единства.

Северокорейские официальные источники демонстрируют, как историческая память о 1945 г. напрямую увязывается с современной геополитикой. Бойцы ВС РФ в риторике КНДР названы «наследниками легендарного победоносного поколения», а участники СВО и операции в Курске — «борцами с неонацистскими оккупантами», что полностью повторяет российскую официальную терминологию [경애하는 김정은동지께서]. Это доказывает, что историческая память не просто «сосуществует», а активно перекодируется, превращаясь в идеологическое обоснование ст. 4 Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве.

Заключение

Таким образом, полевые наблюдения в мае 2025 г. позволяют сделать вывод: мемориалы в Чхонджине и Раджине являются одним из связующих элементов в архитектуре российско-северокорейских отношений. Их физическое состояние — ухоженность, отсутствие признаков ветхости и наличие двуязычных описаний — доказывает, что они являются не статичными монументами, а активными площадками для различных практик солидарности.

Через их материальную форму, безупречное содержание и насыщение современным политическим смыслом в ходе ритуалов (включая специально организованные туристические визиты, синхронизированные с жестами высшего руководства) происходит постоянное «вплетение» общего прошлого в ткань настоящего. Этот процесс служит мощным инструментом легитимации углубляющегося военно-политического и экономического альянса перед лицом внешнего давления, превращая историческую память в активный ресурс современной государственной политики.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что историческая память в российско-северокорейских отношениях периода 2022—2025 гг. перестала быть фоновым нарративом и трансформировалась в активный, системный инструмент стратегической консолидации — мнемоническую дипломатию.

Анализ показал, что общая память выполняет двойную функцию: усиливает внутреннюю легитимацию сближения за счёт апелляции к образу «боевого братства» и одновременно служит внешним сигналом о консолидации альянса на фоне конфронтации с Западом. При этом параллельное сосуществование разных национальных историографий (о роли Красной Армии и Ким Ир Сена в событиях 1945 г.) не разрушает союз, а превращает память в гибкий ресурс, позволяющий сторонам по-разному интерпретировать общие символы, не отказываясь от совместных ритуалов.

Таким образом, при попытке сделать прогноз дальнейшего развитии событий необходимо отметить, что политика памяти имеет как потенциал, так и ограничения. При сохранении нынешней геополитической реальности можно ожидать дальнейшего наращивания мнемонических практик, их привязки к новым экономическим и военным проектам и углубления символической взаимозави-

симости двух государств. Однако зависимость этой политики от внешнего давления и внутренней идеологической конъюнктуры делает её инструментом скорее адаптивным, чем автономным: сценарий «параллельных нарративов» предполагает устойчивость общей памяти ровно до тех пор, пока совпадают стратегические интересы двух государств. Дальнейшая эволюция российско-северокорейского партнёрства будет зависеть от того, удастся ли сторонам и дальше балансировать между конструированием образа «естественного союза» и сохранением собственных версий прошлого для внутренней аудитории.

Библиографический список

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение. 2014. 328 с.

В Курской области появится памятник военным из КНДР // РИА Новости. 10.12.2025. URL: https://ria.ru/20251210/pamyatnik-2060997691.html?ysclid=mjvlgff0un748548717 (дата обращения: 22.12.2025).

Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 19.06.2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/ (дата обращения: 21.12.2025).

Жители Приморья и еще 21 региона России прошли маршем дружбы в КНДР // Правительство Приморского края. 06.10.2025. URL: https://primorsky.ru/news/310803/?ysclid=mjvlbnxcvv343694467 (дата обращения: 22.12.2025).

Завершена операция по освобождению Курской области от ВСУ // Интерфакс. 06.04.2025. URL: https://www.interfax.ru/russia/1022900 (дата обращения: 22.12.2025).

Из России в КНДР отправился первый туристический поезд // РЖД. 09.05.2025. URL: https://dvzd.rzd.ru/ru/2205/page/104069?id=314079&ysclid=mjvl8rrtzi423407830 (дата обращения: 22.12.2025).

Ким Чен Ын на 9 Мая пришел в посольство России с корзиной цветов // РБК. 09.05.2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/09/05/2025/681dcbae9a79475d4fb0de87?ysclid=mjwwvoaps1760685843 (дата обращения: 22.12.2025).

Ким Чен Ын провел церемонию закладки мемориала в честь подвигов в Курской области // Коммерсантъ. 24.10.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7258507?ysclid=m8b8d5eovk164377832 (дата обращения: 22.12.2025).

Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Метод. 2019. № 9. С. 285—312.

«Поезд Победы» в КНДР // Генеральное консульство Российской Федерации в Чхонджине. 11.05.2025. URL: https://chondjin.mid.ru/ru/general-consulate/press-centre/news/poezd_pobedy_v_kndr/ (дата обращения: 22.12.2025).

Появилось видео с воинами КНДР, поющими «Катюшу» // RG.RU. 01.05.2025. URL: https://rg.ru/2025/05/01/poiavilos-video-s-voinami-kndr-poiushchimi-katiushu.html?ysclid=mjvleizy5831551395 (дата обращения: 22.12.2025).

Сабанчеев Р. Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1(43). С. 33—38.

Севастьянова Я.В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности / Я.В. Севастьянова, Д.В. Ефременко // Политическая наука. 2020. № 2. С. 66—86. DOI 10.31249/poln/2020.02.03.

Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46, No. 2. P. 391—425.

경애하는 김정은동지께서 우리 나라 주재 로씨야련방대사관을 축하방문하시여 하신 연설 [Уважаемый товарищ Ким Чен Ын нанёс поздравительный визит в посольство России в Пхеньяне и выступил с речью] // 로동신문. 10.05.2025. URL: http://rodong.rep.kp/ko/index.php?MTJAMjAyNS0wNS0xMC0wNDFAMUAxOEBAMEAyNThA== (дата обращения: 19.06.2026.) (На кор.)

로씨야대사관 성원들 각지에 있는 쏘련군기념비들에 꽃송이 진정 [Сотрудники посольства РФ возложили цветы к памятникам советским воинам в разных местах] // 조선중앙통신. 19.08.2025. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/64e900f5bd0353837ca02d7babcce3adb3ba96d1617baa 6a8b5227b8a58c0f696a47505ba5268fd7749c0fe11e4b24b4.kcmsf (дата обращения: 19.06.2026). (На кор.)

국무력전투구분대들을 높이 평가 [ЦВК ТПК высоко оценил боевые подразделения вооруженных сил КНДР, совершившие героические подвиги в операции по освобождению районов Курской области РФ] // 조선중앙통신. 28.04.2025. URL: http://www.kcna.kp/kp/article/q/520f9be9dfa8657c0a077ee1f62103543fe15e8dec5c66d60987040649347413 0df 6f48da0041d7915143f39773d8a1fb04d5750c962207f02f50817d5305d12.kcmsf (дата обращения: 19.06.2026). (На кор.)

References

Assman, A. (2014). Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika (The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Dogovor o vseob"emlyushchem strategicheskom partnerstve mezhdu Rossijskoj Federatsiej i Korejskoj Narodno-Demokraticheskoj Respublikoj [Comprehensive Strategic Partnership Agreement between the Russian Federation and the Democratic People's Republic of Korea] (2024). Ministerstvo inostrannykh del Rossijskoj Federatsii. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/ (accessed: 21 December, 2025). (In Russian)

Gyeongaehaneun Kim Jongundongjikkeseo uri nara jujae Rossiyaryeonbang daesagwaneul chukhabangmunhashiyeo hasin yeonseol [Respected Comrade Kim Jong Un Pays Congratulatory Visit to Russian Embassy in Pyongyang and Makes Speech] (05.10.2025) Rodong Sinmun. URL: http://rodong.rep.kp/ko/index.php?MTJAMjAyNS0wNS0xMC0wNDFAMUAxOEBAMEAyNThA== (accessed: 19 June, 2026). (In Korean)

Iz Rossii v KNDR otpravilsya pervyj turisticheskij poezd [The First Tourist Train Departed from Russia to the DPRK] (2025). RZhD. URL: https://dvzd.rzd.ru/ru/2205/page/104069?id=314079&ysclid=mjvl8rrtzi423407830 (accessed: 22.12.2025). (In Russian)

Joseon Rodongdang jungang gunsawi wiwonhoega Rossiya Yeonbangui Kursk jiyeok haebang jakjeone chamjeonhayeo yeongungjeok wihuneul seun Joseon Minjujuui Inmin Gonghwaguk muryeok jeontu gubundaedeuleul nopi pyeongga [WPK Central Military Commission Highly Praises Combat Sub-units of Armed Forces of DPRK for Performing Heroic Feats in Operations to Liberate Kursk Area of Russian Federation] (2025). KCNA. URL: http://www.kcna.kp/kp/article/q/520f9be9dfa8657c0a077ee1f62103543fe15e8dec5c66d609870406493 474130df6f48da0041d7915143f39 773d8a1fb04d5750c96220 7f02f50817d5305d12.kcmsf (accessed: 19 June, 2026). (In Korean)

Kim Chen Yn na 9 Maya prishel v posol'stvo Rossii s korzinoj tsvetov [Kim Jong-un Came to the Russian Embassy with a Basket of Flowers on May 9] (2025). RBK. URL: https://www.rbc.ru/politics/

09/05/2025/681dcbae9a79475d4fb0de87?ysclid=mjwwvoaps1760685843 (accessed: 22.12.2025). (In Russian)

Kim Chen Yn provel tseremoniyu zakladki memoriala v chest' podvigov v Kurskoj oblasti [Kim Jong-un Held a Ceremony for the Laying of a Memorial to the Feats in the Kursk Region] (2025). Kommersant. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7258507?ysclid=m8b8d5eovk164377832 (accessed: 22.12.2025). (In Russian)

Malinova, O. Yu. (2019). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoj politiki [The Politics of Memory as a Field of Symbolic Politics]. Metod, 9: 285—312. (In Russian)

Poezd Pobedy v KNDR [Victory Train to the DPRK] (2025). General'noe konsul'stvo Rossijskoj Federatsii v Chkhondzhine. URL: https://chondjin.mid.ru/ru/general-consulate/press-centre/news/poezd_pobedy_v_kndr/ (accessed: 22 December, 2025). (In Russian)

Poyavilos' video s voinami KNDR, poyushchimi "Katyushu" [Video Appeared of DPRK Soldiers Singing "Katyusha"] (2025). RG.RU. URL: https://rg.ru/2025/05/01/poiavilos-video-s-voinami-kndr-poiushchimi-katiushu.html?ysclid=mjvleizy5831551395 (accessed: 22.12.2025). (In Russian)

Rossiya Daesagwan seongwondeul gakjie inneun Ssoryeongun ginyeombideure kkotsongi jinjeong [Russian Embassy Members Visit Monuments to Soviet Army in Different Parts of DPRK] (2025). KCNA. URL: http://kcna.kp/ru/article/q/64e900f5bd0353837ca 02d7babcce3adb3ba96d1617baa6a8b5227b8a58c0f696a47505ba 5268fd7749c0fe11e4b24b4.kcmsf (accessed: 19 June, 2026). (In Korean)

Sabancheev, R. Yu. (2018). Kontseptsiya "mest pamyati" P'era Nora kak sposob istoricheskoj rekonstruktsii [Pierre Nora's Concept of "Places of Memory" as a Method of Historical Reconstruction]. Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke, 1(43): 33—38. (In Russian)

Sevast'yanova, Ya. V.; Efremenko, D. V. (2020). Sek'yuritizatsiya pamyati i dilemma mnemoniceskoj bezopasnosti [Securitization of Memory and the Dilemma of Mnemonic Security]. Politicheskaya nauka, 2: 66—86. DOI: 10.31249/poln/2020.02.03. (In Russian)

V Kurskoj oblasti poyavitsya pamyatnik voennym iz KNDR [A Monument to Servicemen from the DPRK Will Appear in Kursk Region] (2025). RIA Novosti. URL: https://ria.ru/20251210/pamyatnik-2060997691.html?ysclid=mjvlgff0un748548717 (accessed: 22.12.2025). (In Russian)

Wendt, A. (1992). Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics. International Organization, 46(2): 391—425.

Zavershena operatsiya po osvobozhdeniyu Kurskoj oblasti ot VSU [The Operation to Liberate Kursk Region from the AFU Has Been Completed] (2025). Interfax. URL: https://www.interfax.ru/russia/1022900 (accessed: 22.12.2025). (In Russian)

Zhiteli Primor'ya i eshche 21 regiona Rossii proshli marshem druzhby v KNDR [Residents of Primorye and 21 Other Russian Regions Held a Friendship March in the DPRK] (2025). Pravitel'stvo Primorskogo kraya. URL: https://primorsky.ru/news/310803/?ysclid=mjvlbnxcvv343694467 (accessed: 22.12.2025). (In Russian)

Поступила в редакцию: 07.02.2026 Принята к публикации: 10.04.2026
Received: 07.02.2026 Accepted: 10.04.2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.75.49.006

Б.В. Улезко

Строительство в КНДР Военно-морских сил дальней морской и океанской зоны

Аннотация. В статье исследовано строительство в КНДР Военно-морских сил для действий в отдаленных морских и океанских акваториях. Раскрыта история технического оснащения ВМС страны как многочисленных, но пригодных только для защиты прибрежных районов. Показано формирование программы строительства большого флота и роль в этом руководителя КНДР Ким Чен Ына. Освещены первые успехи в реализации программы в виде создания новых надводных и подводных кораблей. Сделан вывод, что в начале 2030-х годов КНДР будет иметь ВМС, соответствующие статусу мировой державы.

Ключевые слова: КНДР, военно-морские силы, кораблестроение, корвет, фрегат, эсминец, подводная лодка, ракеты, ядерное оружие, дальняя морская и океанская зона.

Автор: Улезко Борис Васильевич. Кандидат исторических наук, доцент, председатель Краснодарского отделения Российского общества интеллектуальной истории (адрес: 119334, г. Москва, ул. Ленинский проспект, 32А).
ORCID: 0009-0009-1991-8579. E-mail: bulezko@yandex.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Улезко Б.В. Строительство в КНДР Военно-морских сил дальней морской и океанской зоны // Корееведение. 2026. № 2 (15). С. 52—65. DOI: 10.48647/ICCA.2026.75.49.006.

B.V. Ulezko

Construction of a Naval Force in the DPRK in the Far-Range Maritime and Oceanic Zone

Abstract. This article examines the development of a naval force in the DPRK for operations in remote maritime and oceanic waters. It explores the history of the country's naval equipment, which is described as extensive but only suitable for coastal defense. It describes the formation of a large-scale naval construction program and the role of North Korean leader Kim Jong-un in this effort. The initial successes of the program, including the creation of new surface and submarine ships, are highlighted. It concludes that by the early 2030s, North Korea will have a navy commensurate with its status as a world power.

Keywords: DPRK, navy, shipbuilding, corvette, frigate, destroyer, submarine, missiles, nuclear weapons, distant maritime and oceanic zone.

Author: Boris Vasilyevich Ulezko, PhD in History, Associate Professor, Chairman of the Krasnodar Branch of the Russian Society for Intellectual History (address: 119334, Leninsky Prospekt 2A, Moscow, 119334). ORCID: 0009-0009-1991-8579.
E-mail: bulezko@yandex.ru

Conflict of Interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: B.V. Ulezko Stroitel'stvo v KNDR Voenno-morskih sil dal'nej morskoj i okeanskoj zony [Construction in DPRK a Naval Force for Operations in the Far-Range Maritime and Oceanic Zone] // Koreevedenie [Koreanology]. 2026. № 2 (15): 52—65. DOI: 10.48647/ICCA.2026.75.49.006.

Введение

IX съезд Трудовой партии Кореи (ТПК), прошедший в феврале 2026 г., подвел итоги развития КНДР в 2021—2025 гг. в экономике, социально-культурной и оборонной сферах, определил место и роль страны в формирующейся новой системе международных отношений. Принятая съездом пятилетняя программа развития вооруженных сил знаменует их переход к технологическому состоянию мирового уровня. Намечено повышение уровня боевой готовности ядерных сил и формирование объединённой системы реагирования на ядерный кризис. Пхеньян намерен параллельно развивать ядерные и конвенциональные вооружения: межконтинентальные баллистические ракетные комплексы наземного и подводного базирования, беспилотные ударные комплексы, системы радиоэлектронной борьбы и совершенные разведывательные спутники [Толорая Г.Д.].

Ранее российские авторы обращались к теме ВМС КНДР в контексте создания морского компонента стратегических ядерных сил страны [Баранникова А.О. Ядерные силы КНДР] [Лебедев В.] [Улезко Б.В. Создание морских стратегических ядерных сил КНДР...]. Цели написания данной статьи состоят в более широком исследовании истории северокорейского военного флота, развития его корабельного состава, выдвижения руководством КНДР установок по развитию ВМС, в показе последних достижений военной кораблестроительной программы страны. Рассмотрены цели формирования больших ВМС КНДР и их возможная миссия.

Что же представляет собой «большой военно-морской флот»? В СССР, а сейчас в России этот вид вооруженных сил именуется Военно-морским флотом (ВМФ), в других странах — Военно-морскими силами (ВМС). Его предназначение — решение стратегических и оперативных задач на океанских и морских театрах военных действий. Современные ВМС способны наносить ядерные удары по наземным объектам противника, поражать силы его флота в море и на военно-морских базах, нарушать океанские и морские перевозки, завоевывать господство в морских и океанских районах, помогать сухопутным войскам в осуществлении операций на континентальных театрах военных действий, защищать свои морские и океанские перевозки, высаживать морские десанты. ВМС решают свои задачи самостоятельно или совместно с другими видами вооружённых сил [Военно-Морской Флот].

Исходное состояние ВМС КНА

Перечисленные выше характеристики относятся к ВМС великих держав, но не могут быть применимы к военному флоту КНДР, каким он был до недавнего времени. Военно-морские силы Корейской Народной Армии (ВМС КНА) количественно — одни из крупнейших в мире — составляют 650—780 вымпелов. Их ведущий компонент — подводные лодки, самые массовые из которых — 45 единиц типа Сан-О и Сан-ОII подводным водоизмещением 370 т и 450 т соответственно, вооруженные четырьмя 533-мм торпедными аппаратами. Они предназначены для обороны прибрежных вод и осуществления операций спецназа против Южной Кореи. Главным средством подводной войны являются дизель-электрические подводные лодки (ДЭПЛ) типа 033 — китайская версия советского проекта 633, которые на Западе обозначаются как «Ромео». До 1995 г. из китайских машинокомплектов было собрано более 20 таких ДЭПЛ. При подводном водоизмещении 1830 т и подводной скорости 13 узлов их надводная дальность плавания составляет 9000 миль, они способны нести службу в океанской зоне. В начале 2010-х годов на верфи в Синпхо была построена подводная лодка типа Синпхо (западное обозначение), позже получившая название «8.24 Ёнгун» («Герои 24 августа»), поскольку 24 августа 2016 г. с ее борта была запущена баллистическая ракета KN-11 «Пуккыксон-1» («Полярная звезда-1»). Эта лодка — не боевая, а опытовая, предназначенная для испытаний оружия и оборудования. При водоизмещении 2000 т она несет одну баллистическую ракету [Мозговой А.].

Надводные корабли ВМС КНА, в отличие от подводных лодок, не привлекали к себе большого внимания. В основном — это ракетные, торпедные, противолодочные, десантные и патрульные катера советской или китайской постройки либо скопированные с советских или китайских образцов. Предпринимались в стране и попытки строить относительно крупные надводные корабли. В частности, в 1973—1983 гг. были введены в строй четыре легких фрегата класса «Наджин». Их водоизмещение составляет 1600 т, дизельные двигатели позволяют развивать ход 26 узлов, а дальность плавания достигает 4000 миль. На этих фрегатах появилось ракетное оружие: две спаренные пусковые установки ПКР «Термит». Корабли также несли разнообразное артиллерийской вооружение, два реактивных противолодочных бомбомета РБУ-1200 и глубинные бомбы. Фрегаты типа «Наджин» стали первыми кораблями КНДР, оснащенными гидроакустическими станциями (ГАС). К настоящему времени данные корабли устарели [Мозговой А.].

В начале 1980-х годов в ВМС КНДР поступил оригинальный фрегат-катамаран «Сохо». Водоизмещение корабля — 1640 т, два дизеля обеспечивали скорость до 23 узлов. Вооружение — четыре ПКР «Термит», артиллерийские комплексы, два противолодочных реактивных бомбомета и противолодочный вертолет. Единственный такой корабль находился в эксплуатации в 1982—2009 гг. [Фрегат «Soho»].

До недавнего времени ВМС КНДР ориентировались на тактику роя малых скоростных катеров, а не на способные действовать в открытом море мощные корабли. Такой подход отражал ограниченность ресурсов и доктринальный ак-

цент на асимметричных средствах, включая минные и торпедные атаки у Корейского полуострова. Ситуация стала меняться с началом строительства в 2010-х годах двух корветов класса «Нампхо». Эти корабли водоизмещением 1500 т, оснащенные дизельными двигателями, имеют современные сенсоры. Вооружение включает восемь ПКР «Кумсон-3», 76-мм универсальную артустановку «OTO Мелара М 62», две спаренные 30-мм автоматические пушки АК-230М, противолодочные реактивные бомбометы, два 533-мм двухтрубными торпедными аппарата и ЗРК малой дальности. Корабли имеют сниженную радиолокационную заметность [Корвет класса «Нампо»].

Главным достижением начала 2020-х годов стал корвет с бортовым номером 661, обозначенный на Западе как класс «Амнок». Водоизмещение корабля 1800—2000 т, длина около 80 м, архитектура соответствует требованиям малой радиолокационной заметности. Вооружение сочетает современные и устаревшие системы. В носовой части размещена 100-мм артустановка с ручным заряжанием. Однако второй корвет данного класса вместо нее получил 76-мм артустановку OTO «Мелара М 62». Также корабль вооружен восемью КР «Хвасаль-2», двумя шестиствольными 14,5-мм пулеметными установками, двумя шестиствольными 30-мм автоматами и ЗРК ближнего действия. Противолодочное вооружение представлено четырьмя РБУ-1200. Предполагается наличие двух двухтрубных 533-мм торпедных аппаратов. Помимо подкильной ГАС вероятно наличие буксируемой гидроакустической станции [Хонрада Габриэль]. Электронные средства «Амнок» разнообразны, но сочетают новые и старые системы. На мачте — набор радаров для обнаружения воздушных и морских целей, навигации и управления огнем. Имеются станции РЭБ и установки для отстрела тепловых ловушек. Дизельная энергоустановка корабля обеспечивает ход до 25—27 узлов [Мозговой А.].

Формулирование новых целей и задач

VIII съезд ТПК в январе 2021 г. принял программу экономической и военной модернизации страны, в частности определил курс на развитие ВМС. За три года была осуществлена модернизация кораблестроительного комплекса, разработаны новые проекты эсминцев и подводных лодок [Гундаров В.]. 29 августа 2023 г. Ким Чен Ын посетил командование ВМС КНА и выступил с программной речью о роли ВМС и перспективах их строительства. Он отметил, что, исходя из исторических и географических условий, быстро меняющихся тенденций военной стратегии и тактики, ВМС должны рассматриваться как комплексные боевые силы, оснащенные различными ударными средствами, в том числе ядерными [Лебедев В.].

6 сентября 2023 г. в Синпхо состоялась церемония спуска на воду первой переоборудованной дизель-электрической ракетной подводной лодки, получившей имя «Герой Ким Гун Ок». Председатель Ким Чен Ын на мероприятии, в частности, сказал: «Сейчас наши ВМС находятся на самой важной, ключевой стадии на пути своего развития. В прошедший период мы, в соответствии с миссией, ограниченной... обороной территориальных вод страны, также в отрасли промыш-

ленности подводных лодок прилагали главные усилия для того, чтобы создать в большом количестве подлодки малого размера и быстрого хода... Однако время изменилось до неузнаваемости. Изменились также и вооружения ВМС, форма боевых операций, наша воля. Впредь, в пределах 5—10 лет, должна быть эпоха обновления ВМС». Далее он отметил: «Теперь стоит вопрос: насколько быстро наши ВМС совершат свое ядерное перевооружение, когда будут в боевом размещении мощные ядерные подлодки — сегодня или завтра? От его решения зависит... осуществится ли в полной мере или останется номинальным право нашего государства на самозащиту на море, сохранится ли территориальная целостность и мир или нет? Исходя из этого, ЦК партии решил начать дело совершения переворота в сфере построения подлодок... В качестве первого выбора в этом направлении он избрал путь перестройки вооружений на борту имеющихся подлодок среднего размера и оснащения флота ядерными тактическими ударными ПЛ нашего образца» [Уважаемый и любимый товарищ Ким Чен Ын выступил...].

Первые результаты программы развития ВМС

Авторитетный эксперт Ванн Х. Ван Дипен сделал несколько выводов из представленной СМИ КНДР информации о подлодке «Герой Ким Гун Ок»:

- вероятно, это та самая ДЭПЛ, которая проходила модернизацию во время визита Ким Чен Ына в июле 2019 г. Тогда предполагалось, что субмарина будет оснащена тремя шахтами баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ). Но в дальнейшем были внесены значительные изменения;
- основные перемены коснулись размещения большего количества ракет. Ракетный отсек стал намного длиннее, он содержит четыре шахты для БРПЛ «Пуккыксон-3», а также шесть шахт для крылатых ракет «Хвасаль-2»;
- произошел сдвиг в миссии ПЛ — от стратегической к тактической. «Пуккыксон-3» и КР могут покрывать всю Южную Корею и Японию и американские базы на этих территориях. Переоборудование всех оставшиеся «Ромео» (до 19) в новую конфигурацию приведет к тому, что в будущем подводные силы КНДР будут иметь до 80 БРПЛ и 120 КР [Ван Дипен Ванн Х. Спящий проснулся...].

Значительно позднее, в конце января 2026 г., Ванн Х. Ван Дипен констатировал, что субмарина еще не прошла морские испытания, занимающие обычно 6—12 месяцев, и неясно, ведется ли в настоящее время переоборудование других ПЛ класса «Ромео» [Ванн Х. Ван Дипен. Оценка пятилетних усилий Северной Кореи...]. Российский эксперт Владимир Гундаров в связи с таким «застоем» предположил, что модернизация старых ДЭПЛ под современное ракетное вооружение зашла в тупик, поэтому военно-политическое руководство страны пересмотрело свои взгляды на «стратегию низких затрат и высоких технологий» в пользу развития атомного подводного кораблестроения [Гундаров В.].

25 апреля 2025 г. КНДР спустила на воду свой самый современный и крупный надводный боевой корабль — ракетный эсминец «Чхве Хён». Мероприятие, в котором участвовал Ким Чен Ын, состоялось в Нампхо. Корабль получил бортовой номер 51. «Всего лишь за 400 с лишним дней построен современный эсми-

нец исключительно за счет наших собственных сил и технологий», — подчеркивалось в репортаже ЦТАК. Темпы строительства действительно рекордные. КНДР смело строит одновременно на двух верфях два корабля, игнорируя возможные трудности, часто преследующие на первых порах новаторское дело. Неотработанность технологии поперечного спуска со стапеля на Чхонджинской верфи второго эсминца класса «Чхве Хён», получившего имя «Кан Гон» (бортовой номер 52), привела, как известно, 21 мая 2025 г. к серьезному инциденту. Корабль упал в воду боком, когда спусковой механизм заклинило, оставив носовую часть эсминца все еще прикрепленной. К счастью, трагедии не произошло ни для корабля, ни для флота в целом [Гундаров В.]. Корабль был повторно торжественно передан флоту 12 июня 2025 г. на верфи Чхонджин. [Уильямс Мартин, Маковски Питер, Раньоне Илиана. Краткий обзор...].

Корабль имеет водоизмещение 5000 т и длину около 144 м. Представляющий собой многоцелевую платформу, эсминец оснащён установками вертикального пуска (УВП) с ячейками для зенитных и крылатых ракет (число ячеек в дальнейшем менялось), главным орудием калибра 127 мм, системами ближнего боя, обладает противолодочными возможностями, комплексом радиоэлектронной борьбы и палубой для вертолёта или БПЛА [Эсминец класса Choe Hyon].

Освоение технологии строительства эсминцев одновременно на двух верфях указывает на наличие у Пхеньяна большой кораблестроительной программы, что подтверждается закладкой 21 июля 2025 г. на Нампхоской верфи третьего корабля. Надо полагать, что и на Чхонджинской верфи строительство продолжится. Особенностью северокорейского кораблестроения стало отсутствие этапа достройки корабля на плаву. «Чхве Хён» сошел со стапеля, вероятно, в полностью завершенном виде и с 28 апреля 2025 г. в течение двух суток выполнил пуски сверхзвуковых крылатых, стратегических крылатых и зенитных ракет и стрельбу из 127-мм автоматической пушки. Испытания комплекса вооружения на третий день после спуска корабля на воду и ракетные стрельбы вблизи достроечного причала — это нечто невиданное [Гундаров В.]. Ходовые испытания эсминца в Жёлтом море, начавшиеся весной 2025 г., были сосредоточены на вопросах надежности силовой установки, манёвренности на высоких скоростях и совместимости элементов электронного комплекса в реальных морских условиях. Государственные отчеты КНДР утверждают, что корабль достиг устойчивых скоростей более 30 узлов, при этом отказов силовой установки не наблюдалось, что объясняется совершенством отечественных газовых турбин [Эсминец класса Choe Hyon].

Реакция на сенсационное событие со стороны международных военно-морских экспертов была быстрой. Одними из первых дали свои оценки Димитрис Мицопулос и Алекс Лак в совместной публикации. Со ссылкой на государственные СМИ КНДР эксперты отметили, что на тот момент «Чхве Хён» имел четыре типа установок вертикального пуска (УВП) управляемых ракет. Общее количество боеприпасов, содержащихся в УВП, составляло 74. В носовой части расположены 32 небольшие ячейки, предположительно для ЗРК малой и средней дальности. Впереди мостика находятся 12 ячеек среднего размера, вероятно для крылатых ракет. В кормовой части корабля восемь ячеек среднего размера, таких же, как 12 носовых ячеек, за ними находятся еще 12 меньших ячеек, предположи-

тельно для зенитных ракет. Все УВП предназначены для холодного старта, что делает их легкими и компактными. Кроме того, корабль несет еще восемь противокорабельных ракет «Кумсон-3» в пусковых установках надстройки и два двухтрубных торпедных аппарата. Имеются и эффективные системы самообороны: две 30-мм автоматические пушки типа АК-630 и зенитный ракетно-артиллерийский комплекс малой дальности «Панцирь М» с двумя счетверенными пусковыми установками и двумя автоматическими пушками. Эсминец несет мощную главную РЛС кругового обзора с электронным сканированием. На мачте размещен комплекс поисковых и навигационных радаров. Вокруг надстройки расположено оборудование для постановки помех, а в носовой части корабля установлен гидролокатор [Мицопулос Димитрис, Лак Алекс].

Через несколько месяцев после спуска на воду ракетный эсминец «Чхве Хён» вновь появился в поле зрения специалистов. Он был продемонстрирован во время церемонии открытия выставки «Оборонное развитие 2025» 5 октября 2025 г. На борту корабля, который посетил лидер КНДР, зафиксировано несколько изменений в вооружении и электронном комплексе. Более того, на официальных изображениях были видны фрагменты внутреннего устройства (очень современного), включая боевой информационный центр, мостик, жилые помещения для экипажа и др. Были замечены изменения в конфигурации корабельной системы вертикального пуска ракет. Носовая УВП, ранее включавшая 32 пусковые ячейки малого диаметра, теперь состояла из 12 более крупных ячеек, идентичных установленным в кормовой части. Кормовая УВП также была переработана, большие ячейки для баллистических ракет заменены на пусковую установку, аналогичную носовой. В результате общее количество ячеек всех УВП было сокращено с 74 до 68. Изменились и некоторые другие системы. Октябрьская фотография показывает корабль с двумя более современными автоматическими шестиствольными пушками тип 730 вместо АК-630. По бортам корабля установлено восемь 14,5-мм пулеметов КПВТ [Мицопулос Димитрис. Новый эсминец Северной Кореи...].

В начале марта 2026 г. лидер КНДР вновь посетил эсминец «Чхве Хён», вступивший в заключительную фазу испытаний. Зарубежные наблюдатели отметили очередные перемены в основном вооружении корабля. Теперь он оснащен 24 УВП в носовой части и 64 — в кормовой, в общей сложности, это 88 установок вертикального пуска ракет — крылатых и зенитных. Ким Чен Ын 4 марта наблюдал за испытательным запуском стратегических КР с нового корабля [ВМС КНДР. 5 марта 2026...]. 10 марта 2026 г. с эсминца «Чхве Хён» был произведен очередной пуск стратегических КР (шесть ракет за 20 секунд), которые точно поразили намеченные цели. Ким Чен Ын дал распоряжение пересмотреть набор вооружений для следующей серии эсминцев. Он предложил рассмотреть эффективность палубной автоматической артустановки корабля и высказал мнение, что выгодней оснащать такими установками скоростные корабли водоизмещением не более 3 тыс. т, а на эсминцах водоизмещением 5 тыс. и 8 тыс. т желательно вместо них установить сверхзвуковые ракетные вооружения. Ким Чен Ын распорядился реализовать такой набор систем вооружения, для начала, при сооружении третьего эсминца [Эсминец «Чхве Хён» выполнил испытательный пуск...].

Презентация северокорейской ПЛАРБ

24 декабря 2025 г. агентство ЦТАК сообщило, что северокорейский лидер Ким Чен Ын посетил верфь в городе Синпхо, где завершаются работы по созданию первой атомной подводной лодки с баллистическими ракетами (ПЛАРБ). Судя по представленным заявлениям и фотографиям, подводная лодка водоизмещением 8700 т полностью сформирована: все ключевые компоненты силовой установки и системы вооружения заняли свои места в корпусе. Корабль обладает массивным ракетным отсеком, в котором размещено 10 ракетных шахт. В носовой части расположено шесть торпедных аппаратов. С учетом неограниченной автономности атомного флота, КНДР получит возможность действовать скрытно в любой точке мирового океана, что качественно усилит потенциал ее ответного удара [С новыми навыками...].

Атомные подводные лодки обладают преимуществом перед ДЭПЛ в способности оставаться под водой в течение длительного времени, поэтому являются самой живучей частью любой ядерной триады. Россия, США, Франция, Британия и КНР имеют ПЛАРБ, поскольку, если военная держава претендует на глобальное влияние, они ей необходимы. Из-за своих размеров Северная Корея обычно не относится к числу глобальных военных держав, однако развивается она именно в таком направлении. Очевидный факт: спустя чуть более года после объявления о строительстве атомной подводной лодки Пхеньяну удалось построить свою первую ПЛАРБ. Способность США угрожать стратегическому арсеналу Северной Кореи будет девальвирована с появлением у последней атомных подводных лодок [Боснич Драго]. Северокорейская ПЛАРБ, по экспертным оценкам, будет спущена на воду к 2028 г. [Кирьянов О.].

Для оценки возможностей северокорейской ПЛАРБ мы провели простейший подсчет. Американская ПЛАРБ класса «Огайо» имеет подводное водоизмещение 18 750 т [Подводные лодки типа Ohio]. На ней размещены 24 БРПЛ «Трайдент 2», каждая из которых весит 57,5 т [Баллистическая ракета подводных лодок...]. В сумме это 1380 т., или 7,36 % от водоизмещения субмарины. Водоизмещение северокорейской ПЛАРБ — 8700 т., а 7,36 % от него составляют 640,32 т. Ракетных шахт на данной ПЛАРБ насчитывается 10, то есть 10 условных ракет по 64,32 т. Таким образом, на субмарине комфортно разместятся 10 БРПЛ, сопоставимых с «Трайдент 2», они будут иметь межконтинентальную дальность и оснащаться разделяющимися головными частями индивидуального наведения. На строительство серии из 5—6 ПЛАРБ Северной Корее понадобится, вероятно, около десяти лет.

О недалеком будущем ВМС КНДР

Руководитель КНДР Ким Чен Ын в марте 2026 г. объявил график строительства кораблей, позволяющий ВМС страны сформировать к началу 2030-х годов пятый в мире по численности флот эсминцев. Ежегодно планируется спуск на воду двух боевых кораблей класса «Чхве Хён» или более крупных, водоизмещением 8000 т. С двумя кораблями, уже спущенными на воду, ВМС КНДР к 2032 г.

будут эксплуатировать 12 эсминцев. В настоящее время всего четыре страны имеют 12 и более эсминцев: США — 73, КНР — 57, Япония — 40, и Южная Корея — 13. Флот из 12 эсминцев позволит ВМС КНДР обогнать Индию, которая имеет 11 подобных кораблей, Францию — 10, Россию — 9 и Великобританию — 6. Наличие у КНДР такого количества эсминцев особенно значимо, учитывая высокие боевые возможности класса «Чхве Хён» и ограниченные возможности эсминцев многих других флотов. Россия, например, не заложила ни одного надводного боевого корабля крупнее фрегата с момента распада СССР, а ее эсминцы постройки 1970—1980-х годов (проект 956) уже устарели. Франция и Великобритания используют корабли с ограниченной боеспособностью, каждый из которых располагает 48 УВП и лишен многоцелевых возможностей, характерных для эсминцев США, Китая, Японии и Южной Кореи. Северная Корея, подобно Китаю и Южной Корее, последовательно оправдывала ожидания в деле военной модернизации. Поскольку Ким Чен Ын представил программу строительства эсминцев как часть усилий по «правильной реализации гигантского плана повышения боевой мощи надводных боевых кораблей», превращение ВМС КНДР в одну из ведущих мировых морских сил будет соответствовать тенденциям повышения статуса Северной Кореи как мировой державы [К 2032 году Северная Корея...].

Редакция журнала Military Watch считает показательным тот факт, что верфи КНДР обогнали верфи США по количеству строящихся эсминцев. Ким Чен Ын в начале марта 2026 г. подтвердил, что в настоящее время разрабатывается более крупный эсминец водоизмещением 8000 т, являющийся частью программы строительства ещё 10 эсминцев в ближайшие пять лет. Эти корабли станут большими ракетными платформами с более чем 120 ячейками УВП [Северная Корея только что обогнала США...].

Строительство большого Военно-морского флота КНДР вызывает ряд вопросов и предположений, без разъяснения которых непонятно, какой именно флот будет построен. Прежде всего, необходимо иметь представление о его миссии. Например, флот может предназначаться для демонстрации флага на морских и океанских пространствах в целях повышения международного престижа государства. Несомненно, такая задача перед ВМС КНДР будет стоять, но главной она не станет. Главной будет та, которая стоит перед военными флотами великих держав — проецирование военной силы на большие расстояния. Однако в настоящее время КНДР — «малая великая держава» [Pekka Korhonen and Tomoomi Mori], и ее возможности к началу будущего десятилетия останутся относительно скромными. Для такой страны проецирование силы на большие расстояния будет возможно — локальное, временное и ситуативное.

Для решения данной задачи КНДР должна создать мощные, сбалансированные и многофункциональные ВМС. Представляется необходимым повышение противолодочных и противовоздушных возможностей ВМС страны, в частности, за счет создания специализированных боевых кораблей. Корабли, предназначенные для ПВО и ПРО корабельных группировок, будут оснащены ЗРК большой дальности, а противолодочные корабли получат вертолеты. Для переброски ограниченных войсковых контингентов в виде, например, бригады войск специаль-

ного назначения со средствами огневой поддержки и ПВО, будут созданы транспортно-десантные корабли, возможно — на базе скоростных гражданских судов.

Полноценная корабельная группировка нуждается в универсальных судах снабжения. Использование для этой цели переоборудованных гражданских судов — наиболее вероятный вариант. Для обеспечения ситуационной осведомленности корабельных группировок необходимо наличие кораблей разведки и целеуказания. Они должны быть оснащены загоризонтными РЛС и средствами радиоэлектронной разведки. Другие корабли должны обеспечивать взлет и посадку больших БПЛА, приспособленных для решения, хотя бы ограниченно, задач дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛОиУ).

В составе корабельной группировки, «проецирующей силу» в условиях отсутствия у КНДР на ближайшую перспективу многоцелевых авианосцев, станет корабль-арсенал, или «носитель оружия», оснащенный большим количеством крылатых ракет и дронов-камикадзе, в том числе с ядерными боеголовками. Такой корабль будет центром корабельной группировки, подобно тому, как авианосец является центром авианосной ударной группы. Базой для строительства таких кораблей послужат скоростные гражданские суда типа контейнеровозов, ролкеров и др.

У северокорейских ВМС есть проблема, не связанная с корабельным составом, но крайне серьезная. Взаимодействие флотов Восточного и Западного морей затруднено в мирное время, а в условиях войны станет совершенно невозможным. Перемещения кораблей через проливы между Японией и Южной Кореей в условиях господства там 7-го флота США, ВМС Японии и Южной Кореи будет исключено. Решение проблемы может состоять только в реализации давнего проекта Транскорейского канала. Идея строительства канала, соединяющего Восточное и Западное моря, была в 1950-х годах предложена первым руководителем страны Ким Ир Сеном. Позже в Университете имени Ким Ир Сена была организована исследовательская группа для разработки проектов строительства, и в декабре 1973 г. был принят комплексный проект сооружения канала. В 1980-х годах в рамках Западноморского гидрокомплекса плотина в Западном море и плотина Мирим на р. Тэдон были построены в соответствии с данным проектом. 8 сентября 2022 г. председатель Ким Чен Ын в программной речи на 7-й сессии Верховного народного собрания КНДР 14-го созыва поставил задачу вернуться к строительству канала, соединяющего Восточное и Западное моря [Ким Кён Хён].

Приведенные в данной статье факты позволяют сделать несколько выводов:

1. До недавнего времени ВМС КНА представляли собой многочисленный флот катеров и малых боевых и вспомогательных кораблей, предназначенный для обороны побережья КНДР. В нем наличествовали и вкрапления элементов, характерных для большого морского флота: несколько легких фрегатов, средние дизель-электрические подлодки дальней морской зоны. Однако эти элементы не меняли общего характера ВМС как прибрежных, или «флота жёлтой воды».

2. Программа строительства большого флота морской и океанской зоны («флота голубой воды») была выработана в 2021—2026 гг. и обнародована, прежде всего, в выступлениях председателя Ким Чен Ына. Это обстоятельство демон-

стрирует, что он принял на себя личную ответственности за ход и результаты программы. Необходимость для КНДР строительства большого морского и океанского флота вытекает, *во-первых*, из потребности обеспечения национальной безопасности; *во-вторых* — из уже сложившегося у руководства и народа КНДР представления о своей стране как державе, участвующей в утверждении нового мирового порядка.

3. Программа строительства мощных ВМС начала реализовываться даже раньше, чем была официально провозглашена. Прелюдией послужил ввод в состав ВМС КНА четырех новых больших корветов двух классов, а затем — создание головной ДЭПЛ с ракетно-ядерным оружием. Непосредственно в рамках выполнения программы достигнуты первые впечатляющие успехи. В исключительно быстром темпе началось строительство большой серии ракетных эсминцев, современных по архитектуре и мощных по вооружению. Близка к завершению головная ПЛАРБ.

4. У автора статьи нет сомнений, что в начале следующего десятилетия КНДР будет иметь большой морской и океанский флот. Вероятно, даже несколько раньше не будут вызывать удивления сообщения СМИ типа: «Корабельная группировка ВМС Северной Кореи проводит учения в нейтральных водах Тихого океана на траверзе Сан-Диего».

Библиографический список

Баллистическая ракета подводных лодок Trident-2 D5. URL: https://missilery.info/missile/trident2 (дата обращения: 25.03.2025).

Баранникова А.О. Ядерные силы КНДР: диада или альтернативная триада? Россия в глобальной политике. 29.01.2024. URL: https://globalaf- fairs.ru/articles/yadernye-sily-kndr/?ysclid=m7gffwzxp6765534551 (дата обращения: 25.03.2025).

Боснич Драго: Ким Чен Ын покажет Штатам «фигу в океане». 28 декабря 2025. URL: https://svpressa.ru/war21/article/496834/ (дата обращения: 25.03.2025).

Ван Дипен Ванн Х. Спящий проснулся: шесть ключевых выводов из развертывания северокорейской «тактической атомной ударной подводной лодки». 11 сентября 2023. URL: https://www.38north.org/2023/09/the-sleeper-has-awakened-six-key-takeaways-from-the-roll-out-of-north-koreas-tactical-nuclear-attack-submarine/ (дата обращения: 25.03.2025)

Ван Дипен Ванн Х. Оценка пятилетних усилий Северной Кореи по разработке 13 новых ядерных и ракетных систем. 30 января 2026 г. URL: https://www.38north.org/2026/01/assessing-north-koreas-five-year-effort-to-develop-13-new-nuclear-and-missile-systems/ (дата обращения: 20.03.2025).

ВМС КНДР. 5 марта 2026. URL: https://forums.airbase.ru/2026/02/t36422_114--vms-kndr.html (дата обращения: 20.03.2025).

Военно-Морской Флот // Военный энциклопедический словарь / под ред. А.П. Горкина. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2001. Т. 1. С. 315—317.

Гундаров В. Новый флот эпохи Ким Чен Ына. Кораблестроительная программа Пхеньяна выведет чучхейские ВМС в дальнюю морскую зону и добавит им ударной мощи. 16 сентября 2025. URL: https://armystandard.ru/news/2025916945-WCKJ2.html (дата обращения: 20.03.2025).

Ким Кён Хён. Грандиозный план по соединению Восточного и Западного морей Кореи, намеченный во время войны. 26.06.2023. URL: http://www.ryongnamsan.edu.kp/univ/en/leadership/502e4a16930e414107ee22b6198c578f (дата обращения: 20.03.2025).

Кирьянов О. КНДР показала свою атомную подлодку — что из этого вынесли эксперты Южной Кореи. 27 декабря 2025. URL: https://olegkir2002.livejournal.com/145892.html (дата обращения: 21.03.2025).

Корвет класса Нампо. URL: https://grokipedia.com/page/Nampo-class_corvette (дата обращения: 17.03.2025).

К 2032 году Северная Корея выставит пятый по величине флот эсминцев в мире, обойдя Россию, Францию и Великобританию // Редакция журнала Military Watch. 8 марта 2026. URL: https://militarywatchmagazine.com/article/nkorea-world-fifth-destroyer-fleet (дата обращения: 17.03.2025).

Лебедев В. Ядерные силы КНДР: морская компонента. 6 октября 2023. URL: https://oborona.ru/product/lebedev-vitalij/yadernye-sily-kndr-morskaya-komponenta-45098.shtml (дата обращения: 10.03.2025).

Мицопулос Димитрис, *Лак Алекс*. Северная Корея ввела в строй тяжеловооруженный ракетный эсминец «Чхве Хён». 28.04.2025. URL: https://www.navalnews.com/naval-news/2025/04/heavily-armed-missile-destroyer-joins-north-korean-navy/ (дата обращения: 20.03.2025).

Мицопулос Димитрис. Новый эсминец Северной Кореи возрождается с серьезными модификациями. 07.10.2025. URL: https://www.navalnews.com/naval-news/2025/10/north-koreas-new-missile-destroyer-reemerges-with-major-upgrades/ (дата обращения: 10.03.2025).

Мозговой А. Суперкорабль Ким Чен Ына. Национальная оборона. 16 июня 2025. URL: https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/superkorabl-kim-chen-yna-47053.shtml (дата обращения: 10.03.2025).

Подводные лодки типа Ohio // Энциклопедия военной техники. URL: https://war-book.ru/podvodnye-lodki-tipa-ohio/ (дата обращения: 10.03.2025).

Северная Корея только что обогнала США по темпам строительства эсминцев, поскольку начинают реализовываться планы по созданию ВМС дальних морей // Редакция журнала Military Watch. 15 марта 2026 г. URL: https://militarywatchmagazine.com/article/nkorea-overtook-us-destroyer-construction (дата обращения: 20.03.2025).

С новыми навыками: армия КНДР ускорила масштабное перевооружение. 27.12.2025. URL: https://iz.ru/en/node/2015903 (дата обращения: 10.03.2025).

Толорая *Г.Д.* Девятый съезд ТПК: институционализация новой государственной идентичности КНДР и выводы для России. 06.03.2026. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/devyatyy-sezd-tpk/ (дата обращения: 21.03.2025).

Уважаемый и любимый товарищ Ким Чен Ын выступил с приветственной речью на церемонии спуска на воду новопостроенной подлодки. Сайт «Группа солидарности с КНДР". URL: https://vk.com/club34486042 (дата обращения: 21.03.2025).

Уильямс *Мартин,* Маковски *Питер, Раньоне* Илиана. Краткий обзор: северокорейский военный корабль наконец-то спущен на воду. 5 июня 2025. URL: https://www.38north.org/2025/06/quick-take-north-korean-warship-has-finally-launched/ (дата обращения: 21.03.2025).

Улезко Б.В. Создание морских стратегических ядерных сил КНДР в контексте исторического опыта флотов великих держав // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. Вып. 30. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2022. С. 35—45.

Фрегат Soho. URL: https://war-book.ru/fregati-tipa-soho/ (дата обращения: 21.03.2025).

Хонрада Габриэль. Новый корабль 661 Северной Кореи достигает ядерной точки. 24 августа 2023 г. URL: https://asiatimes.com/2023/08/n-koreas-new-661-ship-makes-a-nuclear-tipped-point/ (дата обращения:19.03.2025).

Эсминец класса Choe Hyon. URL: https://grokipedia.com/page/choe_hyon_class_destroyer (дата обращения:19.03.2025).

Эсминец «Чхве Хён» выполнил испытательный пуск стратегических крылатых ракет. Атомное Чучхе. 11 марта 2026. URL: https://tgstat.ru/channel/@nucdprk (дата обращения: 24.03.2025).

Pekka Korhonen and Tomoomi Mori. North Korea as a Small Great Power // The Asia-Pacific journal: Japan focus. Analysis of the forces shaping the Asia-Pacific and the world. March 1, 2019. Vol. 17. Is. 5. N 2. Article ID 5255. URL: https://apjjf.org/2019/05/Korhonen.html (дата обращения: 02.03.2026).

Bibliography

Barannikova, A. (2025). Nuclear Strategy of the DPRK in Modern Conditions. *Journal for Peace and Nuclear Disarmament,* 1—18. URL: https://doi.org/10.1080/25751654.2025.2475569 (accessed: 25.03.2025).

Barannikova, A.O. North Korea's Nuclear Forces: Dyad or Alternative Triad? *Russia in Global Politics*. January 29, 2024. URL: https://globalaf-fairs.ru/articles/yadernye-sily-kndr/?ysclid=m7gffwzxp6765534551 (accessed: 25.03.2025).

Bosnic Drago. Kim Jong-un will show the US “a fig in the ocean”. December 28, 2025. URL: https://svpressa.ru/war21/article/496834/ (accessed: 25.03.2025).

By 2032, North Korea will field the fifth-largest destroyer fleet in the world, surpassing Russia, France, and the United Kingdom // Editorial Board of Military Watch magazine. March 8, 2026. URL: https://militarywatchmagazine.com/article/nkorea-world-fifth-destroyer-fleet (accessed: 17.03.2025).

Dear and beloved comrade Kim Jong-un delivered a welcoming speech at the launching ceremony of the newly built submarine // DPRK Solidarity Group. URL: https://vk.com/club34486042 (accessed: 21.03.2025).

DPRK Navy. March 5, 2026. URL: https://forums.airbase.ru/2026/02/t36422_114--vms-kndr.html (accessed: 20.03.2025).

Gundarov V. A New Fleet in the Kim Jong-un Era: Pyongyang’s Shipbuilding Program Will Extend the Juche Navy to the Far Sea Zone and Add Strike Power. September 16, 2025. URL: https://armystandard.ru/news/2025916945-WCKJ2.html (accessed: 20.03.2025).

Kim Kyong-hyun. A grandiose plan to connect Korea’s East and West Seas, outlined during the war. 2023.06.26. URL: http://www.ryongnamsan.edu.kp/univ/en/leadership/502e4a16930e414107ee22b6198c578f (accessed: 20.03.2025).

Kiryanov O. The DPRK unveiled its nuclear submarine — what South Korean experts learned from this. December 27, 2025. URL: https://olegkir2002.livejournal.com/145892.html (accessed: 21.03.2025).

Lebedev V. North Korea's Nuclear Forces: Naval Component. October 6, 2023. URL: https://oborona.ru/product/lebedev-vitalij/yadernye-sily-kndr-morskaya-komponenta-45098.shtml (accessed: 10.03.2025).

Mitsopoulos Dimitris, Lak Alex. North Korea commissions heavily armed guided missile destroyer Choe Hyon. April 28, 2025. URL: https://www.navalnews.com/naval-news/2025/04/heavily-armed-missile-destroyer-joins-north-korean-navy/ (accessed: 20.03.2025).

Mitsopoulos Dimitris. North Korea's new destroyer is being reborn with major upgrades. July 10, 2025. URL: https://www.navalnews.com/naval-news/2025/10/north-koreas-new-missile-destroyer-reemerges-with-major-upgrades/ (accessed: 10.03.2025).

Mozgovoy A. Kim Jong-un's Supership. National Defense. June 16, 2025. URL: https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/superkorabl-kim-chen-yna-47053.shtml (accessed: 10.03.2025).

Nampo-class corvette. URL: https://grokipedia.com/page/Nampo-class_corvette (accessed: 17.03.2025).

Navy // Military Encyclopedic Dictionary / Ed. Gorkina, A.P. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Encyclopedia, 2001. Vol. 1. Pp. 315—317.

North Korea just overtook the US in destroyer construction as plans for a deep-sea navy begin to materialize // Editorial Board of Military Watch. March 15, 2026. URL: https://militarywatchmagazine.com/article/nkorea-overtook-us-destroyer-construction (accessed: 20.03.2025).

Ohio-class submarines // Encyclopedia of military equipment. URL: https://war-book.ru/podvodnye-lodki-tipa-ohio/ (accessed: 10.03.2025).

Pekka Korhonen and Tomoomi Mori. North Korea as a Small Great Power // The Asia-Pacific journal: Japan focus. Analysis of the forces shaping the Asia-Pacific and the world (accessed: 02.03.2025).

Toloraya, G.D. The Ninth Congress of the Workers' Party of Korea: Institutionalization of the DPRK's New State Identity and Conclusions for Russia. March 6, 2026. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/devyatyy-sezd-tpk/ (accessed: 21.03.2025).

Trident-2 D5 Submarine-Launched Ballistic Missile. URL: https://missilery.info/missile/trident2 (accessed: 25.03.2025).

Ulezko B.V. Creation of the DPRK naval strategic nuclear forces in the context of the historical experience of the fleets of the great powers // Social and humanitarian bulletin: All-Russian collection of scientific papers. Issue 30. Barnaul: IP Kolmogorov I.A., 2022. P. 35—45

Wan Diepen Vann H. An Assessment of North Korea's Five-Year Efforts to Develop 13 New Nuclear and Missile Systems. January 30, 2026. URL: https://www.38north.org/2026/01/assessing-north-koreas-five-year-effort-to-develop-13-new-nuclear-and-missile-systems/ (accessed: 20.03.2025).

Wan Diepen Vann H. The Sleeper Has Awakened: Six Key Takeaways from the Deployment of North Korea's "Tactical Nuclear Attack Submarine". September 11, 2023. URL: https://www.38north.org/2023/09/the-sleeper-has-awakened-six-key-takeaways-from-the-roll-out-of-north-koreas-tactical-nuclear-attack-submarine/ (accessed: 25.03.2025).

Williams Martin, Makovsky Peter, Ragnone Iliana. Brief overview: North Korean (accessed: 21.03.2025).

With new skills: the DPRK army accelerated large-scale rearmament. December 27, 2025. URL: https://iz.ru/en/node/2015903 (accessed: 10.03.2025).

Поступила в редакцию: 07.02.2026 Принята к публикации: 20.05.2026
Received: 07.02.2026 Accepted: 20.05.2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.99.23.007

И.С. Романова

«Описание Кореи» 1900 года: к 125-летию выхода трехтомника

Аннотация. Статья приурочена к 125-летию выхода в свет трехтомного «Описания Кореи» (СПб.: Министерство финансов Российской империи, 1900), одного из ключевых трудов дореволюционного российского корееведения. Цель исследования — представить содержание и структуру издания, его источниковую базу, контекст создания и состав авторского коллектива. Особое внимание уделено вкладу в работу Д.М. Позднеева, Н.В. Кюнера и В.Л. Котвича и других специалистов, а также характеристике содержания трех томов и использованных в них источников. Отдельный раздел посвящен издательской судьбе «Описания Кореи» в XX в., его переизданиям и переводам, а также современной российской и корейской историографии, в которой трехтомник продолжает использоваться как важный справочный и источниковедческий ресурс по истории, экономике и культуре Кореи конца XIX — начала XX в., что подчеркивает его неугасающую актуальность. Научная новизна работы состоит в систематическом введении в отечественный научный оборот новейших корейских исследований «Описания Кореи» 2020-х годов и в первом комплексном рассмотрении трехтомника как самостоятельного объекта исследования на русском языке.

Ключевые слова: «Описания Кореи» (1900), российское корееведение, Министерство финансов Российской империи, Н.В. Кюнер, В.Л. Котвич, история Кореи конца XIX — начала XX в., корейская историография.

Автор: Романова Ия Станиславовна, независимый исследователь.
ORCID: 0000-0002-8405-9813. E-mail: romiyasta@yandex.ru

Благодарности: Автор выражает искреннюю благодарность Т.М. Симбирцевой за ценные комментарии и конструктивные замечания, позволившие существенно доработать текст.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Романова И.С. «Описание Кореи» 1900 года: к 125-летию выхода трехтомника // Кореeведение. 2026. № 2 (15). С. 66—82.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.99.23.007.

I.S. Romanova

"Description of Korea" (1900): On the 125th Anniversary of the Three-Volume Edition

Abstract. This article is dedicated to the 125th anniversary of the publication of the three-volume *Description of Korea* (St. Petersburg: Ministry of Finance of the Russian Empire, 1900), one of the key works of pre-revolutionary Russian Korean studies. The purpose of the study is to present the content and structure of the edition, its source base, the context of its creation, and the composition of the authorship team. Special attention is given to the contributions of D.M. Pozdneev, N.V. Kyuner, V.L. Kotvich, and other specialists, as well as to the characterization of the content of the three volumes and the sources used therein. A separate section is devoted to the publishing history of *Description of Korea* in the 20th century, its reprints and translations, and to contemporary Russian and Korean historiography, where the three-volume work continues to be used as an important reference and source-critical resource on the history, economy, and culture of Korea in the late 19th — early 20th centuries, highlighting its enduring relevance. The scientific novelty of the work lies in the systematic introduction of the Korean-language historiography of Description of Korea of the 2020s into the domestic scholarly circulation, and in the first comprehensive examination of the three-volume edition as an independent research object in Russian-language studies.

Keywords: Description of Korea (1900), Russian Korean studies, Ministry of Finance of the Russian Empire, N.V. Kyuner, V.L. Kotvich, history of Korea in the late 19th — early 20th centuries, Korean historiography.

Author: Iya Stanislavovna Romanova, Independent Researcher.
ORCID: 0000-0002-8405-9813. E-mail: romiyasta@yandex.ru

Acknowledgments: The author expresses sincere gratitude to T.M. Simbirtseva for valuable comments and constructive suggestions, which allowed for substantial improvement of the text.

Conflict of Interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Romanova I. S. «Opisanie Korei» 1900 goda: k 125-letiyu vyhoda trehtomnika ["Description of Korea" of 1900: to the 125th anniversary of the publication of the three-volume work]. Koreevedenie [Koreanology], 2026, 2 (14): 66—82. DOI: 10.48647/ICCA.2026.99.23.007.

Введение

В 2025 г. исполнилось 125 лет со дня выпуска одного из самых значительных трудов в истории российского корееведения — трехтомного энциклопедического справочника «Описание Кореи». Этот труд, подготовленный в Канцелярии Министерства финансов Российской империи и изданный в Санкт-Петербурге в 1900 г., насчитывает 1256 страниц и во многом стал не только вершиной дореволюционного корееведения, но и одним из фундаментальных оснований современного отечественного корееведения, каким мы его знаем сегодня.

Известный историк и библиограф корееведения Л.Р. Концевич охарактеризовал «Описание Кореи» «высшим достижением традиционного корееведения в царской России, не имевшим аналогов на Западе» [Концевич, 2003],

а А.Н. Ланьков — «венцом дореволюционного кореесведения» (*the crowning achievement of pre-revolutionary Korean Studies*) [Lankov, 2014, p. 24]. Каковы же достоинства трехтомника?

Во-первых, это энциклопедический охват. Труд последовательно описывает историю, географию, климат, население, религию, язык и литературу, образование. Отдельные главы посвящены промышленности и торговле, государственному устройству, армии и финансам Кореи, то есть практически всем сферам жизни страны на рубеже XIX—XX вв.

Во-вторых, это обширная источниковая база. Авторы опирались одновременно на полевые наблюдения российских дипломатов и военных, служивших непосредственно на Корейском полуострове, и на новейшие западные исследования — прежде всего на монументальную Bibliographie Coréenne (1894—1896) Мориса Курана. Таким образом, трехтомник был не просто заказом Минфина для своих практических целей, связанных с дальневосточной политикой, но и результатом длительного накопления знаний о Корее.

В-третьих, его неугасающая актуальность. Спустя почти шесть десятилетий, в 1959 г., в Пхеньяне вышел его сокращенный перевод; в 1960 г. в Москве — сокращенное переиздание под редакцией И.С. Казакевича; а в 1984 г., к 100-летию первого русско-корейского договора, Корейский институт духовной культуры в Сеуле подготовил полный перевод на корейский язык («Кугёк Хангукчжи», 國譯 韓國誌). На протяжении всего XX и начала XXI в. издание неизменно присутствовало в библиографиях российских работ по истории, экономике и культуре Кореи.

Однако при всей значимости «Описания Кореи» количество специальных исследований, непосредственно ему посвященных, остается сравнительно небольшим. Наряду с магистерской диссертацией Д. Мотовиловой, в которой подробно анализируются подходы авторов трехтомника к описанию корейской истории и культуры, следует отметить диссертацию Хан Ман Чуна, посвященную безэквивалентной лексике издания в лингвострановедческом аспекте. Юбилей 125-летия выхода труда дает повод еще раз обратиться к этому изданию, показать его место в дореволюционном и современном российском кореесведении. В этой связи статья ставит вопрос о том, каков актуальный статус «Описания Кореи» в современной российской и корейской науке и какие аспекты трехтомника спустя много лет продолжают привлекать исследователей. Кроме того, статья предлагает взглянуть на трехтомник как на научно-административный проект, где показывается, как ведомственный характер издания (заказ Министерства финансов) повлиял на тематические акценты и выбор источников.

Создание «Описания Кореи»: контекст и авторский коллектив

Появление «Описания Кореи» было тесно связано с обострением геополитической ситуации на Дальнем Востоке после японо-китайской войны 1894—1895 гг.: Корея превратилась в один из основных объектов соперничества между Российской империей и Японией, и Петербург остро нуждался в точных и систе-

матизированных сведениях о полуострове. Инициатором издания выступила Канцелярия Министерства финансов под руководством С.Ю. Витте, которое в конце XIX в. стало главным проводником инфраструктурных и финансовых проектов России в регионе [Кортунов, 2024]. В этом контексте «Описание Кореи» задумывалось как часть серии страноведческих трудов Министерства финансов — наряду с «Описанием Маньчжурии», «Описанием Амурской области» и др., — без которых было невозможно ни выстраивать долгосрочную дальневосточную политику, ни принимать взвешенные инвестиционные решения. Кроме того, при Министерстве финансов к этому времени работали востоковеды и эксперты, занимавшиеся изучением экономических условий Китая, Кореи и Японии, а в Канцелярии министра финансов существовали специальные отделения, ведавшие делами этих стран. В результате над трудом работали и специалисты из Министерства финансов, и приглашенные молодые востоковеды, которым и было поручено подготовить трехтомник.

В силу ведомственного характера издания и участия нескольких востоковедов корректнее говорить не об одном авторе, а об авторском коллективе «Описания Кореи», ядро которого составляли Позднеев, Йогансон, Котвич, Кюнер, Спальвин и др. В настоящей статье биографическим сведениям о составителях трехтомника уделено особое внимание, поскольку важно показать, что участники проекта впоследствии стали крупными фигурами российского востоковедения и корееведения.

Инициатором замысла стал Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865—1937) — востоковед, экономист и историк, специалист по Китаю, Японии и странам Дальнего Востока, выпускник и впоследствии профессор факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Он также является автором крупномасштабного справочного труда «Описание Маньчжурии», выпущенного в том же году, что и рассматриваемый нами трехтомник. В 1890-е годы Позднеев сочетал академическую деятельность с участием в практической восточной политике России, работая в Русско-Китайском банке в Пекине и занимая в 1904—1906 гг. должность директора Восточного института во Владивостоке [Маранджян, 2012]. В предисловии говорится, что под его руководством были лишь начаты работы: собрана значительная часть материала, установлена система русской транскрипции и др.

В дальнейшем общее руководство проектом перешло к К.Н. Йогансону, чиновнику Министерства финансов, который фактически взял на себя координацию работ [Концевич, 2003]. Подробные сведения о нем отсутствуют.

К написанию труда были привлечены молодые востоковеды, представлявшие разные дисциплины. Одним из них был Николай Васильевич Кюнер (1877—1955), выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, окончивший его в 1900 г. с золотой медалью. Ему принадлежит глава «Краткий очерк истории Кореи» (т. I, с. 1—72), что стало первой крупной научной работой Кюнера и задало направление его дальнейшей карьере как одного из основателей отечественного корееведения [Зенина, 1997]. С 1902 г. Кюнер возглавлял историко-географическую кафедру Восточного института во Владивостоке. Здесь он разработал и впервые в России прочитал систематические кур-

сы по истории, географии, этнографии и коммерческой географии Китая, Кореи и Японии. Со временем он добился разделения чрезмерно широкой историко-географической кафедры на отдельные направления, обосновывая необходимость специализированной подготовки по истории, географии и этнографии стран Дальнего Востока. В 1920 г. на базе Восточного института была создана кафедра истории Дальнего Востока Государственного Дальневосточного университета, во главе которой встал Кюнер, окончательно утвердившийся как ключевая фигура отечественного корееведения и историк региона [Еланцева, Трубич, 2018].

Вторым таким востоковедом стал Евгений Генрихович Спальвин (1872—1933), один из первых российских профессиональных японистов и преподаватель японской словесности. Он окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета и был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию. В 1900 г. Спальвина утвердили профессором японской кафедры Восточного института[1].

Разработку и применение системы русской транскрипции корейских реалий взял на себя В.Л. Котвич. Он же отвечал за единообразие терминологии и за выверку структуры текста. Владислав Людвигович Котвич (1872—1944) — русский и польский лингвист, монголовед и алтаист, один из ведущих представителей петербургской школы востоковедения. Окончив в 1895 г. факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду, он несколько лет готовился к профессорскому званию при кафедре монгольской и калмыцкой словесности, а затем поступил на службу в Министерство финансов[2]. В предисловии к «Описанию Кореи» Котвич назван ближайшим помощником Д.М. Позднеева и К.Н. Йогансона при сборе и обработке материалов, а также указан как старший помощник делопроизводителя Канцелярии министра финансов. Очевидно, Котвич опирался и на советы преподавателей корейского языка в Санкт-Петербургском университете Мин Гюнсика и Ким Бёнока. Об этом прямо сказано в приложении, т. III, раздел «Корейский алфавит (Он-мун)», где говорится, что при составлении очерка были учтены их замечания. Это позволило максимально приблизить описание алфавита к живой практике носителей языка.

Содержание труда

«Описание Кореи» вышло в Санкт-Петербурге в типографии Ю.Н. Эрлих в 1900 г. и представляет собой трехтомное издание общим объемом свыше 1200 страниц (т. 1 — XVI + 448 с., т. 2 — VI + 490 с., т. 3 — V + 318 с.). Н.А. Чеснокова

[1] *Маранджян К. Г.* Спальвин Евгений Генрихович [Электронный ресурс] // Personalia. Институт восточных рукописей РАН. URL: https://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=1895 (дата обращения: 04.03.2026).

[2] *Попова И.Ф.* Котвич Владислав Людвигович // Институт восточных рукописей РАН: персоналии. URL: https://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=1418 (дата обращения: 05.03.2026).

справедливо отмечает, что «Описание Кореи» «представляло интерес в первую очередь для интеллектуальной элиты России»[1]. Учитывая, что труд был подготовлен в Канцелярии Министерства финансов в рамках серии ведомственных страноведческих изданий и выпущен небольшим тиражом, его основными читателями были в первую очередь чиновники и эксперты, причастные к дальневосточной политике Российской империи.

Первый том открывается «Кратким очерком истории Кореи», где на основе европейских источников излагается политическая история от древности до конца XIX в., включая японские вторжения, реформы 1880-х годов, движение за независимость и недавние на то время международные кризисы. Помимо этого первый том включает развернутое описание физической и политической географии Кореи: границы и административно-территориальное деление, рельеф и гидрографию, климатические условия, сеть городов и населенных пунктов, основные пути сообщений. Второй том сосредоточен на духовной и культурной жизни: здесь последовательно рассмотрены основные религиозные традиции (шаманизм, буддизм, конфуцианство, даосизм, христианство), развитие языка, письменности и литературы, система образования и научные занятия, медицина, а также промышленность — от земледелия и рыболовства до добычи полезных ископаемых и зарождающейся фабричной индустрии. Особый блок второго тома посвящен социально-экономическому строю и институтам: рассмотрены внутренняя и внешняя торговля, транспортные коммуникации и участие иностранцев в экономике, государственное устройство и реформы системы управления, местная администрация и судопроизводство, организация вооруженных сил и их модернизация при участии иностранных инструкторов, а также финансовая система с ее доходами, расходами, налогами и денежным обращением. Наряду с этим дается развернутая картина повседневной жизни: численность и состав населения, семейные и брачные практики, положение женщин, погребальные обряды, праздники и развлечения, жилище, одежда и пища.

За этим фундаментальным страноведческим описанием скрывалась вполне определенная практическая задача, стоявшая перед Канцелярией Министерства финансов и лично перед С.Ю. Витте. Трехтомник создавался не только как научный справочник, но и как подробный аналитический обзор положения дел в соседнем государстве в условиях обострившегося соперничества держав на Дальнем Востоке. На страницах издания детально зафиксированы ключевые инструменты внешнего подчинения Кореи: финансовые рычаги (унификация национальной валюты с японской иеной и сосредоточение таможенных сборов в банке «Дайити Гинко»), административные меры (ликвидация традиционных институтов контроля, таких как служба тайных инспекторов, во время реформ 1894—1895 гг.) и военные каналы влияния (формирование регулярных отрядов «хуллён-дэ» под руководством инструкторов из Токио). Система-

[1] *Чеснокова Н. А.* Корейский полуостров и его границы в «Описании Кореи» (1900 г.) Министерства финансов Российской империи: доклад на VI Всерос. конф. «История востоковедения: традиции и современность» // Институт востоковедения РАН. 21—23 ноября 2018 г. URL: https://iocs.hse.ru/news/228384455.html (дата обращения: 05.03.2026).

тизация соглашений в Приложении IV наглядно иллюстрирует правовые механизмы постепенного ущемления суверенитета Кореи на фоне вынужденного свертывания российских финансовых инициатив. В конечном итоге детальные сведения о корейском хозяйстве, географии и быте служили ведомству Витте базой для выработки дальневосточного курса и оценки действий основного геополитического соперника еще до официального провозглашения японского протектората.

Правовую и фактическую сторону этих процессов детализирует третий том, имеющий характер обширного приложения к основному исследованию. Он объединяет материалы, фиксирующие международно-правовой и институциональный статус страны — от государственной символики и генеалогии корейских государей до текстов соглашений с Японией, Китаем, Россией и западными державами. Здесь же собраны и подробные статистические материалы: показатели внешней торговли за 1886—1898 гг., результаты переписи 1897 г., сведения о выданных концессиях, а также подробный очерк национальной письменности и обширная библиография. Завершают том оперативные дополнения, полученные уже во время печати, и генеральная карта Корейского полуострова.

Особую ценность «Описанию Кореи» придавала опора на широкий круг источников. Составители активно использовали материалы российских миссий и консульств, одновременно работая с обширным списком западной литературы о Корее; важной опорой здесь стала трехтомная фундаментальная «Корейская библиография» Мориса Курана (Bibliographie coréenne, т. 1—3, 1894—1896), через которую они выходили почти на все заметные европейские работы о стране. Это хорошо видно по третьему тому «Описания Кореи»: на сорока одной странице собраны почти все важнейшие научные труды о стране, вышедшие к тому времени — от обобщающих трудов Джона Росса и Уильяма Гриффиса до путевых наблюдений Изабеллы Бишоп и русских очерков М.А. Поджио. Сам Н.В. Кюнер позднее прямо писал в «Очерке Кореи» (1912), что в «Описании Кореи» были использованы наиболее «полным образом все материалы, относившиеся к Корее и существовавшие на иностранных и русском языках до 1900 г.» [Кюнер Н.В., 1912].

Однако при всем объеме привлеченной литературы практически отсутствуют ссылки на первоисточники на китайском, корейском или японском языках. С одной стороны, это говорит о европоцентристском характере списка использованных работ. С другой стороны, это отражает условия, в которых создавался трехтомник. Как показано выше, он готовился в обстановке обострения дальневосточной политики России и был ориентирован на относительно быстрый сбор максимально понятной для чиновников информации. В этих условиях опора на уже известные и авторитетные для европейской науки труды Росса, Гриффиса, Курана, а также на миссионерские и дипломатические отчеты казалась гораздо проще и надежнее, чем развертывание отдельной систематической работы с корейскими текстами «с нуля». Тем самым ограниченность базы источников в издании связана не с уровнем подготовки его составителей, а с задачами ведомственного справочника, ориентированного на быстрое обобщение уже доступных европейских и русских работ.

Показательно, что тот же принцип отбора источников виден и в других справочниках, подготовленных Министерством финансов на рубеже XIX—XX вв. Если взять, к примеру, трехтомное «Описание Маньчжурии», то в его библиографии мы снова увидим почти исключительно европейские (русские и западноевропейские) издания и отсутствие ссылок на восточные тексты. Это позволяет говорить не об отдельном упущении именно «Описания Кореи», а о сознательном и намеренном шаге.

Именно в этом контексте становится понятным отсутствие в рассматриваемом издании некоторых сюжетов, которые сегодня кажутся почти самоочевидными. В частности, южнокорейские исследователи неоднократно отмечали в структуре «Описания Кореи» отсутствие мифа о Тангуне: на фоне общей полноты и детализации издания некоторые южнокорейские авторы рассматривают это как пробел. Однако важно понимать, что в западной науке его систематическое обсуждение складывается как раз на рубеже XIX—XX вв., то есть примерно одновременно с подготовкой «Описания Кореи». При таком раскладе миф о Тангуне не мог появиться в том виде, в каком мы его знаем сегодня, — ни в трехтомнике, ни в ранних европейских трудах о Корее[1].

Другая примечательная особенность трехтомника — разработка системы транскрипции. Редакция трехтомника прямо отметила, что до его выхода в русской литературе не существовало единой системы передачи звуков корейской речи средствами русского алфавита. Каждый автор транскрибировал их по-своему, поэтому специально для данного издания была разработана собственная система транскрипции, максимально опирающаяся на корейский алфавит. Как уже упоминалось выше, разработку и единообразие этой системы курировал В.Л. Котвич, опиравшийся в том числе на консультации преподавателей корейского языка в Санкт-Петербургском университете — Мин Гюнсика и Ким Бёнока.

В качестве третьей особенности «Описания Кореи» можно выделить картографическую базу. В предисловии сказано, что составители опирались прежде всего на 40-верстную карту Главного штаба, морские карты и Manual of Korean Geographical and other Proper Names romanized, а также сопоставляли их с маршрутами европейских путешественников. Положение городов и населенных пунктов, рельеф, границы провинций и административных центров уточнялись по новейшим публикациям (включая Korea and the Sacred White Mountain Кевендиша) и астрономическим определениям, что должно было обеспечить максимально точное картографическое приложение к тексту описания.

Наконец, отдельного внимания заслуживает сама риторика повествования. Российская стратегия независимости Кореи непосредственно отразилась на содержании трехтомника: в разделах по истории подчеркивалась суверенность корейского государства, а в разделах по языку и литературе — самобытность корейской культуры. Показательно в этом отношении сравнение с «Описанием Амур-

[1] См. подробнее: *A. Logie,* The Coalescence of Dangun: The Myth of Korea's Founding Father in Modern Historiography; *Kim Nuri*. Making Myth, History, and an Ancient Religion in Korea: A Study of Tan'gun.

ской области» (1894) и «Описанием Маньчжурии» (1897): данные источники практически лишены культурологических разделов и сосредоточены на географии, ресурсах и торговле. «Описание Кореи», напротив, уделяет значительное место языку, литературе, религии и повседневной жизни, что свидетельствует о восприятии Кореи как самостоятельной цивилизационной единицы, а не просто территории экономических интересов.

Судьба издания и международное значение

С точки зрения издательской судьбы «Описание Кореи» прошло несколько этапов: ограниченный тираж 1900 г., советское сокращённое переиздание и два корейских перевода, существенно расширяющих аудиторию труда.

Несмотря на масштаб и безусловный фундаментальный характер трехтомника, в дореволюционной России из-за небольшого тиража и ведомственного статуса издания «Описание Кореи» оставалось малодоступным для широкой публики. Уже в 1904 г., накануне русско-японской войны, отмечалась «громоздкость» трехтомника (более 1200 страниц) и его недоступность широким кругам. Это привело к появлению нескольких популярных изданий о Корее меньшего объема, рассчитанных на массового читателя[1]. В то же время в узком профессиональном сообществе востоковедов «Описание Кореи» довольно быстро заняло место базового справочного труда, и авторы последующих исследований регулярно опирались именно на него; например, диссертация Нихамина «Русско-японские отношения и Корея, 1894—1898 гг.», защищенная уже после раздела Кореи в 1948 г., использовала материалы трехтомника наряду с иными источниками.

В условиях советской идеологии интерес к дореволюционным контактам Российской империи со «старой» Кореей был невелик, однако полностью обойти вниманием столь масштабный труд оказалось невозможно. В 1960 г. в Москве вышло сокращенное переиздание «Описания Кореи» под редакцией И.С. Казакевича, подготовленное Институтом народов Азии АН СССР: объемом 662 страницы, оно почти вдвое уступало оригиналу, но делало его основное содержание доступным советским исследователям и студентам-востоковедам. Почти одновременно текст стал возвращаться и в корейский научный оборот: в 1959 г. в Пхеньяне опубликовали сокращенный корейский перевод, подготовленный издательством Академии наук КНДР, — «Чосончжи» (조선지[초역]), а в 1984 г. в Сеуле Корейский институт духовной культуры выпустил полный перевод трехтомника в серии «Переводы» под названием «Кугёк Хангукчжи» (國譯 韓國誌), снабдив оба издания подробными указателями для облегчения работы с материалом.

Как ни парадоксально, сегодня именно оригинальное трехтомное «Описание Кореи» в виде электронных сканов доступно в открытых цифровых коллекциях, тогда как его советское сокращенное переиздание по-прежнему остается в огра-

[1] Корея: история её, политическое устройство, экономическое положение, торговля и промышленность. Санкт-Петербург: Тип. А.С. Суворина, 1904. 63 с. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/XX/Korea/text.htm (дата обращения: 02.03.2026).

ниченном или закрытом доступе. Поэтому сейчас мы наблюдаем тенденцию увеличения цитирования именно оригинала.

Несмотря на то что данный трехтомник вышел 125 лет назад, он и ныне не потерял своей актуальности: в российской и корейской науке издание выступает как важный источник, к которому обращаются как исследователи старшего поколения, так и молодые авторы. Перечислить все работы, где оно цитируется, практически невозможно: у Л.Р. Концевича ссылок на трехтомник — многие десятки, поэтому ограничимся лишь несколькими примерами: Б.Д. Пака («Россия и Корея», М.: ИВ РАН, 2004); С.О. Курбанова («История Кореи: с древности до начала XXI века», СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018) и Т.М. Симбирцевой («Корея на перекрестке эпох», М.: Муравей-Гайд, 2000). На него же, хотя обычно более фрагментарно, опираются и представители более молодого поколения исследователей в конкретных тематических сферах (например: Чеснокова Н.А. Памяти Н.В. Кюнера (1877—1955). «Очерк Кореи» (1912) — к столетию со дня публикации и в связи с переводом на корейский язык; Эм А.Е. Избранная отечественная историография по теме положения корейских женщин в Российской империи и СССР, вторая половина XIX — середина XX в.), так что данный труд остается хорошо известным в сравнительно узком профессиональном кругу.

Наконец, этнографические очерки трехтомника продолжают жить и за пределами академической науки. Так, фундаментальные работы Т.М. Симбирцевой, в частности «Владыки старой Кореи», демонстрируют пример научного переосмысления классических источников, где глубина академического анализа сочетается с широким просветительским потенциалом. В этом же контексте следует отметить и новейший труд Н.А. Чесноковой. В своей книге «Корейский шаманизм. Болезнь синбён, камлания кут и духи квисин» автор опирается в том числе на второй том «Описания Кореи» для описания духовной жизни на полуострове рубежа веков. Параллельно в сообществе ВКонтакте «Pro-Чосон» (vk.com/projoseon), которое ведет тот же автор, фрагменты трехтомника появляются уже в формате постов с комментариями, то есть становятся доступны всем, кто интересуется Кореей, а не только специалистам. В схожем ключе работает и портал «Корё Сарам» (koryo-saram.site), публикующий материалы по истории и историографии корейцев России, со ссылкой на «Описание Кореи».

В качестве примера «незабвенности» трехтомника можно упомянуть и недавние корейские исследования. Так, статья Пак Кён «Исследование российских обследований территорий вокруг Корейского полуострова после XIX века: на материале “Описания Кореи”» рассматривает российские исследования побережья и внутренних районов Кореи XIX в., опираясь на корейский перевод «Описания Кореи». На его основе автор показывает, как русские представляли себе географию этой страны. Исследователь подчеркивает, что материалы данного труда остаются ценным источником по физической географии, границам, экономике и торговле Кореи вплоть до конца XIX в., что свидетельствует о продолжающемся обращении к этому труду в зарубежной науке [Park, 2020]. К этому ряду относится и серия работ Хан Сынхи, неоднократно обращающегося к трехтомному изданию как к основному источнику русских свидетельств о стране: в статье «Корей-

ский язык и корейская литература в русских записях конца XIX века: на материале “Описания Кореи”» на основе девятой главы трехтомника анализируется, как российские составители описывали корейский язык и литературу, а в более поздней статье об Инчхоне и Чемульпо — как через тексты трехтомного издания формируется образ порта и его роли в системе международной торговли рубежа XIX—XX вв. [Han, 2025]

И наконец, Ли Ханчжун в своей статье «Происхождение корейцев и изучение населения Кореи в представлениях России в период Корейской империи: на материале “Описания Кореи”» (1900) и «Военно-географический обзор северных районов Кореи» рассматривает, как российские чиновники и военные конца XIX — начала XX в. представляли происхождение корейцев, их физические и характерологические черты. Он с уважением относится к труду, называя его «сокровищницей информации о Корее рубежа XIX—XX вв.» [Yi, 2023, p. 293].

Показательно, что в истории трехтомного издания прослеживается и своеобразное польское ответвление. Один из его составителей, Владислав Людвикович Котвич, — поляк по национальности, и через его участие этот труд оказался вписан в более широкий востоковедческий контекст Центральной и Восточной Европы. Так, польский писатель Вацлав Серошевский в книге «Корея. Ключ Дальнего Востока» (Korea. Klucz Dalekiego Wschodu, 1905) частично опирался на материалы «Описания Кореи». Это отчетливо видно в статье Ли Ёнми «“Корея. Ключ Дальнего Востока” (1905) и взгляд Вацлава Серошевского на Корею» (“Korea: Klucz Dalekiego Wschodu” (1905) and Waclaw Sieroszewski’s View of Korea) [Lee, 2017].

В англоязычных работах по истории Кореи трехтомник чаще всего фигурирует как важный историографический ориентир и источник по российской традиции изучения Страны утренней свежести. Так, в главе Германа Кима и Росса Кинга «Северный регион Кореи в российских источниках, 1860-е — 1913 г.» (The Northern Region of Korea as Portrayed in Russian Sources, 1860s—1913) в коллективном томе The Northern Region of Korea: History, Identity, and Culture трехтомник включен в число ключевых русскоязычных источников по северным регионам страны [Kim, King, 2010]. В приведенной выше статье А.Н. Ланькова, как уже упоминалось во введении, трехтомник прямо назван «венцом дореволюционного корееведения» [Lankov, 2014, p. 24], и эта характеристика задает ему соответствующий статус в глазах англоязычной аудитории. Наконец, в экономической историографии Ким Накнён в статье «Историческая статистика Кореи: обзор» (Historical Statistics of Korea: A Survey), вышедшей в журнале Korean Social Sciences Review (2012), отмечает, что после японо-китайской войны официальные издания с данными о внешней торговле Кореи прекращаются и сведения о работе корейских морских таможен за этот период сохранились лишь фрагментарно, в том числе в «Описании Кореи» [Kim, 2012, p. 18].

Наиболее подробное на сегодняшний день исследование «Описания Кореи» как самостоятельного объекта выполнено в магистерской диссертации Д. Мотовиловой «Исследование труда “Описание Кореи”, подготовленного Министерством финансов России: в контексте процесса его создания и концепции корейской культуры». Трехтомник здесь анализируется как заказанное государством энциклопедическое издание и как сложившаяся к 1900 г. система

знаний о Корее; особое внимание уделяется анализу российской стратегии «независимости Корейского полуострова» и ее отражения в повествовании о корейской истории, а также представлений о корейском языке и литературе [Molotilova, 2018].

Таким образом, история «Описания Кореи» показывает, что изначально малодоступный ведомственный трехтомник оказался неиссякаемым научным ресурсом не только для современных российских, но и для корейских исследователей. Благодаря переводам, переизданиям и оцифровке полного трехтомника этот старый труд сегодня работает как точка пересечения исследователей разных специальностей, позволяя лучше понять и саму Корею рубежа XIX—XX вв., и то, какой ее видели российские и зарубежные авторы.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что и через 125 лет после выхода трехтомное «Описание Кореи» остается заметным и востребованным источником как в российской, так и в корейской науке. К нему обращаются и как к подробному справочнику по истории, экономике и культуре Кореи конца XIX — начала XX в., и как к ключевому памятнику истории российского востоковедения и русско-корейских контактов. Рассмотрение трехтомника как ведомственного издания позволяет увидеть, что именно этот характер проекта определил и его достоинства (широкий фактический материал, практическая направленность), и ограничения, прежде всего опору исключительно на европейские работы.

Введение в оборот исследований на корейском языке 2020-х годов (Пак Кён, Хан Сынхи, Ли Ханчжун) позволяет увидеть, что современный интерес к трехтомнику постепенно смещается от простого использования отдельных сведений к осмыслению его как сложного и многослойного источника. Для российских и зарубежных исследователей данное издание становится не только окном в реальность Корейского полуострова на рубеже XIX—XX вв., но и отправной точкой для изучения того, как сама Корея была описана и понята российскими авторами того времени.

При этом роль «Описания Кореи» сегодня выходит за рамки сугубо академических задач: трехтомник служит опорой для научно-популярных изданий и проектов, знакомящих широкую аудиторию с разными аспектами жизни Кореи на рубеже XIX—XX вв.

Однако специальных работ, в центре которых стояло бы именно «Описание Кореи» как самостоятельный объект анализа, по-прежнему немного. Это означает, что потенциал трехтомника далеко не исчерпан. Перспективными представляются дальнейшие исследования отдельных разделов издания: истории, картографии, языка, социальной проблематики, а также изучение его роли в формировании образа Кореи. В этом смысле обращение к «Описанию Кореи» в 125-летний юбилей — это не только повод вспомнить о классическом труде, но и возможность наметить новые исследовательские направления, к которым трехтомник подталкивает нас и сегодня.

Библиографический список

Еланцева О.П., Трубич О.А. Дальневосточный период в становлении и деятельности профессора Н.В. Кюнера, выдающегося историка-востоковеда // Известия Восточного института. 2018. № 3. С. 6—22. DOI: 10.24866/1997-2857/2018-3/6-22.

Журавлева Е.О. (сост.) У истоков российского корееведения. Библиография российских работ конца XIX — начала XX в., связанных с изучением Кореи (библиотека Института восточных рукописей Российской академии наук) // Вестник Центра корейского языка и культуры. СПб.: СПбГУ, 2010. Вып. 12. С. 141—150.

Зайчиков В.Т. Корея. 2-е изд., испр. и доп. М.: Географгиз, 1952. 477 с.

Зенина Л.В. Ученый. Учитель. Человек. Гражданин. 120 лет со дня рождения Н.В. Кюнера. Краткие вехи биографии // 100 лет петербургскому корееведению: материалы междунар. конф. СПб., 1997. С. 8—19.

Корея: история её, политическое устройство, экономическое положение, торговля и промышленность. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1904. 63 с.

Концевич Л.Р. О развитии традиционного корееведения в царской России (историко-библиографический очерк) // Энциклопедия корейцев России. 140 лет в России / ред. Цой Броня. М.: РАЕН, 2003. С. 77—102.

Кортунов А.В. Сергей Витте и первый поворот России на Восток // Российский совет по международным делам. 06.06.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sergey-vitte-i-pervyy-povorot-rossii-na-vostok/ (дата обращения: 02.03.2026).

Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018.

Кюнер Н.В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Циосен. Владивосток: Восточный институт, 1912. Ч. 1—2.

Ланьков А.Н. Studies of Korean History and Korean Society in the Russia of the Soviet Period // Journal of Contemporary Korean Studies. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 49—76.

Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.

Маранджян К.Г. Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865—1937): к портрету «культурного бродяги» // Письменные памятники Востока. 2012. № 2(17). С. 281—303.

Мотовилова Д. 러시아 대장성 편 『한국지(Описание Кореи)』 연구: 편찬 과정 및 한국문화론을 중심으로 [Исследование труда «Описание Кореи», подготовленного Министерством финансов России: процесс составления и концепция корейской культуры]. 석사학위논문. 성균관대학교 일반대학원국어국문학과. 서울:, 성균관대학교 2018. (На кор.)

Описание Амурской области / сост. Г.Е. Грум-Гржимайло; под ред. П.П. Семёнова. СПб.: Типо-лит. и переплётная С.М. Николаева, 1894, VI, 640, VIII с., 1 л. карт.

Описание Кореи: в 3 т. / Министерство финансов Российской империи. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1900. Т. 1: XVI + 448 с.; Т. 2: VI + 490 с.; Т. 3: V + 318 с.

Описание Маньчжурии / сост. в Канцелярии министра финансов под ред. Д.М. Позднеева. СПб.: Министерство финансов, 1897. Т. 1. V, 620, VI с., 1 л. карт.

Пак Б.Д. Россия и Корея: очерки истории отношений. М.: ИВ РАН, 2004.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895—1905 гг. СПб.: Бывш. Мин. ин. дел, 1905.

Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. 608 с.

Симоносекский договор (17 апреля 1895 г.) // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895—1905 гг. СПб.: Бывш. Мин. ин. дел, 1905. С. 1—12.

Тягай Г.Д. Труды русских исследователей как источник по новой истории Кореи // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 235—262.

Хан Ман Чун. Безэквивалентная лексика в научно-публицистическом тексте: лингвострановедческий аспект (на материале «Описания Кореи», в 3-х томах, СПб., 1900 г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. гос. ун-т. СПб., 1997. С. 19 с.

Чеснокова Н.А. Корейский шаманизм. Болезнь синбён, камлания кут и духи квисин. М.: МИФ, 2026.

Чеснокова Н.А. Памяти Н.В. Кюнера (1877—1955). «Очерк Кореи» (1912 г.) — к столетию со дня публикации и в связи с переводом на корейский язык // Вестник Центра корейского языка и культуры. СПб.: СПбГУ, 2014. Вып. 16. С. 7—26.

Эм А.Е. Избранная отечественная историография по теме: положение корейских женщин в Российской империи и СССР (вторая половина XIX — середина XX вв.) // Корееведение в России: направления и развитие. 2021. № 2. С. 21—27.

Kim G., King R. The Northern Region of Korea as Portrayed in Russian Sources, 1860s—1913 // The Northern Region of Korea: History, Identity, and Culture / ed. by Sun Joo Kim. Seattle: University of Washington Press, 2010. P. 254—289.

Kim Nuri. Making Myth, History, and an Ancient Religion in Korea: A Study of Tan'gun. Doctoral dissertation. Cambridge, MA: Harvard University, Graduate School of Arts & Sciences, 2017. 361 p.

Kim Nak Nyeon. Historical Statistics of Korea: A Survey // Korean Social Sciences Review. 2012. Vol. 2, No. 2. P. 1—34.

Lee Yeong-Mi. Korea: Klucz Dalekiego Wschodu (1905) and Waclaw Sieroszewski's View of Korea // International Journal of Korean Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 3. P. 127—146. DOI: 10.14746/kr.2017.03.08.

Logie, A. The Coalescence of Dangun: The Myth of Korea's Founding Father in Modern Historiography // Korean Studies Graduate Students Convention. University of Malaga, 30 Sept. 2 Oct. 2015 Manuscript.

박경. 19세기 이후 러시아의 한반도 주변 조사에 관한 연구: 『국역 한국지』를 중심으로 [Пак Кён. Исследование российских обследований территорий вокруг Корейского полуострова после XIX века: на материале «Кугёк Хангукчжи»] // 한국지도학회지. 서울: 한국지도학회, 2020. 제20권, 제3호. 쪽 1–12.. (На кор.)

이한중. 대한제국 시기 러시아가 바라본 한국인의 기원과 인구 조사: 『한국지』(1900)와 『한국 북부지역의 군사 개관』(1904)을 중심으로 [Ли Ханчжун. Происхождение корейцев и переписи населения в представлениях России периода Корейской империи: на материале «Описания Кореи» (1900) и «Военного обзора северной Кореи» (1904)] // 사림. 대구: 사림연구회, 2023. 제86호. 쪽 271—294. (На кор.)

한승희. 19세기 말 러시아에서 기록한 한국어와 한국문학: "한국지(韓國志)"를 중심으로 [Хан Сынхи. Корейский язык и корейская литература в русских записях конца XIX века: на материале «Описания Кореи»] // Korean Studies. 서울: 한국한국학회, 2025. 제33권, 제2호. 쪽 93—121. (На кор.)

한승희. 러시아에서 기록한 개항기 인천: 『국역 한국지(KOPEИ, 韓國志)』를 중심으로 [Хан Сынхи. Инчхон в период открытия портов в российских описаниях: на материале «Кугёк Хангукчжи (Описание Кореи)»] // 한국학논집 [Korean Studies Quarterly]. 서울: 한국학연구회, 2022. 제86집. 쪽 241—284. (На кор.)

References

Chesnokova, N. A. (2026). *Koreyskiy shamanizm. Bolezn' sinben, kamlaniya kut i dukhi kvisin* [Korean shamanism. Sinbyeon disease, kut rituals, and kwisin spirits], Moscow: MIF. (In Russian)

Chesnokova, N. A. (2014). Pamyati N. V. Kyunera (1877—1955). “Ocherk Korei” (1912 g.) — k stoletiyu so dnya publikatsii i v svyazi s perevodom na koreyskiy yazyk [In memory of N. V. Kyuner (1877—1955). “Sketch of Korea” (1912) — on the centenary of publication and in connection with its translation into Korean], *Vestnik Tsentra koreyskogo yazyka i kultury*, Saint Petersburg State University, Issue 16: 7—26. (In Russian)

Em, A. E. (2021). Izbrannaya otechestvennaya istoriografiya po teme: polozhenie koreyskikh zhenshchin v Rossiyskoy imperii i SSSR (vtoraya polovina XIX — seredina XX vv.) [Selected Russian historiography on the position of Korean women in the Russian Empire and the USSR (second half of the 19th — mid-20th centuries)], *Koreevedenie v Rossii: napravleniya i razvitie*, No. 2: 21—27. (In Russian)

Elantseva, O. P.; Trubich, O. A. (2018). Dalnevostochnyy period v stanovlenii i deyatelnosti professora N. V. Kyunera, vydayushchegosya istorika-vostokoveda [The Far Eastern period in the formation and activity of Professor N. V. Kyuner, an outstanding historian-orientalist], *Izvestiya Vostochnogo instituta*, No. 3: 6—22. DOI: 10.24866/1997-2857/2018-3/6-22. (In Russian)

Han, Seung-Hee (2022). Reosia-eseo girokhan gaehanggi Incheon: 「Gugyeok Hangukji (КОРЕИ, 韓國志)」 reul jungsimeuro [Incheon in the opening-ports period in Russian records: focusing on the Korean translation of “Opisanie Korei”], *Hangukhak Nonjip* [Korean Studies Quarterly], No. 86: 241—284. (In Korean)

Han, Seung-Hee (2025). 19segi mal Reosia-eseo girokhan Hangugeo-wa Hanguk munhak: “Hangukji (韓國志)”reul jungsimeuro [Korean language and Korean literature in Russian records of the late 19th century: based on “Opisanie Korei”], *Korean Studies*, Vol. 33, No. 2: 93—121. (In Korean)

Khan, Man Chun (1997). Bezekvivalentnaya leksika v nauchno-publitsisticheskom tekste: lingvostranovedcheskiy aspekt (na materiale “Opisaniya Korei”, v 3-kh tomakh, SPb., 1900 g.) [Non-equivalent vocabulary in a scholarly-journalistic text: linguo-cultural aspect (on the material of “Description of Korea”, in 3 vols., St Petersburg, 1900)], PhD abstract, Saint Petersburg State University, 19 p. (In Russian)

Kim, German; King, Ross (2010). The Northern Region of Korea as Portrayed in Russian Sources, 1860s—1913, in: Sun Joo Kim (ed.), *The Northern Region of Korea: History, Identity, and Culture*. Seattle: University of Washington Press: 254—289.

Kim, Nak Nyeon (2012). Historical Statistics of Korea: A Survey, *Korean Social Sciences Review*, Vol. 2, No. 2: 1—34.

Kim, Nuri (2017). *Making Myth, History, and an Ancient Religion in Korea: A Study of Tan’gun*. Doctoral dissertation, Cambridge, MA: Harvard University, Graduate School of Arts & Sciences, 361 p.

Koncevich, L. R. (2003). O razvitii traditsionnogo koreevedeniya v tsarskoy Rossii (istoriko-bibliograficheskiy ocherk) [On the development of traditional Korean studies in Tsarist Russia (historical-bibliographical essay)], in: *Entsiklopediya koreytsev Rossii. 140 let v Rossii*, ed. by B. Tsoy, Moscow: Russian Academy of Natural Sciences: 77—102. (In Russian)

Kortunov, A. V. (2024). Sergey Vitte i pervyy povorot Rossii na Vostok [Sergei Witte and Russia’s first turn to the East], Russian International Affairs Council. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sergey-vitte-i-pervyy-povorot-rossii-na-vostok/ (accessed: 2 March, 2026). (In Russian)

Kurbanov, S. O. (2018). *Istoriya Korei: s drevnosti do nachala XXI veka* [History of Korea: from antiquity to the early 21st century], Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press. (In Russian)

Kyuner, N. V. (1912). *Statistiko-geograficheskiy i ekonomicheskiy ocherk Korei, nyne yaponskogo general-gubernatorstva Tsiosen* [Statistical-geographical and economic sketch of Korea, now the Japanese Governor-Generalship of Chosen], Vladivostok: Eastern Institute, Pt. 1—2. (In Russian)

Lankov, A. N. (2014). Studies of Korean History and Korean Society in the Russia of the Soviet Period, *Journal of Contemporary Korean Studies*, Vol. 1, No. 1: 49—76.

Lee, Yeong-Mi (2017). Korea: *Klucz Dalekiego Wschodu* (1905) and Waclaw Sieroszewski's View of Korea, *International Journal of Korean Humanities and Social Sciences*, Vol. 3: 127—146. DOI: 10.14746/kr.2017.03.08.

Logie, A. (2015). The Coalescence of Dangun: The Myth of Korea's Founding Father in Modern Historiography, paper presented at the *Korean Studies Graduate Students Convention*, University of Malaga, 30 September — 2 October, 2015.

Lukoyanov, I. V. (2008). *"Ne otstat ot derzhav..." Rossiya na Dalnem Vostoke v kontse XIX — nachale XX vv.* ["Not to fall behind the powers..." Russia in the Far East in the late 19th — early 20th century], Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian)

Marandzhyan, K. G. (2012). Dmitriy Matveevich Pozdneev (1865—1937): k portretu "kulturnogo brodyagi" [Dmitry Matveevich Pozdneev (1865—1937): toward the portrait of a "cultural vagabond"], *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*, No. 2(17): 281—303. (In Russian)

Motovilova, D. (2018). Reosia daejangseong pyeon 「Hangukji (Opisanie Korei)」 yeongu: pyeonchan gwajeong mit hangukmunhwalon-eul jungsim-euro [Study of the "Description of Korea" compiled by the Russian Ministry of Finance: the compilation process and the concept of Korean culture], M.A. thesis, Department of Korean Language and Literature, Sungkyunkwan University, Seoul. (In Korean)

Opisanie Amurskoy oblasti [Description of the Amur Region] (1894), compiled by G. E. Grum-Grzhimaylo, ed. by P. P. Semyonov, Saint Petersburg: Tipo-lit. i perepletnaya S. M. Nikolaeva, VI + 640 + VIII p., 1 map. (In Russian)

Opisanie Korei: v 3 tomakh [Description of Korea: in 3 volumes] (1900), Ministry of Finance of the Russian Empire, Saint Petersburg: Tipografiya Yu. N. Erlikh, Vol. 1: XVI + 448 p.; Vol. 2: VI + 490 p.; Vol. 3: V + 318 p. (In Russian)

Opisanie Manchzhurii [Description of Manchuria] (1897), compiled in the Chancellery of the Minister of Finance, ed. by D. M. Pozdneev, Saint Petersburg: Ministry of Finance, Vol. 1: V + 620 + VI p., 1 map. (In Russian)

Pak, B.D. (2004). *Rossiya i Koreya: ocherki istorii otnosheniy* [Russia and Korea: essays on the history of relations], Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS. (In Russian)

Pak, Kyong [Bak, Gyeong] (2020). 19 segi ihu Reosiaui hanbando jubyeon josae gwanhan yeongu: 「Gugyeok Hangukji」 reul jungsimeuro [Russian surveys of areas around the Korean Peninsula after the 19th century: focusing on the Korean translation of "Opisanie Korei"], *Hanguk Jidohakhoeji* [Journal of the Korean Cartographic Association], Vol. 20, No. 3: 1—12. (In Korean)

Sbornik dogovorov i diplomaticheskikh dokumentov po delam Dalnego Vostoka 1895—1905 gg. [Collection of treaties and diplomatic documents on Far Eastern affairs, 1895—1905] (1905), Saint Petersburg: Former Ministry of Foreign Affairs. (In Russian)

Simbirtseva, T. M. (2012). *Vladyki staroy Korei* [The Rulers of old Korea], Moscow: RGGU. 608 p. (In Russian)

Simonossekiy dogovor (17 aprelya 1895 g.) [Treaty of Shimonoseki (17 April 1895)] (1905), in: *Sbornik dogovorov i diplomaticheskikh dokumentov po delam Dalnego Vostoka 1895—1905 gg.*, Saint Petersburg: Former Ministry of Foreign Affairs: 1—12. (In Russian)

Tyagay, G. D. (1953). Trudy russkikh issledovateley kak istochnik po novoy istorii Korei [Works of Russian researchers as a source on the modern history of Korea], in: *Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya*, Moscow: Academy of Sciences Press: 235—262. (In Russian)

Yi, Han-Jung (2023). Daehan jeguk sigi Reosia-ga barabon Hangugin-ui giwon-gwa ingu josa: 「Hangukji」 (1900)wa 「Hanguk bukbu jiyeok-ui gunsa gaegwan」 (1904) eul jungsimeuro [Russian views on the origins

and census of Koreans during the Korean Empire: based on “Opisanie Korei” (1900) and the “Military-Geographical Survey of Northern Korea” (1904)], *Sarin*, No. 86: 271—294. (In Korean)

Zaychikov, V. T. (1952). *Koreya* [Korea], 2nd ed., rev. and enl., Moscow: Geografgiz, 477 p. (In Russian)

Zhenina, L. V. (1997). Uchenyy, Uchitel. Chelovek. Grazhdanin. 120 let so dnya rozhdeniya N. V. Kyunera. Kratkie vekhi biografii [Scholar, teacher, person, citizen. 120 years since the birth of N. V. Kyuner. Brief milestones of his biography], in: *100 let peterburgskomu koreevedeniyu: materialy mezhdunarodnoy konferentsii*, Saint Petersburg: 8—19. (In Russian)

Zhuravlyova, E. O. (2010). U istokov rossiyskogo koreevedeniya. Bibliografiya rossiyskikh rabot kontsa XIX — nachala XX v., svyazannykh s izucheniem Korei (biblioteka Instituta vostochnykh rukopisey Rossiyskoy akademii nauk) [At the origins of Russian Korean studies. Bibliography of Russian works of the late 19th — early 20th centuries related to the study of Korea], *Vestnik Tsentra koreyskogo yazyka i kultury*, Issue 12: 141—150. (In Russian)

Поступила в редакцию: 05.06.2026
Received: 05.06.2026

Принята к публикации: 15.06.2026
Accepted: 15.06.2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.63.38.008

Hye Ran Kim

The life and contribution to science of Korean linguist Kim Su-kyung

Abstract. This article discusses the biography of Kim Su-kyung 김수경 (1918—2000), a prominent South Korean linguist who moved to the North after liberation, and the significance of his research for Korean linguistics. In addition, the influence of Soviet linguistics on his linguistic research will be examined, and the importance of North and South Korean contributions to Korean linguistics will be noted. Kim Su-kyung, who completed his studies in the Department of Philosophy, Faculty of Law and Letters, Keijo Imperial University in 1940 during the Japanese colonial period and later studied linguistics as a graduate student at Daoist Imperial University, has been called the linguistic genius of Joseon. Kim Su-kyung is not as well known among Korean scholars as, for example, such linguists and famous students of Ju Si-kyung as Choi Hyon-bae 최현배 and Kim Du-bong 김두봉 from North and South Korea. These linguists studied the Korean language after the division of North and South Korea and worked to modernize the Korean language, improving it to make it easier to use. In this article, we look at North Korean linguistics from the perspective of the linguistics of the Soviet Union, based on rare materials from Russia, and shed light on the life of a linguist who experienced the pain of separation from his family and homeland.

Keywords: structural linguistics, practical Korean linguistics, Kim Su-kyung, North Korean linguist, Stalinist linguistics.

Author: Kim Hye Ran, Ph.D. Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Department of Oriental Languages; Higher School of Economics, School of Oriental Studies, World Politics and World Economy (address: 119049, st. Maronovsky lane, 26, 101000, Moscow, Myasnitskaya st., 20).
ORCID: 0000-0003-2925-3610. E-mail: kimconthe@gmail.com, krkim@hse.ru

Conflict of Interests. The author declares no conflict of interest.

For citations: Kim Hye Ran. The life and contribution to science of Korean linguist Kim Su-kyung // Koreevedenie [Koreanology]. 2026. № 2 (15): 83—99.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.63.38.008.

Ким Хэ Ран

Жизнь и вклад в науку корейского лингвиста Ким Су Гёна

Аннотация. В статье рассматриваются биография Ким Су Гёна (1918—2000), видного южнокорейского лингвиста, переехавшего на Север после освобождения, и значение его исследований для корейского языкознания. Кроме того, анализируется влияние советской лингвистики на его научные работы, а также отмечается вклад лингвистов Северной и Южной Кореи в корейское языкознание. Ким Су Гён, завершивший обучение на философском отделении юридическо-литературного факультета Императорского университета Кэйдзё в 1940 г. в период японского колониального правления и впоследствии изучавший лингвистику в качестве аспиранта Императорского университета Тайхоку, был на-

зван лингвистическим гением Чосона. Ким Су Гён не так широко известен среди корейских учёных, как, например, такие лингвисты и известные ученики Чу Си Гёна, как Чхве Хён Бэ и Ким Ду Бон из Северной и Южной Кореи. Эти лингвисты изучали корейский язык после разделения Кореи и работали над его модернизацией, совершенствуя его для удобства использования. В данной статье рассматривается северокорейское языкознание с позиций советской лингвистики на основе редких российских материалов, а также освещается жизнь лингвиста, пережившего боль разлуки с семьёй и родиной.

Ключевые слова: структурная лингвистика, практическое корейское языкознание, Ким Су Гён, северокорейский лингвист, сталинская лингвистика.

Автор: Ким Хэ Ран, кандидат наук, доцент, кафедра восточных языков Российского государственного гуманитарного университета; Школа востоковедения, мировой политики и мировой экономики НИУ ВШЭ (адрес: 119049, г. Москва, ул. Мароновский пер., 26; 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20).
ORCID: 0000-0003-2925-3610. E-mail: krkim@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ким Хэ Ран. Жизнь и вклад в науку корейского лингвиста Ким Су Гёна // Корееведение. 2026. № 2 (15). С. 83—99.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.63.38.008.

1. INTRODUCTION

This paper examines the research and personal life of Kim Su-kyung, who moved from South Korea to North Korea during a complex historical period and worked to advance Korean linguistics. Born in Tongchon 통천 (Gangwon Province 강원도) in 1918, Kim Su-kyung, by the time of his liberation in 1945, had mastered fifteen foreign languages (Greek, Latin, Sanskrit, English, German, French, Russian, Italian, Spanish, Portuguese, Danish, Japanese, Chinese, Mongolian, and Manchu). After graduating from Keijo Imperial University 경성제국대학, he taught French at the Keijo Graduate School of Commerce (the predecessor of the College of Commerce at Seoul National University). In 1946, he lectured on "Introduction to the Korean Language" at the Provisional Institute for the Training of High School Teachers Affiliated with the Keijo University Preparatory Course 경성대학 예과 부설 임시 중등교원 양성소 and the Provisional Institute for the Training of High School Teachers Affiliated with Keijo Normal University 경성사범대학 부속 고등학교 교사 양성원, both established to train high school teachers (Choi Kyung-bong et al., 2007). In May 1946, he joined the Korean Language Society. During this time, he contributed little to the writing of articles or dictionary compilations for Hangul, the journal of the Korean Language Society.

After the liberation period, Kim Su-kyung returned to North Korea in August 1946, where he conducted extensive research on the Korean language. In 1947, Kim Su-kyung, a professor in the Korean language department at Kim Il-sung University 김일성대학교 (where he was invited as a founding member in September 1946), founded the Korean Language Research Association together with Kim Il-sung University President Kim Du-bong 김두봉.

Figure 1. This photo[1] was taken by philosophy students from the Department of Law and Literature at Keijo Imperial University 경성제대 in 1938 to commemorate their graduation. Kim Su-kyung is on the far right in the back row, and Jeong Hae-ryong's (정해룡) younger brother, Jeong Hae-jin (정해진), is second from the left.

Figure 2. In March 1942, he attended the wedding of his Gyeongseong Imperial University 경성제대 classmate Lee Myeong-seong 이명성 (literature) in Seoul, where he met his wife, Lee Nam-jae. The wedding between the groom and bride was officiated by Korean language scholar Lee Geuk-ro (이극로).

[1] Photo provided by his daughter, Kim Hye-young. Quoted from Japanese Professor Ryuta Itagaki.

In his linguistic research, Kim Su-kyung established the principle of "morphology 형태주의," which states that the same Chinese characters should be written in the same form. He participated in the North Korean language revolution, abolishing the "initial sound rule 두음법칙" and Chinese characters 한자. He also laid the foundations for the North Korean regime's early language policy and later served as the head of the Korean language department, making a significant contribution to the study of the North Korean language.

2. PREVIOUS LINGUISTIC RESEARCH AND METHODS

Due to the division of North and South Korea, there is insufficient information about previous research by Korean linguists who traveled to North Korea to study Korean linguistics. This is due to the difficulty modern Korean linguists have in accessing materials on the Korean language from those years.

In this article, we will collect and analyze Korean research materials on the eminent linguist Kim Su-kyung, as well as research by Russian scholars on North Korean linguistics published in Russian libraries and Russian linguistic journals.

The first generation of Korean linguists who chose North Korea immediately after liberation included researchers such as Hong Ki-moon 홍기문 [1], Ryu Ryol 류렬, Kim Su-kyung 김수경, and Jeon Mong-soo 전몽수, who achieved outstanding results with the help of the Hunminjeongum. The division of North and South Korea led to a linguistic divide and, subsequently, a division in the study of the Korean language.

Therefore, an important task is to study the trends in the flow of North Korean language research by Korean scholars who moved from South Korea to North Korea.

Research in Korean studies first emerged in Europe and Russia. Following the division of North and South Korea, significant work on the study of the North Korean language was conducted by Russian scholars. It is important to understand that the research of North Korean linguists is extremely important for joint research on the history of Korean linguistics in the South and North.

Cheon Gwang (1999: 143—217) divided North Korean language researchers of the liberation period (includ-ing the authors of the academic journal "Korean Language Studies") into three groups:

first, linguists from the Department of Korean Language at Kim Il-sung University, working under the supervision of Kim Su-kyung;

Secondly, coastal scholars such as Lee Man-gyu 이만규, Kim Geum-seok 김금석, and Park Eui-sung 박의성, who continued the academic tradition, and Ju Si-kyung 주시경, a student of Kim Doo-bong 김두봉; Thirdly, Jeon Mong-soo 전몽수, who went from the South to the North, and Hong Ki-moon 홍기문, a researcher.

[1] The discovery of the original Hunminjeongeum prompted Hong Ki-moon to translate its text (1946), which made it possible to confirm the true value of the Hunminjeongeum from a Korean linguistic perspective. Previously, it was believed that it was derived only from the Hunminjeongeum section (Yeui). He moved to North Korea with Chung Mong-soo and republished the translation of the original Hunminjeongeum in Pyongyang (Lee Sang-hyuk. 2011:283).

The North Korean language researchers who united around the Korean Language Society and the Korean Language Research Association can be divided into four groups:

Firstly, Kim Byung-jae 김병제[1] and Lee Geuk-ro 이극로[2], who after liberation changed the ***Korean Language Society 조선어학회*** to ***the Korean Language Research Society 조선어문연구회***; secondly, Kim Su-kyung 김수경, Ryu Chang-sun 류창선[3], Lee Man-gyu 이만규[4], Hong Ki-moon 홍기문[5], and Jeon Mong-su 전몽수[6], who did not participate in the work of ***the Korean Language Society 조선어학회*** after liberation but directed the study of the North Korean language at ***the Korean Language Research Society 조선어문연구회***; thirdly, Ryu Ryol 류렬 and Jeong Yeol-mo 정열모[7], who worked at ***the Korean Language Society 조선어학회*** only after liberation and then decided to go north; fourthly, Ryu Eung-ho 류응호[8], who chose to study North Korean after liberation without any academic connections (Lee Sang-hyuk, 2007: 19—27).

Examining the research trends of Korean linguists who chose the North, they can be summarized as follows: Kim Byeong-je 김병제 and Lee Man-gyu 이만규 as researchers of dictionaries and education; Ryu Yeol 류열, Jeon Mong-soo 전몽수, and Hong Gi-mun 홍기문 in the study of *the history of the Korean language 국어사*; Kim Su-kyung as a researcher who introduced and disseminated early socialist linguistics; Jeong Ryeol-mo 정렬모 as the *pioneer of the Northern grammatical perspective 북쪽 문법관의 효시 연구자*; and Lee Geuk-ro, who comprehensively summarized Northern Korean linguistics based on *phonetics 음성학*. (Lee Sang-hyeok, 2007:24).

---

[1] He was a researcher who graduated from the liberal arts department of Yonsei College and was influenced by his father-in-law, Lee Yun-jae, who was a professor at Yonsei College (founded in 1915, Yonsei University).

[2] Before his release, he was sentenced to six years in prison for the Korean Language Society incident, and as a researcher specializing in economics in Germany, he was a leader in Korean language studies in North Korea after his release.

[3] He graduated from Rikkyo University in Japan, majoring in history and studying the history of the Korean language.

[4] After liberation, it was related to national language policies such as Chinese characters, textbooks and teaching methods.

[5] In the 1920s, he studied abroad in China and Japan, and Chinese classics influenced his study of the Korean language. In 1948, he moved to North Korea with his father, Byeokcho Hong Myong-hee.

[6] Before his release, he conducted research on the topics of "dialects, old words, etymology, and hun-mong-cha-hwe" in the academic journal "Hangul", and after his release, he conducted many studies on the history of the Korean language in the academic journal "Research on the Chosun Language".

[7] In the 1950s, Yu Yeol left a manuscript in the dissertation collection of Hongik University. Since then, he has become a unique figure in the history of the Korean language, and much early research has been conducted on the **Hunminjeongeum** 훈민정음. Jeong Yeol-mo, a grammarian who studied Korean under Ju Si-kyung in the advanced course at the Korean Language Institute, specialized in Japanese language and literature at the Graduate School of Education at Waseda University and mastered the systematic theory of grammar. After his release, he became the first president of Hongik University. (Lee Sang-hyuk 2007: 20—26)

[8] He was an orthodox linguist who graduated from the University of Tokyo's linguistics department, but after his release, he was ousted by the Hangul faction and was unable to express his own views. It is said that, having chosen the North, in the 1950s he actively studied phonetics and taught foreign languages.

3. THE LIFE AND ACADEMIC ACHIEVMENT OF KIM SU-KYUNG

3.1. The Life and Family of the Linguist

According to an interview conducted by Hankyoreh reporter Kang Seong-man 강성만 기자 with Professor Itagaki (2021), when Kim Su-kyung taught at Kim Il-sung Univer-sity, a lecture he delivered interpreting the original French text became legendary at the university. Kim Su-kyung taught seven foreign languages based on original texts. Hideo Kobayashi, a Japanese linguist who taught Kim Su-kyung at Keijo Imperial University during the Japanese colonial period, told his Japanese students after liberation that Keijo Imperial University 경성제국대학교 had a brilliant linguist, Kim Su-kyung, and urged them to achieve the same success.

After the outbreak of the Korean War, Kim Su-kyung traveled to South Korea as part of a short term task 선무 공작대 force consisting of professors from Kim Il-sung University. Kim Su-kyung's family (wife, two daughters, and two sons) traveled to South Korea to find him, but he returned to North Korea, and their paths diverged forever. In 1970, hoping to find her husband, Lee Nam-jae 이남재 (Kim Su-kyung's wife) emigrated from South Korea to Canada with three of her four children. Kim Su-kyung's eldest daughter, Kim Hye-ja 김혜자, majored in nursing. She helped the family emigrate to search for her father, as it was easier to do so from abroad at the time. Kim Hye-young 김혜영, Kim Su-kyung's second daughter, born in Pyongyang in 1948, was able to obtain information about her father abroad. She studied linguistics at the University of Toronto, hoping to hear about her father in academic circles. Kim Tae-sung 김 태성, Kim Su-kyung's second son, was unable to obtain a Canadian visa and left for Germany, where he earned a doctorate in German studies and taught German at Pusan National University for thirty years. After emigrating to Canada, Kim Su-kyung's family was able to exchange letters with him beginning in 1986, thanks to a professor from Yanbian University visiting Toronto. Later, at a conference on Korean studies held at Peking University in China, Kim Hye-young (Kim Su-kyung's second daughter) was able to meet her father.

Lee Nam-jae, Kim Soo-kyung's wife, a graduate of Ewha Womans College 이화여전 문화 출신 (1925—1945), was a student of Professor Lee Hee-seung 이희승. She was able to see her husband only in 1998 in Pyongyang after a forty-eight-year separation, and two years later Kim Su-kyung died[1].

3.2. Kim Su-kyung's Research in Korean and North Korean Linguistics in the 1950s, Influenced by Soviet Linguistics

From his arrival in North Korea in 1946 until the late 1960s, Kim Su-kyung published articles and books on *Korean grammar 문법론*, L*anguage Policy Theory 언어정책론,* and *stylistics 문체론*. He translated Soviet linguistic research into Korean and introduced it to North Korea, and actively reflected the problems of Soviet linguistics in his own research. The main translations of Soviet linguistic research are "*Linguistics* (*Введение в языкознание*)" (A.A. Reformatsky, Ministry of Education, 1949) and "On the Works of I.V. Stalin on Linguistics" (V.V. Vinogradov, First Publishing House of Educational Literature Sinuiju 신의주, 1952).

[1] Interview with Professor Itakaki Ryuta, Hankyoreh Shimbun, 한겨레신문 아타가키 교수 인터뷰 (강성만 기자) URL: https://www.hani.co.kr/arti/culture/book/1013090.html

Stalin's linguistic research, translated by Kim Su-kyung, has not previously been presented in Korea. It provides insight into the influence of Stalin's nationalist linguistics on early North Korean linguistics. The author discovered this research in the Russian State Library. The author also emphasizes that the book, which contains materials on Soviet linguistics, was published in Sinuiju in 1952, during the Korean War. Kim Su-kyung's linguistic research lags behind the 1960s to the late 1980s. It can be assumed that he spent this time writing novels rather than researching the Korean language. The novel "Season of Birth 탄생의 계절," written by Kim Su-kyung in October 1985 and discovered by the author in the Russian State Library, was published by the Pyongyang Literary Publishing House. The book's protagonist is a female botanist named Ryu Yeon, surrounded by mechanical engineers and botanical researchers. The novel also features scientists, farm workers, laboratory researchers, the director of a scientific guidance office, and an engineer at a cooperative farm. The preface to the novel states: "The path of exploring the unknown world is not easy, and creation essentially requires independence and hard work."

Kim Su-kyung is a scholar who laid the foundations of the North Korean regime's early language policy and, along with Kim Du-bong, the foundations of academic North Korean linguistics. However, after the political purge, Kim Du-bong and Kim Su-kyung faced political trials. Kim Du-bong (金斗峰), a Korean scholar and president of Kim Il-sung University, who was the first chairman of *the Presidium of the Supreme People's Assembly 최고인민회의 상임위원회* of North Korea and a student of Professor Ju Si-kyung 주시경(朱時慶), and linguist Kim Su-kyung 김수경(金壽慶) focused on the study of Korean linguistics.

There is a theory that the linguistic differences between North and South Korea are not that great even today, as Kim Du-bong and Choi Hyong-bae (최현배) were both students of Ju Si-kyung (주시경). Kim Du-bong (김두봉) directed North Korean language policy, while Choi Hyong-bae directed South Korean language policy.

Kim Su-kyung's linguistic and translation work can be seen as a process of introducing the foundations of Soviet linguistics and creating a theoretical framework for North Korean linguistics after liberation. Referring to articles translated and presented in Korean by Kim Su-kyung, we see that Soviet linguistics played a crucial role in the early development of North Korean national linguistics. Here are a few:

"Thirty Years of Soviet General Linguistics"; the first issue of the "Journal of the Korean Language" (1949); "Tasks Facing Soviet Linguistics"; "The Current Stage of Development of the New Theory of Language";"Korean Linguistics" 1-2, 1-3, 1-6 (1949); "Thirty Years of Soviet Oriental Studies"; "N. Ya. Marr and Soviet Linguistics"; "Structuralism and Soviet Linguistics"; "Journal of the Korean Language" 2-1 (1950), etc.

The book "On the Works of I.V. Stalin's Lectures on Linguistics" (V.V. Vinogradov), translated by Kim Su-kyong in 1952, consists of one hundred twenty eight pages and has the following contents:

Lecture 1. Devoted to N.Ya. Marr's anti-Marxist theory on the origin and development of language. A free discussion in Pravda of the problems of linguistics in the field and some of the main errors in the methodology of Soviet linguists. Lecture 2. On the significance of I.V. Stalin's works in the development of Soviet linguistics.

Lecture 3. On some issues of linguistics. The book also includes a section with examples of basic Russian and Korean vocabulary, along with explanations of the grammatical structure and fundamental concepts of Stalinist linguistics. Most linguists who chose North Korea tended toward nationalist linguistic research, and until 1950, they adhered to a socialist view of language based on Marxism. In 1952, Kim Su-kyung translated I.V. Stalin's book "On the Problems of Linguistics," in which the author reveals the anti-Marxist nature of the linguistic views of N.Ya. Marr and his followers. The book contains materials that caused a profound transformation of Soviet linguistics. It clearly delineates the boundaries between Soviet linguistics of the past and Soviet linguistics of 1952, clarifying the future goals of Soviet linguistics. The first lecture, "Free Discussion in Pravda," raised the most important issues of Soviet linguistics and led to theoretical and historical problems of language. I.V. Stalin personally participated in this meeting.

I.V. Stalin's works "On Marxism in Linguistics," "On Certain Questions of Linguistics," and "Reply to Comrades" led Soviet linguistics onto a truly Marxist line of research and laid the foundations of general linguistics. They not only provided clear and precise answers to the most important and complex questions but also put an end to the confusion that reigned among N.Ya. Marr's students, among the leading linguists. The only article on Kim Su-kyung's linguistic research and works was by Moscow State University professor Yu.N. Mazur. Published in an academic journal on linguistics in Moscow in 1952, the article is historically significant because, despite the fact that it was a war between North and South Korea, North Korea, in the same year of 1952,

Figure 3. The stay of the Russian Korean scholar Mazur in Pyongyang (1958—1959), Kim Sukyung on the left and Hong Ki-moon on the right of Mazur. *Source:* Russian Korean Studies, 2nd Moscow: Muravei, 2001.

showed that linguistic research and the language policy of scholars continue even during wartime.

Yu. N. Mazur's article states that university professors also participated in the war, and all the university's books and materials were taken to the mountains to continue research. Many scholars volunteered for the front, including Chung Mong-soo, a linguist and professor of literature at Kim Ilsung University, and Kim Su-kyung, a professor of Korean linguistics. Their work deserves greater recognition. The renowned linguist Chung Mong-soo died in the Korean War. Thus, despite everything, Korean linguists continued their research, and the publication of a translation of I. V. Stalin's linguistic works marked a new stage in the development of Korean linguistics.

Below is an excerpt from Yu. N. Mazur's article "Problems of Linguistics. The Democratic People's Republic of Korea":

"Based on the linguistic works of I. V. Stalin is revising the curriculum for core theoretical courses, lectures, and textbooks in linguistics. The curriculum for undergraduate and graduate students specializing in this field has been revised, a research system has been developed, and new challenges for scholarly work in the field of linguistics have been presented.

Korean scholars devoted considerable attention to studying the basic vocabulary, morphology, and syntax of the Korean language. Kim Su-kyung, who returned from the Korean War and became one of the most prominent linguists, served as dean of the Faculty of Linguistics and head of the Korean Language Department. He was one of the most prominent linguists. He researched the basic vocabulary and grammatical structure of the Korean language. Furthermore, with his active participation, a curriculum was developed covering topics such as philosophy, history, and linguistics, with a special emphasis on the linguistic works of I.V. Stalin. Kim Su-kyung and Hwang Bu Yong 황부영 wrote a linguistic article, Lim Yong Ok 임용옥 wrote a master's thesis on "Key vocabulary of the Korean language in light of the linguistic research of I.V. Stalin", and Son So Ryong 손서룡 wrote a dissertation on Korean history (Yu.N. Mazur 1952: 119—122).

In 1949, Kim Su- kyung published an article entitled "Epenthetic Consonants in **Yongbieocheonga** 용비어천가," which contained discussions aimed at finding a solution to spelling problems. In South Korea, the case ending (particle) of the North Korean word "to 토" is defined as "cho-sa 조사." This issue was discussed in 1956 in the work "On Some Fundamental Problems of Korean Morphology (Volumes 1-2)," and an attempt to elucidate the nature of the particle "to 토" was made based on the theories of Soviet linguists.

A discussion of the morphology and grammar of the Korean language is also present in the Korean translation of the Soviet linguistic book "On the Works of I.V. Stalin's "Research on the Problems of Linguistics," published in 1952, states in its third chapter that the essence of language lies in its basic vocabulary and grammatical structures, and that the great achievements of social thought are embedded in the grammatical structures of language. Regarding the problems of Marxism and linguistics, unlike N.Ya. Marr's argument that the grammatical structure and basic vocabulary of a language are not constant, grammatical structures are supplemented through changes over time, and their ru-

les are refined and clarified. Stalin's view was that although language is enriched by new rules, the basic grammatical structure remains preserved over a long period of time.

According to Choi Kyung-bon (2008:127—148), Kim Su-kyung's research in clarifying grammatical phenomena through the application of structuralist methodology to Korean grammar is outstanding. According to Professor Choi Kyung-bong, Kim Su-kyung likely studied structural linguistic theory under the influence of a Japanese professor of linguistics who taught linguistics at Gyeongsung Imperial University in South Korea. Shaolin Yeonmi is the scholar who introduced structuralist theory to the Japanese linguistic community by translating the "Cours de linguisique générale" (1916) into Japanese. His scientific method of structuralism in linguistics is believed to have greatly influenced Kim Su-kyung, who specialized in philosophy and was an excellent French teacher, and later a Korean studies and stylistics professor.

Kim Su-kyung's status as a structuralist linguist is demonstrated in his article "Epenthetic Consonants in **Yongbieocheonga** 용비어천가." We attempted to elucidate the morphological, structural, and semantic characteristics by analyzing the distributional relationships of linguistic elements, and the presentation of the distributional en-vironment of the inserted consonants allowed us to confirm this. During the study of the distributional environment, it was revealed that the inserted consonant "ㅅ" has a function different from the genitive case "의." The reason why the inserted consonant appears only when the antecedents of the two nouns being combined end in (a vowel, a consonant, or a liquid sound) is explained based on general phonetic phenomena: this is done to prevent the formation of voiced sounds through assimilation.

For example, '바닷가' combines two morphemes by inserting the interconsonantal 'ㅅ' as a lower element (final consonant). To prevent the voiced assimilation of '바다+가', the 'inserted consonant 'ㅅ' is inserted, giving it the phonetic value of /s/; consequently, when '바닷가' is pronounced <pa.tas.ka>, the initial consonant of '가' becomes a geminated consonant, resulting in [kka]. Additionally, there was a method of inserting a syllable without phonetic value instead of the inserted character called the 'interconsonantal 'ㅅ' in orthography; '바다가' using this syllable method is pronounced <pa.ta.ka>. Kim Su-kyung stated that the New Korean Orthography inserts syllables to prevent assimilation occurring between two morphemes and to indicate accent phenomena. Kim Su-kyung stated in a note to his 1949 book *Korean Grammar* that his concept of the "severing consonant group" in the new Korean orthography was derived from Russian linguistics, and that he referenced the "tense consonant group" (ъ) in the Cyrillic alphabet, which has no phonetic value and functions to separate the preceding and following letters, in the *Russian Grammar* by Soviet linguist V. Serba.

In addition, Kim Su-kyung was responsible for theorizing the principles of initial consonant notation. An article in the Rodong Sinmun titled "<Several Amendments in the Korean Language Society's 'Unified Plan for Hangul Orthography' — Regarding the Initial Consonants 'ㄴn' and 'ㄹl' in the Notation of Chinese Characters>" was unique and specialized. It pointed out problems arising from the 'notation of Chinese characters' and stipulated that notations such as 'labor' and 'woman' based on the initial consonant rule should be discarded, and that Chinese characters with one morpheme per character should be written as 'labor' and 'woman' in accordance with the regulations on Chinese words in the 'Unified Plan.'

Kim Su-kyung's research achievements were summarized as follows: (Written by the author with reference to Choi Gyeong-bong 2006)

Year	Title of Thesis and Books (Publication)
Phase 1: Linguistic Thesis and Translation Activities (1949—1950) Summary:Translation and introduction of Soviet linguistic theory; pursuit of structuralist methodology and practical national linguistics; efforts to establish socialist linguistic theory	
1949	General Linguistics by Shcherba(Chosŏn Ongmun Yŏngu Changanho)
1949	Current Issues in Shcherba's Linguistics(Chosŏn Ongmun Yŏngu Changanho)
1949	Current Stage of New Language Development(Chosŏn Ongmun 1 vol. 2 no.)
1949	Thirty Years of Soviet Oriental Studies(Chosŏn Ongmun 1 vol. 3 no.)
1949	Linguistics(by Leopold Tschumak) (Kyoyŏngsa)
1949	N. Ya. Marr and Shcherba's Linguistics(Chosŏn Ongmun Yŏngu 1—6)
1950	Structuralism and Shcherba's Linguistics(Chosŏn Ongmun Yŏngu 2—1)
Phase 2: National Grammar Theory (1949—1964) Summary:Leading research based on the structuralist methodology; establishment of standard grammar norms in North Korea.	
1953	Introduction to the Study of Modern Chosŏn Language(Academy of Sciences Journal 1)
1954	Grammar of the Chosŏn Language (Syntax)for the 3rd Grade of Primary School (Publishing House of the Academy of Sciences)
1954	Grammar of the Chosŏn Language (Phonology and Morphology)for Grades 1—2 of Primary School (Publishing House of the Academy of Sciences)
1956	On Several Fundamental Issues of the Morphology of the Chosŏn Language
1956	On Several Fundamental Issues of the Morphology of the Chosŏn Language
1949	Grammar of the Chosŏn Language
1960	Grammar of the Chosŏn Language 1(Publishing House of the Academy of Sciences) (Chosŏn Language Research Society)
1961	Modern Chosŏn Language 1 (Publishing House of the Academy of Sciences)
1961	Modern Chosŏn Language 2
1962	Modern Chosŏn Language 3
1964	Grammar of the Chosŏn Language(Publishing House of the Academy of Sciences)
1964	Lexicology and Phonology of the Chosŏn Language(Publishing House of the Academy of Sciences)
Phase 3: Applied Linguistics (1947—1964) Theme:Applying research results to language norms and practical usage.	
	Language Policy Research (국어정책론 연구)
1947	On Some Issues Regarding Hanja (Chinese Characters) in the Unified Spelling System of the Korean Language, Following the Revision of Certain Hanja Pronunciations(based on theChoson Ongmun Hoe[Korean Language Society] document). Specifically addressing the sounds ㄴ and ㄹ.
1958	Why Was Hanja Abolished in the Northern Half of the Republic? (Malgwa Gil, No. 1).
1967	Several Issues for the Subjective Refinement of Korean Academic Terms(Omun Yongu, No. 1)
	Lexicography (사전학)
1963	Chosŏnmal Sajŏn(Korean Language Dictionary), Volumes 1—6 (Chosŏn Ongmun Hoe,
1965	No. 2). Several Issues for the Compilation of a New Korean Language Dictionary(Chosŏn Ongmun Hoe, No. 4).

End of the table

Year	Title of Thesis and Books (Publication)
	Stylistics (문체론)
1961	For the Purpose of More Rigorously Observing the Party's Policies Aimed at Consolidating the People's Style(Chosŏn Ongmun Hoe, No. 3).
1963	For the Purpose of Further Deepening the Understanding of Style(Chosŏn Ongmun Hoe, No. 3).
1964	Theory of Korean Language Style(Kodang Kyoyuk Dosŏ Ch'ulp'an Sa— Higher Education Publishing House).
1964	Elements of Colloquial Style as Manifested in Recent Theories(Chosŏn Ongmun Hoe, No. 5).
Phase 4: History of the National Language and Literature (1985—1994)	
1985	The Season of Birth (literary work)
1989	Critical review of the views of the South Korean academic community on the history of language during the Three Kingdoms period
1989	On some characteristics of East Asian language studies in the Chosŏn language (Korean) of the 14th—19th centuries
1994	On bibliographic issues and linguistic-historical significance ofTranslation of the Lotus Sutra («반역로걸대») andLotus Sutra («로박집람») (published inLinguistic Papers, Volume 11)

I. **(1949—1950)** In Kim Su-kyung's 1949 article "Ependent Consonants in **Yongbie-ocheonga** 용비어천가에 보이는 삽입자모의 본질," he emphasized that the "epenthetic consonant (sai-si-ot) <ㅅ>" arose at the phonetic level, not the grammatical one. Some also believe that this became the theoretical basis for the North Korean writing system, which does not recognize "epentheticconsonants (sai-si-ot 사이시옷) <ㅅ>" based on the principles of morphological notation. On the other hand, South Korean orthography is based on the principle of phonetics and uses epenthetic consonants in its notation. In the first article published after Kim Su-kyung moved to North Korea, he criticized the phonetic bias of the Korean Language Society's "Plan for the Unification of Korean Orthogra-phy 한글 맞춤법 통일안" regarding the designation of the initial consonants "ㄴ" and "ㄹ" and advocated the rationality of morphological notation. This allows us to see that the morphological notation principle of North Korean linguistics formed the basis of a notation method that does not recognize an initial sound rule.

II. **(1949—1964)** Kim Su-kyung's research in 1954 and 1961—1965 was related to the compilation of textbooks published by educational publishing houses. This was a period when general interest was focused on establishing linguistic norms and standard grammar, and discussions of orthography and the compilation of grammar textbooks were conducted alongside discussions of grammar theory. In particular, the application of structuralist grammar and new methods of analysis to the Korean language can be seen as closely connected to the compilation of grammar textbooks and discussions of grammar theory. Kim Su-kyung was a Korean linguist who led discussions on Korean grammar in North Korea in the 1950s. He participated in the writing of the "Korean Grammar" created after the "New Korean Orthography" (1948) was promulgated, and was involved in compiling the standard grammar textbook from 1954 until the late 1960s. In a 1956 article on morphological analysis, the structure of the word <to 토

(particle)> was analyzed: it was defined as a dual entity with the characteristics of both a word and an affix, and it was isolated as an independent part of speech. According to Kim Su-kyung, morphological characteristics should be taken into account when analyzing <to 토 (particle)> as a suffix and a "positional morphological part" indicating the syntactic position of the word, but grammatical agglutinative elements should also be defined according to their functional characteristics. In the 1960 Korean Grammar, <to 토 (particle)> was classified as a grammatical affix, not as an independent part of speech. All grammatical agglutinative elements were divided into grammatical affixes, and grammatical affixes were further divided into <to 토 (particle)> and morphological suffixes. In the 1964 Korean Grammar, the grammatical agglutinative element <to 토 (particle)> is divided into "positional to 토 (par-ticle) 위치토" and "non-positional to 토 (particle) 비위치토".

III. (1947—1964) Kim Su-kyung applied the results of his research to practical areas, such as linguistic norms. Interest in linguistic norms continued in connection with the compilation of new dictionaries. His 1965 article, "Some Problems in Compiling a New Korean Dictionary, 새로운조선말 사전 편찬을 위한 몇 가지 문제" outlined the direction of dictionary compilation when the need arose to compile a new dictionary in accordance with Kim Il-sung's instructions in 1964. In addition to morphological and structural linguistics, which describe linguistic phenomena, the need for a normative dictionary, such as a dictionary of spelling and word clarification, was also expressed.

When Juche ideology spread in North Korea, Kim Su-kyung became interested in the problem of linguistic expression. He attempted to systematize stylistics, which analyzes the characteristics of a writer's way of expressing his thoughts in his work from a linguistic perspective. Two works, "To More Completely Implement the Party's Policy for Creating a Popular Literary Style 인민적 문풍 확립을 위한 당의 방침을 더욱 철저히관철하기 위하여" (1961) and "Further Deepening the Understanding of Literary Style 문풍에 대한 리해를 더욱 심화하기 위하여" (1963), analyze research related to the theory of literary style. Based on these studies, a book entitled "Stylistics of the Korean Language 조선어 문체론" (1964) was systematized and pub-lished. According to Choi Kyung-bon (2008: 379), Kim Su-kyung's "Stylistics of the Korean Language" primarily focused on social, generalized styles. He is considered to have combined expressive stylistics, aimed at describing the expressive effects of language, with practical stylistics.

Charles Bally, a Swiss linguist and stylistics specialist, was interested in linguistic subjectivity as the most extensive means of expressing the speaker's personality and emotions, and stylistics, which relates to the expression of subjectivity in language, was considered by him to be a field of linguistics. Kim Su-kyung's theory of stylistics analyzed linguistic style as a socially conventional linguistic system stored in each person's mind, rather than as an individual style. It's also worth noting that Charles Bally attempted to describe the expressive effects of language, which bears similarities to Kim Su-kyung's theory of expressive style. Charles Bally's "Traité de stylistique francaise" (1909) and his most famous book, "Linguistique générale et linguistique francaise" (1932, 1944), were translated into Russian in 1955 under the title "General Linguistics and Questions of the French Language Общая лингвистика и вопросы французского языка." This subsequently had a major influence on Russian linguistics, particularly on the research in modal interpretation, grammar, and stylistics of the Soviet linguist V.V. Vinogradov. It can

be said that structuralist Korean linguistics and the practical research of Kim Su-kyung on the "stylistics of the Korean language" were influenced by Charles Bally's linguistic theory and stylistics. Kim Su-kyung, fluent in French, studied Charles Bally's "Linguistique générale et linguistique francaise," published in French in 1932 and 1944, and attempted to systematize Korean stylistics from a linguistic perspective, sharing the author's views. It can be assumed that "Stylistics of the Korean Language" was published as a result of these efforts.

IV. (1985—1994) Kim Su-kyung conducted virtually no research on Korean linguistics from 1969 to 1989. The only available material from this period is his novel "Season of Birth 탄생하는계절" (1985). It is impossible to say exactly how many novels he wrote as part of his creative output. Kim Su-kyung's wife emigrated to Canada with their three children in 1970, deciding that it would be easier to locate her husband there. Kim Su-kyung's second daughter, Kim Hye-young 김혜영, emigrated to Beijing. With the help of a professor at Yanbian University, she was able to establish correspondence with her father in 1986. She also met him at a Korean studies conference held in 1989 at Beijing's Ching-yong University in China. Kim Su-kyung presented a paper there, "On Some Features of the Study of East Asian Languages in the Korean Language of the 14th—19th Centuries." Kim Su-kyung was reunited with his wife in Pyongyang in 1998, two years before his death.

In his 1989 book, "A Critical Review of South Korean Academic Views on the Linguistic History of the Three Korean States, 세나라 시기 언어력사에 대한 남조선 학계의 견해에대한 비판적 고찰" Kim Su-kyung emphasizes the uniqueness of the Korean language, criticizes the views of South Korean scholars who discussed the heterogeneity of the languages of Goguryeo, Baekje, and Silla, and argues that the lan-guages of the Three Korean States were homogeneous. Specifically, the fourth chapter of the book, "On the Necessity of Language Research to Ensure a Strong Sense of National Independence,언어 연구는 민족자주의식을 튼튼히 지녀야 하는데대하여" mentions the tasks of linguists in both South and North Korea. In the late 1980s, Kim Su-gyeong published books and articles such as "On the Bibliographical Prob-lems of the Translation of Logel-Daebak-Nongsa-Bomre 번역 로걸대박농사범례(The General Case of the Old Man Begging about the Great Park)" and "Ro Bak-Jip-Ram 로박집람 (The Collection of Old Park)" and Their Linguistic Meaning" (1994), which are studies related to the history of the Korean language, and con-ducted research on the ancient and medieval Korean language.

4. CONCLUSIONS

Kim Su-kyung is a researcher and scholar who received his education in the Department of Philosophy, Faculty of Law and Literature, Keijo Imperial University during the Japanese colonial period. He studied linguistics, lived and worked in North Korea, translated publications on early socialist linguistics, and oversaw its introduction and dissemination. He also studied Korean grammar and has research achievements in stylistics and national language policy.

Kim Su-kyung introduced the methodology of structuralist linguistics, organized a standard grammar, con-ducted grammatical studies, and compiled grammar textbooks.

He translated the works of Karl Marx and I.V. Stalin into Korean and applied them in his own research. Thus, Kim Su-kyung made an invaluable contribution to grammatical research of the Korean language and the compilation of Korean grammar textbooks. It's worth noting that Russian Korean scholars influenced the compilation of Korean language textbooks in Russia. Notable examples include “An Outline of Korean Grammar, Очерк грамматики корейского языка» 조선어 문법개론” compiled by A.A. Kholodovich in 1954, and “Word Form and Phrase Form in Modern Korean, Форма слова и словосочетания в современном корейском языке 조선어 문법개론” by Professor Yu.N. Mazur (1960). The research of Kim Su-kyung, a structuralist linguist and scholar who sought to harmonize the practical applications of linguistics (such as the theory of national language policy, dictionary use, and practical stylistics), is important for understanding the trends in Korean language studies that existed in the historical periods before, during, and after liberation. This moment is an important part of the history of Korean linguistics. Furthermore, linguistic research conducted by North Korean linguists in Russia prior to the establishment of diplomatic relations between South Korea and Russia in 1990, as well as understanding and elucidating linguistics through the study of the Korean language after the establishment of diplomatic relations, is a key task not only for scholars of South and North Korea, but also for scholars and students of Korean studies in Russia.

Identifying Korean scholars who have been forgotten or hidden due to differences in politics, economics, culture, and literature, as well as identifying and elucidating their achievements and studying their biographies, is an important part of academic research. The author also emphasizes that this will help advance Korean studies worldwide along with the Korean Wave.

Библиографический список

김수경. 탄생하는 계절 장편 소설 [Ким Су-гён. Сезон рождения. Роман]. 평양: 문예 출판사, 1985. 443 с. (На кор.)

김수경 역. 언어학 (아.아. 레폴마트쓰키 저)[Ким Су-гён, пер. Языкознание (автор А.А. Реформатский)]. 1949. С. 59—70. (На кор.)

김수경 역. 언어학의 문제들에관한 이·웨· 쓰딸린의로작에 관하여 (웨·웨 위노그라도브 저) [Ким Су-гён, пер. О произведениях И.В. Сталина по вопросам языкознания (автор В.В. Виноградов)]. 신의주: 교육, 도서제일출판사 1952. 127 с. (На кор.)

남기심·고영근. 표준국어 문법론 (4 판) [Нам Гисим, Ко Ёнгын. Теория грамматики стандартного корейского языка (4-е изд.)]. 서울: 박이정, 2013. С. 305—310. (На кор.)

이상혁. 해방 후 초기 북쪽 국어학 연구의 경향: 1945-1950년 초기 국어학 연구자를 중심으로 [Ли Санхёк. Тенденции исследований в области корейского языка в Северной Корее в ранний период после освобождения: на основе исследователей корейского языка 1945-—1950 гг.] // 어문논집. 2007. 제56집. С. 5—30. (На кор.)

이상혁. 우리어문 연구 39집 [Ли Санхёк. Наше языковедение, том 39] // 우리어문학회. 2011. С. 275—296. (На кор.)

정광. 구소련의 언어학과 초기 북한의 언어 연구 [Чон Гван. Лингвистика бывшего Советского Союза и языковые исследования в Северной Корее в ранний период] // 언어 정보. 1999. 제2호. 고려대 언어정보연구소. (На кор.)

최경봉 외. 해방이후 국어 정립을 위한 학술적·정책적 활동 양상[Чхве Гёнбон и др. Аспекты академической и политической деятельности по установлению корейского языка после освобождения] // 국사편찬위원회구술 채록자료. 2007. (На кор.)

최경봉. 일제 강점기 조선어 연구의 지향 [Чхве Гёнбон. Направления исследований корейского языка в период японской колониальной оккупации] // 한국어학. 2008. 제40호: С. 127—148. (На кор.)

최경봉. 김수경의 국어학 연구와 그 의의 [Чхве Гёнбон. Исследования Ким Су-гёна по корейскому языку и их значение] // 한국어학. 2009. 제45호: С. 363—385. (На кор.).

Мазур Ю.Н. Вопросы языкознания за рубежом n.3 [Мазур Ю.Н. Вопросы языкознания за рубежом, № 3]. 1957. С. 143—217. (На рус.).

Мазур Ю.Н. Вопросы языкознания, Корейская Народно-демократическая Республика [Мазур Ю.Н. Вопросы языкознания, Корейская Народно-Демократическая Республика (зарубежные проблемы языкознания)] // Вопросы языкознания. 1952. № 3: С. 119—122. (На рус.)

Сухинин В.Е. «Культурный язык» в КНДР. Краткий очерк [Сухинин В.Е. «Культурный язык» в КНДР. Краткий очерк]. Москва: МГИМО Университет, 2018. (На рус.)

아타가키 류타. 북으로간 언어학자 김수경 1918—2000 [Атагаки Рюта. Лингвист Ким Су-гён, уехавший на Север, 1918—2000]. 东京: 人文書院, 2021. URL: https://books.rakuten.co.jp/rb/16751937/ (На яп.).

아타가키 류타 지음; 고영진·임경화 옮김. 김수경, 북으로 간 언어학자 [Атагаки Рюта; пер. Ко Ёнджин и Им Гёнхва. Ким Су-гён — лингвист, уехавший на Север]. 서울: 푸른역사, 2024. (На кор.)

강성만. 언어천재 김수경의 삶을 통해: 한계레신문 아타가키 교수 인터뷰 [Кан Сонман. Через жизнь лингвиста-гения Ким Су-гёна: интервью с профессором Атагаки в газете «Ханкёре»]. URL: https://www.hani.co.kr/arti/culture/book/1013090.html (дата обращения: 30.09.2021). (На кор.)

References

Sukhinin, V.E. (2018). «Kul'turnyy yazyk» v KNDR. Kratkiy ocherk [“Cultural Language” in the DPRK. Brief Essay]. Moscow: MGIMO University. (In Russian)

Mazur, Yu.N. (1952). ‘Voprosy yazykoznaniya, Koreyskaya Narodno-demokraticheskaya Respublika’ [Language Problems, Democratic People's Republic of Korea (Overseas Language Problems)], Voprosy yazykoznaniya 3: 119—122. (In Russian)

Mazur, Yu.N. (1957). ‘Voprosy yazykoznaniya za rubezhom n.3’ [Issues of Linguistics Abroad n.3]: 143—217. (In Russian)

강성만 (Gang Seong-man) (2021). ‘언어천재 김수경의 삶을 통해’ 한계레신문 아타가키 교수 인터뷰 ['Through the Life of Language Genius Kim Su-kyung': Hankyoreh Newspaper Interview with Professor Itagaki]. URL: https://www.hani.co.kr/arti/culture/book/1013090.html (accessed: 30.09.2021). (In Korean)

김석환, 나희승, 박영민 (Kim Sekhwan, Na Huysung, Pak Yengmin) (2014). 한국의 북극 거버넌스 구축 및 참여 전략 [Changes in the Arctic and Establishment of New Arctic Governance]. Sejong: KIEP. 172 p. (In Korean)

김수경 (Kim Su-kyung) (1985). 탄생하는 계절 장편 소설 [The Season of Birth. A Full-length Novel]. Pyongyang: Munye Publishing House. 443 p. (In Korean)

김수경 역 (Kim Su-kyung, trans.) (1949). 언어학 (아.아. 레폴마트쓰키 저) [Linguistics (by A.A. Reformatskiy)]. Pp. 59—70. (In Korean)

김수경 역 (Kim Su-kyung, trans.) (1952). 언어학의 문제들에관한 이·웨· 쓰딸린의로작에 관하여 (웨·웨 위노그라도브 저) [On the Works of I.W. Stalin on the Problems of Linguistics (by V.V. Vinogradov)]. Shinuiju: Educational Books Jeil Publishing Co., Ltd. 127 p. (In Korean)

김정훈, 백영준 (Kim Cenghwun, Payk Yengcwun) (2017). 한국과 일본의 북극 연구 경향 및 전략 비교 [The Comparison of Korean and Japanese Arctic Research Tendencies and Strategies]. Korean-Siberian Center of Pai Chai University. Vol. 21, No. 2: 111—146. (In Korean)

남기심·고영근 (Namgisim·Goyeong-geun) (2013). 표준국어 문법론 (4판) [Standard Korean Grammar (4th Edition)]. Seoul: Park I-jeong. Pp. 305—310. (In Korean)

아타가키 류타 (Itagaki Ryuta) (2021). 북으로간 언어학자 김수경 1918—2000 [North Korean Language Scholar Kim Su-kyung 1918—2000]. Tokyo: Jimbun Shoin. URL: https://books.rakuten.co.jp/rb/16751937/ (In Japanese)

아타가키 류타 지음 (Itagaki Ryuta), 고영진·임경화 옮김 (Ko Young-jin and Lim Kyung-hwa, trans.) (2024). 김수경, 북으로 간 언어학자 [Kim Su-kyung. Linguist Who Went to the North]. Seoul: Pureun Yeoksa. (In Korean)

이상혁 (Lee Sang-hyeok) (2007). '해방 후 초기 북쪽 국어학 연구의 경향: 1945-1950년 초기 국어학 연구자를 중심으로' [Trends in Early North Korean Linguistics Research after Liberation: Focusing on Early Korean Linguistics Researchers in 1945—1950], 어문논집 [Eomun Studies] 56: 5—30. (In Korean)

이상혁 (Lee Sang-hyeok) (2011). '우리어문 연구 39집' [Our Language Studies Vol. 39], 우리어문학회 [Our Language and Literature Society]: 275—296. (In Korean)

정광 (Jeong Gwang) (1999). '구소련의 언어학과 초기 북한의 언어 연구' [Linguistics of the Former Soviet Union and the Language of Early North Korea], 언어 정보 [Language Information] 2. Seoul: Korea University Language Information Research Institute. (In Korean)

최경봉 (Choi Kyung-bong) (2008). '일제 강점기 조선어 연구의 지향' [The Direction of Korean Language Research During the Japanese Colonial Period], 한국어학 [Korean Language Studies] 40: 127—148. (In Korean)

최경봉 (Choi Kyung-bong) (2009). '김수경의 국어학 연구와 그 의의' [Kim Su-kyung's Korean Language Studies and Their Significance], 한국어학 [Korean Language Studies] 45: 363—385. (In Korean)

최경봉 외 (Choi Kyung-bong et al.) (2007). '해방이후 국어 정립을 위한 학술적· 정책적 활동 양상' [Aspects of Academic and Policy Activities for the Establishment of the Korean Language after Liberation]. National Institute of Korean History, Gusul Recorded Data. (In Korean)

Поступила в редакцию: 24.01.2026
Received: 24.01.2026

Принята к публикации: 25.05.2026
Accepted: 25.05.2026

Научное издание

Корееведение
№ 2(15), 2026

Редактор:	Иванова Надежда Ивановна
Технический редактор:	Иванова Надежда Ивановна
Верстка:	Тарасов Сергей Юрьевич
Источник иллюстрации для обложки:	Freepik

Дата публикации электронной версии	Июнь 2026 г.
Подписано в печать	29.06.2026
Тираж	100 экз.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. Институт Китая и современной Азии РАН.

E-mail: cks@iccaras.ru

Scientific edition

Koreanology
No. 2(15), 2026

Editor:	Ivanova N.
Technical editor:	Ivanova N.
Layout:	Tarasov S.
Source of picture on the cover:	Freepik

Date of issue	June, 2026
Posted in Press	
Circulation	100 copy

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: cks@iccaras.ru